

Автор: Сергей Вербицкий

Погибшим подводникам посвящается

МОРСКОЙ ЛЕВ

Эмоции вдыхают в нас жизнь,
а жизнь всегда больше трагедия, чем радость,
потому что есть система.

Телефон автора:
(0852) 46-53-18
E-mail: robert_darkkrain@mail.ru
Вербицкий Сергей

Папка № 1

Запись датирована 24 июня 1990 года

Из-за линии горизонта Берингова моря голубой листок небосклона медленно вытягивал раскаленный шар дальневосточного солнца. На фоне бликов рождающихся лучей, разрезая восьмиметровыми лопастями северную прохладу августовского воздуха, летел к Командорским островам противолодочный вертолет КА-25 Тихоокеанского ВМФ СССР. Он взял старт с военно-морской базы, располагавшейся в Петропавловске-Камчатском, когда город еще утопал во мраке ночи. Восход, ознаменовавший начало нового дня, застал его в середине пути, прижимаясь к поверхности воды, заваливаясь на правый бок, винтокрылая машина проворно двигалась в намеченном направлении, сокращая с каждой минутой расстояние с конечной точкой своего путешествия.

Капитан первого ранга Иван Алексеевич Захаров, удобно разместившись в обитом красным кожзаменителем кресле гидроакустика, крепко спал, кутаясь в смоляную шинель морского офицера. Справа от него, почти напротив, сидел Леонид Сергеевич Канарейкин - «хозяин» секретной базы КГБ на острове Медный. Грузная фигура, обтянутая полковничьей формой, чисто выбритое квадратное лицо с выделяющимся подбородком, открытый морщинистый лоб, густые брови и черные волосы с едва заметной сединой делали его весьма колоритной личностью.

До острова оставалось чуть более пятидесяти миль, когда Захаров проснулся и, зевая, посмотрел в маленькое прямоугольное окошечко. Сквозь толстое, слегка затуманенное стекло были видны перистые облака и сияющая гладь моря. Увиденное им зрелище не принесло ему желаемого удовлетворения, и он повернулся к полковнику, наткнувшись на его маленькие, слегка прищуренные глаза.

- С добрым утром, - расплываясь в улыбке, произнес Канарейкин.

Шум двух работающих роторов, удерживающих вертолет в воздухе и придающих ему ход, поглотил приветственные слова Канарейкина, но Захаров по мимике лица и движению губ догадался о смысле сказанного.

Процесс пробуждения протекал затруднительно: голова (а точнее, сознание) представляла собой некую разобранную мозаику, которая сама по себе с течением времени собиралась в единое целое. Видимо, для того чтобы ускорить движение мелких частиц, Захаров и приложил ладони ко лбу,

потом медленно провел по глазам, минуя брови, по щекам, обнаружив при этом трехдневную щетину, и еще раз посмотрел взглянул на полковника.

За два с лишним часа полета Захаров уже успел позабыть, как его представили Канарейкину перед вылетом. В тот момент он не обратил на полковника никакого внимания - хотелось скорее упасть в кресло и заснуть. Когда мозаика сознания собралась и анализ происходящего вокруг дал понять, что с ним происходит, он начал разглядывать тучную фигуру полковника, и в памяти всплыло недавнее знакомство с ним, а вместе с этим вспомнилась и вся цепочка событий последних месяцев, благодаря которым он и оказался здесь.

Запись датирована 15 мая 1990 года

В нескольких метрах от песчаного дна, в холодной глубине, крадучись, шла советская атакующая атомная подводная лодка типа К-278 (бортовой номер 685). Ее титановый семидесятиметровый корпус двигался строго на восток, обходя стороной отряд противолодочных кораблей во главе с противолодочным крейсером «Киев», ведущий поиск в восьмидесяти милях северо-восточней от ее местоположения.

В эти дни в северной части Баренцева моря проходили учения Северного флота Советского Союза под кодовым названием «Майская льдина-90». Иван Алексеевич Захаров находился в центральном посту субмарины. Амбициозный и честолюбивый, с рискованной натурой, привыкший во что бы то ни стало выполнять приказ, он высоко ценился среди командиров-подводников Северного флота. За пятнадцать лет службы Захарову довелось побывать более чем в сорока походах различной сложности, за что он был удостоен многими знаками отличия и правительственными наградами.

Сидя в кожаном кресле за штурманским столиком, он в который раз через увеличительное стекло изучал нанесенный на карту маршрут преодоления противолодочного рубежа, пролежавший по горному излому шириной не более пятидесяти метров.

Проводя двухдневную разведку, Захаров не раз убеждался в том, что район, где раскинулся подводный горный массив, противник оставил без должного внимания, считая его непреодолимым препятствием для подводной лодки. Благодаря чему условный противник сузил спектр поиска, перенасытив его противолодочными кораблями, которые, в свою очередь, перекрыли все возможные и невозможные пути незаметного форсирования созданного ими противолодочного рубежа. Отсутствие термического слоя еще в большей степени усложняло и без того практически невыполнимую задачу, лишая подводную лодку, по существу, самого главного превосходства над надводными кораблями - скрытности плавания. Исходя из этих соображений, Захаров принял единственно правильное, на его взгляд, но очень опасное решение - следовать через подводный коридор.

- Внимание! Всем постам: лодка входит в опасную зону. Объявляю готовность номер один. Курс ноль, девять, два; скорость десять узлов, глубина сто пятьдесят три метра, - прервал тишину в центральном посту голос вахтенного офицера.

Его команда была тут же продублирована на всех боевых постах. С началом прохождения опасного участка пути отсеки в лодке немедленно перекрывались тяжелыми стальными люками, становясь полностью изолированными друг от друга. А люди с удвоенным вниманием следили за показателями на приборах, ибо от этого напрямую зависела жизнь всего экипажа. Любая ошибка в их действиях могла привести к столкновению субмарины с подводной скалой.

- Даю отчет времени: пять, четыре, три, два, один, маркер, - прокомментировал штурман.

С этой минуты нос субмарины пересек невидимую черту импровизированных каменных ворот, ведущих в зловещий коридор. Ей предстояло пройти бесконечно долгих тридцать пять миль пути, наполненных до краев высоким нервным напряжением, включая три правых и два левых непредсказуемых поворота.

Захаров поднял голову, и его орлиный взгляд впился в помощника. Федор Куликов только что был назначен на эту должность. Кудрявый, маленького роста, добродушный, с наивно детским лицом, с огромным жизнелюбием, он напоминал только что родившегося ягненка, еще неуверенно стоявшего на своих ножках-палочках. Стоило ему оступиться и упасть, как кружащий в высокой синеве орел кинулся бы камнем вниз и одним ударом мощного клюва пробил бы его еще нежный череп.

В день обсуждения маршрута преодоления противолодочного рубежа Захаров, Куликов и штурман Еремеев собрались в каюте капитана. Разложив карту учений, Захаров сначала предоставил возможность высказать свои соображения штурману. Еремеев без особого энтузиазма предложил нехитрый план действий: дрейфовать в сторону ведущих поиск кораблей с минимальной скоростью у поверхности, пытаясь протиснуться между ними. Куликов незамедлительно поддержал штурмана, так как он и был автором идеи, сказав, что, на его взгляд, это единственно правильное решение в сложившихся условиях учений. Спокойно выслушав и удостоверившись в исчерпанности

идей со стороны подчиненных, Захаров с усмешкой и явным наслаждением разбил в пух и прах план помощника, приведя с десятков аргументов, показав его абсурдность и несостоятельность с расчетом на русский авось. После этого он с надменным и самодовольным видом сообщил о своем видении пути преодоления противолодочного рубежа, ткнув ручкой в место на карте, где располагался подводный коридор. Слушая план Захарова, Куликов цепенел от страха.

- Командир, вы сошли с ума, - невольно и как-то рассеянно вырвалось у Куликова.

Его естественная реакция заставила замолчать Захарова, прервав того на полуслове, когда он уже собирался подвести итоги вышесказанного. Захаров никак не ожидал такой смелости со стороны своего помощника, но, не показывая раздражения, он повернулся в его сторону:

- Вы что-то сказали? - словно не расслышав, спросил Захаров, буквально уничтожая Куликова своим вопросом.

- Извините, Иван Алексеевич, - испуганно опешив, пролепетал Куликов (авторитет командира сильно давил на него). - Я только хотел сказать, что этот маршрут очень опасен, да и стоит ли нам рисковать. Все равно учения проводятся для определения боеспособности противолодочных сил, а не нас... - и он посмотрел на штурмана, ища у него поддержки, но Еремеев даже и не помышлял об этом.

- Опасен не маршрут, а всего один поворот, - сухо уточнил Еремеев.

- Вы, Федор Михайлович, на лодке человек новый, раньше проходили службу на Черноморском флоте. Там, может, и не существует негласного кодекса чести командира, который обязывает его сводить к минимуму число обнаружений его лодки другими кораблями независимо от того, свой это корабль или чужой, - но у нас на Северном флоте этот кодекс существует. И именно в следовании его незримой букве неписаных правил я и усматриваю подлинное мастерство командира-подводника. А вы, если будете все время разделять, где нужно постараться, чтоб твою лодку не обнаружили, а где и необязательно это делать, - вы тогда никогда не станете настоящим командиром, а останетесь обыкновенной посредственностью до конца своих дней, товарищ Куликов. (В душе Захарова кипел вулкан ярости на молодого помощника; чтобы не дать ему выйти наружу, он

свернул дальнейшие обсуждения плана преодоления противолодочного рубежа.)

На этом все. Все свободны, - после короткой паузы объявил Захаров.

Ягненок шагал, высоко подняв мордочку, окружающий мир так завораживал его, что он не заметил на своем пути булыжника. Орел в вышине по-прежнему внимательно следил за своей жертвой и, кажется, уже предвидел исход маленького путешественника.

На штурманском столике лежала карта, на ней красным карандашом был очерчен подводный коридор и проложенный строго посередине его курс подводной лодки с пометками времени на поворотах. Захаров и Куликов стояли друг напротив друга.

Куликов оставался единственным противником выбранного Захаровым маршрута преодоления противолодочного рубежа. Он не раз пытался апеллировать к командиру, но его попытки были настолько робкие, что Захаров просто не обращал на них никакого внимания.

До первого поворота оставалось около мили пути, когда Куликов решился сделать последнюю попытку остановить Захарова.

- Товарищ капитан, я настаиваю на изменении курса, - набравшись смелости, сказал Куликов.

«Как он мне надоел, - подумал Захаров. - Прислали слюнтя, ну, ничего: придем на базу - я избавлюсь от тебя (такой отчет про тебя напишу - вылетишь с моей лодки и духа твоего здесь не будет)».

- Зачем? - с улыбкой и удивлением спросил Захаров. - Все решено, и мосты уже сожжены.

- Неправда! Можно еще выйти из коридора незамеченными, - возразил Куликов и посмотрел на таймер, отсчитывающий время движения лодки в коридоре. - Еще есть время, до первого поворота осталось две минуты.

После того как лодка войдет в первый поворот, она автоматически попадет в зону обнаружения противолодочных кораблей, поэтому любая попытка выйти из коридора, который служит ей как бы естественным прикрытием, повлечет за собой немедленное ее обнаружение.

Захаров отрицательно покачал головой. Куликова охватило волнение, и он покраснел.

- Иван Алексеевич, маневр лодки ограничен, всего семьдесят пять метров. Неужели у вас не возникает ни

малейшего сомнения в правильности выбранного вами маршрута?

- Только трусы сомневаются, товарищ Куликов. Вы, случайно, к их числу не принадлежите? - также с улыбкой ответил Захаров, пытаясь поднять его на смех.

- Да... - донеслось из глубины центрального поста. Офицеры косо посматривали на капитана и помощника: презрение и насмешка над Куликовым уже ясно читались на их лицах. Штурман не раз предупреждал Куликова о бесполезности убеждать Захарова, после того как он принял решение, но тот всегда не соглашался. «Мы все здесь привыкли идти на риск, благодаря этому наша лодка первая по показателям в дивизионе, и никто тебя не поддержит, потому что здесь каждый чем-то обязан Захарову», - говорил ему Еремеев.

Переменив недавно свое место, когда в поисках дождевых червей его перевернул деревенский мальчишка, булыжник притаился на свежей зеленой мякине. На месте его старого лежбища образовалась небольшая ямка из мокрой глины, в которой обитали разные жуки, тли и сороконожки.

Ничего не подозревающий ягненок неожиданно для себя наткнулся на зловещий камень. Растопырив ножки в разные стороны, он улегся на него брюхом. Хищная птица, давно ожидавшая этого момента, тут же сложила крылья и, не теряя времени, кинулась вниз. Водя мордочкой по сторонам, невинное создание не могло понять происходящего вокруг, суча энергично копытцами, он пытался обрести привычное для себя состояние. После отчаянных попыток ягненку все же удалось скатиться с ненавистного булыжника и упасть в ту самую ямку, где раньше лежал камень. Орел в это время был уже в двух метрах и, конечно, не ожидал такой прыти от своей жертвы, предполагая приземлиться на его кучерявую спину. Вместо этого его лапы скользнули по гладкой поверхности камня, и, ударившись клювом о твердую поверхность, хищник свернул себе шею, выбил правый глаз, и, махая в смертельных конвульсиях левым крылом, тут же скончался. Первые капли ярко-красной крови упали на землю и чем-то привлекли к себе любопытство ягненка. Поднявшись с третьей или четвертой попытки, он обошел мертвого хищника, а потом снова зашагал, словно ничего и не случилось.

- Капитан, через двадцать секунд мы будем в точке первого поворота, - проинформировал Еремеев.

Лента коридора, пролегающая между двумя подводными плоскогорьями, плавно изменяла свое направление, уходя на северо-северо-восток. Маневр для подводной лодки не представлял особой сложности, так как его угол составлял сто пятьдесят градусов.

- Внимание на рулях, курс ноль-три-восемь, - скомандовал вахтенный офицер, и корпус субмарины послушно начал менять направление, поворачивая влево. Закончив маневр поворота, подводная лодка двигалась на

сближение с кораблями условного противника. После этого, она потеряла всякую возможность покинуть природную расщелину незамеченной.

Захаров молча стоял у ограждения перископной шахты, а Куликов, сильно подавленный, отошел к рулевым. Уже несколько дней вопрос, почему прислали именно Куликова на его лодку в канун учений, а не какого-нибудь опытного офицера, не давал командиру покоя. Пока субмарина шла к следующему повороту, он попытался проанализировать несколько событий прошлого в надежде отыскать разгадку.

Отношения с командующим дивизионом подводных лодок Понтелеевым у Захарова не клеились с самого начала назначения того на эту должность. Тактические находки, которыми руководствовался Захаров при выборе стратегии маневра, шли вразрез с условиями безопасности подводного плавания и как следствие были неразрывно связаны с риском. Они приводили в шок командующего дивизионом, придерживающегося консервативных взглядов. Понтелеев не раз вызывал Захарова, напоминая ему об ответственности перед народом и Коммунистической партией, прибегал к различного рода угрозам. С бешеной скоростью менялись замполиты-«наблюдатели», которых Захарову с легкостью удавалось выживать. Ничего не помогало. Захаров был непоколебим, его методы приносили ему успех, он хорошо знал: чтобы чего-то достигнуть, нужно идти на риск. Лодка под его командованием стала первой на флоте по показателям боеготовности, вследствие чего он снискал уважение и оправдание своим опасным действиям в штабе флота.

По возвращении с очередных учений Захаров был вызван снова на ковер к Понтелееву, поводом к этому послужил его маневр во время охоты на атомный ракетоносец класса «Тайфун». Забравшись тому под брюхо, Захаров в течение шести часов гонял его по квадрату учений, потом, вволю повеселившись, отпустил того на небольшое расстояние и торпедировал. При разборе результатов учений терпению Понтелеева пришел конец, и он поставил вопрос об отстранении Захарова от командования подводной лодкой, мотивировав это как пренебрежение жизнями экипажа. Многие его тогда поддержали, но нашлись и противники этого решения, в их числе оказался Спиридонов - командующий подводными лодками Северного флота. Ему

были симпатичны Захаров и его смелые планы, его свобода от всех указаний, предписаний, инструкций с одним только жгучим желанием - во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу. Спиридонов хоть и помешал тогда его отстранению, но без строгого выговора все же не обошлось.

Вспомнив об этом, Захаров вновь кинул взор на стоящего к нему спиной Куликова, и тут его осенило: «Наверняка одним из инициаторов послать меня на эти учения был Понтелеев», - подумал Захаров. «Поставили в заранее неравные условия затем, чтобы сломать меня, показать мою несостоятельность, неумение... И помощник как-то сразу в отпуск ушел... и молодого Куликова в спешке за два дня до выхода в море назначили. Чтоб я перед ним опозорился, а как он меня тогда отговаривал до последней минуты: ведь верил, что я не пойду в коридор, думал, струшу. Ну, нет! А они наверняка специально оставили коридор без охранения, наверняка чтоб заманить меня туда и сцапать, пока я не успел опомниться. Хорош план, ничего не скажешь! Должно быть, за вторым или третьим поворотом зависли вертолеты - ждут небось меня, ну, да пусть сначала поймают, а там посмотрим, кто хитрей», - сказал сам себе Захаров, а душа его завывала волком.

Подбежав к краю оврага, матерый еще не знал, что сделает: он был весь во власти агонии разыгравшейся недавно трагедии. Охотники застали врасплох его стаю, отдыхавшую в дремоте после сытного обеда.

Ряд выстрелов, раздавшихся словно по команде, разорвали зимнюю тишину вятских лесов, дав своеобразный сигнал о начале охоты на волков. Двое из стаи хищников так и остались лежать на земле, не издав ни единого звука, смертельные заряды размозжили им головы, еще трое завертелись волчком, скуля от боли. Свежая кровь не заставила себя ждать и сочно брызнула на девственно белый снег. Грянул новый залп, и еще трое хищников, мелькавших между деревьев, спасаясь бегством, перекувырнулись в воздухе, издав истошный вой, упали на землю. И уже не было сил подняться, но один, несмотря на зияющую в ноге рану, сумел встать и попытался продолжить бегство, следующий заряд настиг его, завладев источником жизни, после чего тот распластался возле куста.

Вывихнув переднюю лапу на прошлой охоте, матерый не мог больше бежать - расширенные зрачки обезумевших глаз лихорадочно искали убежище для спасения. Увидев небольшое углубление в противоположной стене оврага, он, не раздумывая ни секунды, бросился вниз, увязнув по самое брюхо в рыхлом полуденном снегу. Выбиваясь из сил, матерому удалось вскарабкаться в только что найденное убежище. В слабой надежде спрятаться от охотников он свернулся клубком, втянув голову в туловище. Последние из оставшихся в живых бежали на вершину холма, куда их гнали загонщики.

Выстроившись в цепочку, люди шли по обеим сторонам оврага. Серый хищник, прижав уши и закрыв глаза, засунул морду под хвост, желая тем самым слиться с общим пейзажем. И, казалось, ему это удалось: охотники уже миновали

его, но когда у одного из них случайно вывалилась из кармана рукавица, то наклоняясь за ней, он заметил матерого. Старый волчатник тут же перезарядил карабин и пошел к краю оврага, товарищи, окликнув его, отправились дальше, а он, лишь отмахнувшись, продолжал идти уже в новом направлении. Встав напротив импровизированного логова, охотник прицелился, но тут же отказался от попытки выстрелить. Почувствовав себя хозяином положения, ему захотелось поближе подобраться к зверю, и для этого он спустился на дно оврага. Матерый, чувствуя опасность, приняв угрожающий вид: уши его встали торчком, пасть немного приоткрылась, демонстрируя четыре конусообразных клыка, послышалось злобное урчание. Старый волчатник снова вскинул карабин и прильнул к прикладу: два опытных охотничьих взгляда сошлись. Матерый, продолжая уже рычать, встал на передние лапы, благо небольшой выступ позволял это сделать, а охотник продолжал упиваться в предвкушении скорой победы. Ему никогда не приходилось так близко сталкиваться с одним из умнейших хищников российских лесов.

Когда охотник смотрел своей будущей жертве в глаза, а палец уже чувствовал гладкий крючок спускового механизма карабина, матерый неожиданно прыгнул на него. Но старый волчатник все же успел выстрелить, пуля продырявила правое ухо зверя, когда тот еще летел вниз. Взвизгнув от жгучей боли, матерый приземлился прямо на грудь обидчика, повалив того в сугроб. Лишь на одну секунду их глаза проникли друг в друга, и уже в следующее мгновение серый хищник бросился наутек. Испуганный неожиданной развязкой человек еще долго смотрел вслед убегающему волку, не предпринимая никаких попыток остановить его.

- Говорит акустик: пеленг ноль, обнаружен эскадренный миноносец типа «Стремительный». Скорость двадцать два узла, курс два-два-пять. Идет на сближение, дистанция тридцать две мили, ведет поиск в активном режиме.

- Ну, вот и началось, - еле слышно произнес Захаров. - Акустик, вести наблюдение за эсминцем, докладывать о малейшем изменении его курса.

А субмарина тем временем уже приближалась ко второму повороту, открывающему дорогу на сближение с противолодочными кораблями.

Штурман традиционно произвел отсчет времени, и лодка легла на новый, им же выработанный курс, успешно миновав природный изгиб начав движение по самому опасному участку пути. Эсминец «Стремительный» продолжал идти на юго-запад, постепенно сближаясь с лодкой Захарова. Корабль условного противника невольно оказывался у лодки Захарова за кормой, каменная расщелина служила надежной защитой от исходивших от эсминца электромагнитных волн, и подводная лодка оставалась незамеченной. Не прошли и первую милю пути по новому курсу, как акустик доложил об обнаружении вертолета, ведущего поиск в активном режиме

при помощи опускаемой гидроакустической станции в прилегающем к коридору районе. Спустя еще пятнадцать минут был обнаружен большой противолодочный корабль «Киев», патрулировавший в восемнадцати милях к северу от того места, где коридор уже в третий раз менял свое направление. При каждом обнаружении условного противника Захаров самолично отмечал его местонахождение. Всматриваясь в карту, как акустик вслушивается в звуки моря, он пытался распознать среди сплошной завесы природных шумов шум работающих винтов кораблей противника: Захаров пытался разгадать дальнейшие действия противолодочных сил. Захаров знал, что обнаруженный вертолет - не одиночка, а часть целой вертолетно-поисковой ударной группировки, и это незамедлительно подтвердил акустик, сообщив об обнаружении по другую сторону коридора к северу целого ряда работающих станций. Отметив на карте все новые контакты с условным противником, Захаров получил довольно ожидаемую картину: вертолеты поисково-ударной группировки шли цепочкой, конец которой приходился на район, где находилась его подводная лодка. Единственным изъяном строя было отсутствие связующего звена между последним вертолетом и остальной группой, и, что самое странное, это и ставило Захарова в тупик: образовавшаяся прореха в строю вертолетов приходилась на подводный коридор. Прекрасно понимая, что этого быть не должно, Захаров отдал приказ уменьшить скорость до трех узлов, объясняя себе это тем, что вертолетная опускаемая гидроакустическая станция работает в пассивном режиме поиска. В таком режиме подводная лодка лишена возможности знать о ведущемся за ней наблюдении с воздуха, и единственно, как это можно было проверить, - только всплыть под перископ и установить визуальный контакт с вертолетом. Но Захаров был лишен и этого шанса: его лодка шла, прижимаясь к грунту, и стоило ему изменить глубину погружения на несколько метров, как вертолеты, идущие по обеим сторонам коридора, немедленно бы обнаружили его. Так как все пространство над лодкой «просвечивалось» невидимыми акустическими лучами, похоже, план, о котором он недавно догадался, - заманить его в этот коридор, начинал сбываться, а вместе с ним крепили, набирая силу и другие догадки.

Напряжение росло, акустик периодически терял и возобновлял контакты с поисково-ударной группой вертолетов, эсминец «Стремительный» замер в двадцати пяти милях за кормой субмарины, противолодочный корабль «Киев» по-прежнему патрулировал, описывая эллипс у третьего поворота. Никакие действия условного противника не говорили Захарову о его обнаружении противолодочными кораблями. Цепочка вертолетов уже поравнялась с его лодкой, Захаров хотел было уже отдать приказ на увеличение скорости, но тут акустик доложил об обнаружении недостающего звена в общей цепочке вертолетов-поисковиков. Видимо, по каким-то причинам вертолет где-то задержался и теперь был позади основной группы, ведя поиск как раз из-за каменного выступа третьего поворота. Захаров тяжело вздохнул. Ему повезло, что акустик доложил о вертолете раньше, чем подводная лодка увеличила бы скорость, иначе они бы вошли в зону акустического обнаружения этого вертолета на всех парусах. Но опасность еще не миновала: следующее зависание вертолета приходилось именно на то место, где сейчас находилась его субмарина. Единственный шанс избежать обнаружения - это успеть прибыть в точку, где сейчас находился вертолет, прежде чем он возобновит поиск с нового места. И на этот маневр в распоряжении Захарова было всего шесть с небольшим минут.

- Внимание, говорит акустик: контакт с целью номер девять потерян.

Это означало, что акустик, который находится на вертолете, выключил станцию и начал поднимать вверх кабель-трос, на котором прикреплена акустическая антенна в виде небольшого мешочка.

- Скорость двадцать узлов. Штурман, пересчитайте время прибытия в точку поворота, - скомандовал Захаров.

- Иван Алексеевич, мы не сможем маневрировать на такой скорости, - испуганно взмолился Еремеев.

- Займитесь делом, штурман, - отрезал Захаров.

Еремеев покорно склонил голову, делая в спешке расчеты, а Захаров, щелкнув секундомером, подошел к рулевым, где стоял Куликов, сохранявший хладнокровное спокойствие. Тем временем, корпус субмарины увеличивая скорость, шел к повороту, а вертолет, накренившись вперед, направлялся встречным курсом.

- В точке поворота будем через четыре с половиной минуты, - сообщил штурман, закончив вычисления. Захаров посмотрел на секундомер: прошло две с небольшим минуты, опоздание составляло чуть более минуты.

- Внимание, скорость тридцать узлов, штурман, пересчитайте снова время прибытия в точку поворота, - ледяным голосом скомандовал Захаров, желая таким образом ликвидировать дефицит времени. Многие на центральном посту в страхе переглянулись с единственным вопросом в голове: «Что он делает?» - но все же автоматически повиновались.

- В точке поворота будем через две минуты, - доложил штурман.

Захаров снова глянул на секундомер: лодка не только нагнала время, но и шла с небольшим опережением, а вертолет, уже поравнявшись с ней, начал удаляться в противоположном направлении. Нависла новая угроза - угол поворота составлял менее девяноста градусов, маневр около восьмидесяти метров, и, чтобы благополучно его преодолеть, необходимо было снизить скорость до самого малого, что означало потерю во времени.

- Товарищ командир, до точки поворота осталось сорок пять секунд, - тревожно сообщил штурман.

Захаров сел за штурманский столик и впился глазами в карту. Недалеко от поворота жирной зеленой точкой было отмечено место зависания вертолета, и он уже был там.

- ...до точки поворота осталось тридцать секунд. (Напряжение нарастало.)

- ...пятнадцать секунд, - только штурман вымолвил последние слова, как Захаров оживился и громогласно скомандовал:

- Всем внимание! Самый полный назад.

Лодка продолжала идти по инерции, и тут штурман вскрикнул, словно от боли:

- Командир, мы теряем курс.

В подтверждение его слов замигали повсюду красные лампочки и послышался сигнальный звук сирены. Вертолет тем временем уже опускал на кабель-тросе акустическую антенну. Подводная лодка прошла еще немного вперед, замерла и стала медленно отходить назад. Почувствовав это, Захаров скомандовал:

- Внимание, самый малый вперед.

В эту минуту на центральном посту никто не знал, где находится их субмарина, сколько метров она прошла по инерции. В воздухе повисла пауза: все смотрели на Захарова, затаив дыхание. Тут лодку дернуло вперед, и Захаров, полагаясь только на свою интуицию, как можно спокойнее произнес:

- Курс один-два-ноль.

Люди на боевых постах встрепнулись и тут же продублировали команду. Штурман все это время сидел за картой, пытаясь отмечать на ней красным карандашом путь прохождения подводной лодки, которая уже входила почти впритирку с левой стороной коридора, в третий поворот. Ее титановый корпус уже наполовину скрылся за скалой, и волнение на центральном посту постепенно начало спадать, как вдруг мощный толчок потряс лодку. Сферический нос субмарины наткнулся на каменный выступ, который острым копьём вошел в углубление в корпусе, пробив передние крышки первого и третьего торпедных аппаратов. Вода тут же под огромным давлением хлынула в пустую полость труб. Внутренние крышки торпедных аппаратов, не выдержав давления, сорвались с замков и петель - вылетев со свистом, они ударились о переборку, разделяющую второй и третий отсеки, упав на пол, а два мощных столба ледяной воды затопили пятнадцатиметровый отсек в считанные минуты. Находившиеся в нем девять человек даже не пытались спастись: они едва успели загерметизировать до конца отсек, чем спасли остальной экипаж, как вода унесла их жизни.

На центральном посту при столкновении возникла свалка из людей, стульев и незакрепленных предметов. Свет во всей лодке, сверкнув, мгновенно погас. Захарову удалось зацепиться за ограждение перископа.

- Малый назад! Куликов, объявляйте аварийную тревогу, - выкрикнул он в темноту.

Куликов с разбитой головой каким-то чудом нашел микрофон интеркома, передал по всей лодке приказ командира. В ответ донеслось сообщение с камбуза о пожаре. Люди еще не успели очнуться от удара и встать на ноги, как лодка повторно содрогнулась, повалив всех снова на пол.

- Всем внимание! Полный стоп, - снова выкрикнул в темноту Захаров.

Субмарина покорно замерла, улегшись овальным брюхом на песчаное дно Баренцева моря. Спустя некоторое время включилось аварийное освещение. Неразбериха понемногу улеглась, и люди начали занимать свои места, одновременно с этим поступали доклады из отсеков о повреждениях. Молчал только второй, торпедный отсек.

Когда Куликов сообщил Захарову о погибших, тот не придал этому факту никакого значения: его пустые, холодные глаза смотрели на помощника, в них не читалось ни сожаления о случившемся, ни какой-либо другой реакции на происшедшее - казалось, что перед Куликовым стоит бездушное тело, а самого капитана сейчас здесь нет. Но это только казалось, на самом деле мозг, подобно старому советскому арифмометру, работал на полных оборотах. Закладывались определенные параметры, крутились колесики, валики, шестеренки, и вот уже слышно, как Захаров чеканит свои новые приказы:

- Всем внимание! Начинаем аварийное всплытие. Продуть цистерну срочного погружения.

- Есть продуть цистерну срочного погружения.

Послышалось глухое шипение сжатого воздуха, вытесняющего воду за борт. Но лодка продолжала лежать неподвижно.

- Пузырь в нос, - все так же четко и отрывисто командовал Захаров.

- Есть пузырь в нос.

- Курс один-три-пять. Малый вперед. Угол всплытия сорок пять градусов.

Корпус субмарины дернулся вперед, казалось, начал подниматься вверх, но дно не хотело отпускать корабль, и подводная лодка снова клюнула носом в песок.

- Продуть весь балласт, еще пузырь в нос, полный вперед, - не теряя самообладания и веря в успешный исход дела, Захаров продолжал отрывисто, словно укладывая кирпичи, отдавать приказы. В эту минуту казалось, что никто и ничто не сможет сдержать его стремления к достижению желаемого.

Субмарина вздрогнула сильнее и с большой неохотой устремилась вверх, и через пятнадцать минут она была на поверхности Баренцева моря. Захаров незамедлительно поднялся на ходовой мостик. Облачность и колкая пощечина дождя оказали ему суровую встречу. Лодку слегка

покачивало, ее нос был полностью скрыт под темными волнами моря. Из-за крена на нос около двух градусов вода подступила почти к самой рубке. И все же при своей нулевой плавучести субмарина довольно уверенно держалась на плаву.

Ремонтная бригада уже начала работу, проникнув во второй отсек через неповрежденные трубы торпедных аппаратов. Было принято решение заварить поврежденные трубы торпедных аппаратов, затем откачать воду из отсека. Благодаря этому подводная лодка снова сможет обрести подвижность и возможность погружаться на небольшую глубину.

Захаров всматривался в слабые очертания видневшегося за кормой противолодочного корабля «Киев», когда на ходовой мостик поднялся Куликов.

- Иван Алексеевич, я только что связался со штабом учений ...

- Ну и как - мы выиграли? - обернувшись к нему, прервал его Захаров.

- Да, но... - последовала неловкая заминка, Куликов не решался дальше говорить.

- Что «но»? - спросил Захаров.

- Ну... это... Приказом командующего учениями вы отстраняетесь от командования подводной лодкой до прибытия на базу, - пересилив себя, выпалил Куликов.

- Невелика потеря, - ответил Захаров. И глаза, полные слез, посмотрели на Куликова, тот опешил от неожиданной реакции командира и отвернулся, а Захаров пошел к рубочному люку. Когда спускался вниз, в коридоре ему попалась колонна людей, несущих погибших из второго отсека. Захаров не стал пропускать их вперед себя, а юркнул на опережение, и, войдя в свою каюту, закрылся там.

Работы продолжались в течение шести с половиной часов, после чего субмарина погрузилась на перископную глубину и взяла курс на базу.

Запись датирована 21 мая 1990 года

Поврежденная лодка всплыла в той же точке, где десять дней назад погрузилась, отправляясь на учения. Справа по борту в предрассветной дымке выглядывали холмистые очертания растянувшегося вдоль побережья полуострова Рыбачий.

На ходовом мостике неожиданно появился Захаров: он впервые с того времени, как его отстранили от командования, вышел из своего добровольного заточения. Несмотря на то что он считался арестованным, Куликов вопреки уставу почему-то не выставил у дверей его каюты караула, предоставив бывшему командиру полную свободу.

Застав штурмана Еремеева и впередсмотрящего врасплох, отчего те, как по команде вытянувшись в струнку, тут же откозырнули, Захаров, не обращая на них никакого внимания, прошел вперед и, подавшись чуть вправо, встал на свое привычное место. Со дня вступления в должность командира подводной лодки у него сложилась традиция при возвращении на базу или при выходе лодки в море подниматься на ходовой мостик, оставаясь в одиночестве. Это время для него было чем-то особенным и представляло своеобразный переходный период от сухопутной жизни к морской, и наоборот.

Лодка уже подходила к Заозерской губе, в глубине которой располагалась база подводных лодок. Неподдалеку от нее вырос небольшой городок - Заозерск, где Захарова ждала его жена Надежда. И вот уже виден знакомый пирс, откуда его лодка отходила на учения: все вокруг говорило Захарову о том, что подходит к концу, быть может, последний морской этап в его жизни. И ему уже казалось, что вот-вот и время для него замрет навсегда, и он невольно возвратился в прошлое, когда все еще только начиналось, когда жизнь изобиловала непредсказуемостью и неизвестностью будущего, когда мир еще был полон загадок.

Родился Захаров в провинциальном городке Рыбинске за год до смерти «великого вождя советского народа» товарища Сталина. Жили они с матерью и бабушкой. А на все вопросы Ивана об отце Нина Игоревна, сильно смущаясь, с улыбкой отвечала: «Наш папа далеко, но, когда ты вырастешь, он приедет и сам тебе обо всем расскажет». Но отец так и не приезжал, а в четырнадцать лет Иван случайно

узнал от бабушки, что его отец был какой-то заезжий москвич, а где он и что с ним сейчас, никто не знает.

Свою мать Захаров помнил как жизнерадостную, никогда не унывающую женщину. Работала она терапевтом в местной поликлинике, зарабатывала мало, поэтому жили скромно. Был у нее брат Федор, который иногда приезжая к ним и помогал деньгами,. Он служил на Северном флоте на подводной лодке главным инженером. Приезд дяди для Ивана всегда был праздником, от него Захаров и заразился любовью к морским приключениям, а прочтя книги Жюль Верна «20000 лье под водой» и Григория Адамова «Тайна двух океанов», казалось, окончательно решил стать подводником. Нина Игоревна только радовалась этому и всячески поддерживала его увлечения.

Она записала сына в судомодельный кружок, тратила деньги на книги по судомодельному спорту и о морских приключениях. А дядя на один из его дней рождения привез ему комплект морской формы юнги, и все вроде бы складывалось как нельзя лучше. Но вот Захарову пошел шестнадцатый год, и он как-то охладел к морской романтике. Почти все его сверстники стремились к самостоятельности, и он, не став исключением, стал всерьез подумывать о том, чтобы пойти работать на завод учеником токаря. Узнав об изменении планов сына, Нина Игоревна очень испугалась (мечта Ивана стать моряком-подводником захватила и ее), поэтому, не раздумывая ни минуты, она срочно написала Федору, рассказав ему о случившейся беде. Благо брат учился в Московской академии имени Фрунзе, он тут же приехал, и они вместе с большим трудом уговорили Ивана закончить десятилетку и поступать в Высшее военно-морское училище подводного плавания имени Ленинского комсомола. Спустя два года Иван сдал выпускные экзамены и отправился в первый свой самостоятельный полет в Ленинград.

На небольшом карнизе скалы как-то неуютно разместилась массивная постройка беркута из веток шиповника и сучьев березы. На ее краю сидела пара взрослых птиц, их единственный птенец уже сбросил шелковистый пушок, покрывшись черно-бурой окраской. И как напоминание о его недавнем детстве остался лишь белый цвет на хвосте.

Лето подходило к середине, и в это время наступала пора птенцу начинать самостоятельную жизнь – ему предстоял первый полет. Но еще вчерашний малыш не спешил покидать родительское гнездо, несмотря на то что они его не кормили уже целые сутки. Первым не выдержал долгого ожидания отец: спрыгнув на дно многолетнего жилища, он стал вынуждать птенца подняться вверх к матери. Птенец упирался, жалобно клекотал, но все же ему пришлось подчиниться. Из

гнезда ему открылся не очень впечатляющий вид: справа и слева закрывали обзор такие же обрывистые скалы, как и та, на которой находилось гнездо. Сидя на краю, он вертел головой в разные стороны, не решаясь его покинуть. Вдруг мать неожиданно сорвалась вниз, птенец посмотрел ей вслед и жалобно закурлыкал, и тут отец, воспользовавшись его отвлеченностью, столкнул птенца. И прежде чем тот успел понять, что происходит, у него инстинктивно раскрылись крылья, его тут же что-то подхватило и понесло. Он пролетел между двух скал, поднялся на несколько метров выше, увидев с высоты открывшуюся его глазам долину. Воздушные потоки нежно ласкали его тело, птенец почувствовал огромный мир, ему хотелось вместить в себя все необъятное пространство, он даже раскрыл клюв, и тут невольно из его груди вырвался звонкий свист счастливого полета.

Каждый год учебы в училище проносился, подобно пролетающему мимо самолету, и чем ниже он летит, тем больше впечатлений испытываешь, наблюдая за ним, и вместе с этим у тебя остается меньше времени для наслаждения этим зрелищем. Но, несмотря на кажущуюся скоротечность, за пять лет Захаров изменился до неузнаваемости. Из простого провинциального мальчишки он превратился в серьезного, с военной выправкой юношу, который со страстью осваивал специальные предметы, чем немало удивил преподавателей. В знании же навигации и устройства подводных лодок ему не было равных во всем училище, но, несмотря на эти успехи, он не являлся лучшим учеником не только в училище, но даже и в своей группе. Дело было в том, что Иван совершенно холодно относился к общеобразовательным предметам, имея по некоторым из них даже «тройки».

Вскоре после поступления в училище судьба свела его с будущей женой Надеждой. Она приехала в Ленинград из Москвы в поисках приключений и самостоятельной жизни. Поступив в Ленинградский педагогический институт имени Герцена на факультет русского языка и литературы, она училась, так же как и Иван, на втором курсе.

Ростом почти с него, с авантюрным характером, очень энергичная, она сразу попала в плен его формы. Ее непосредственность очень часто ставила Ивана в тупик, шокируя его своими поступками. Но он, не подавая виду, сохранял внешнее спокойствие, чем удивлял многих знакомых. Три года безоблачной любви закончились поездкой в Москву к родителям Надежды, где молодые официально закрепили свои отношения.

По прошествии медового месяца молодой лейтенант Захаров, имея собачью хватку и нюх в выбранной им профессии, с женой поехал по распределению на Северный

флот, в Заозерск, о чем позаботился его дядя, бывший тогда уже в должности замначальника штаба флота.

Человек обхватил левой рукой морду немецкой овчарки, а правой поднес к носу собаки предмет и сказал: «Нюхай». Азор сидел смиренно, принюхиваясь к предмету. Ему уже исполнилось полтора года, он показал неплохие способности при прохождении общего курса дрессировки в местном ДОСААФе, и его определили на специальный курс дрессировки для розыскной службы.

Вначале все шло прекрасно: Азор выполнял все задания, которые ставил перед ним дрессировщик. Безошибочно по запаху находил нужный предмет, выбирая его из десятка других вещей, многие тогда инструкторы и дрессировщики удивлялись тому, как пес быстро усваивал и выполнял все упражнения. Но, когда пришло время развивать у Азора злобу для задержания и конвоирования возможного преступника, все его волшебные способности улетучились в один момент.

Одетый в ватный костюм помощник прутом осторожно наносил легкие удары по туловищу Азора, побуждая его разозлиться. Пес громко лаял, хватал зубами прут и тут же отпускал ветку, даже не пытаясь вырвать ее из рук помощника или хотя бы потрепать. Такие действия Азора, очень обескураживали дрессировщика, но однажды помощник сильнее, чем обычно, ударил Азора. Пес рванулся и вцепился в ватный рукав обидчика. Повалив того, он уперся передними лапами в его грудь и, оскалив зубы, злобно посмотрел тому прямо в глаза. Помощник, не ожидавший такой реакции от собаки, издал жалобный крик, и Азор тут же в знак прощения лизнул его в щеку и отошел. Пес словно не желал видеть в помощнике дрессировщика врага, он как будто не верил тому, что люди могут причинить собаке зло.

Так проходили недели, дело сдвинулось лишь только тогда, когда Азора попробовали приучить к защите дрессировщика: тут он не заставил себя долго ждать и выполнил все, что от него требовалось.

После освоения поиска человека по следу и его задержания курс специальной дрессировки подошел к концу, и армия выкупила пса для службы на границе.

Жизнь за Полярным кругом оказалась не так проста, как поначалу представлялось романтически настроенной Надежде, привыкшей к столичному укладу жизни. Тихий, унылый, провинциальный Заозерск буквально убивал ее своей однообразностью и серостью. А увидев впервые подводную лодку, на которой служил Захаров, она и вовсе испугалась - закрыв лицо ладонями, она тихонько произнесла: «Мамочки, какое чудовище».

Уже спустя полгода после переезда на север Надежде невыносимо хотелось вернуться в Москву. Пытаясь увлечь за собой Ивана, она беспрестанно уговаривала его поступить в академию, чтобы по ее окончании можно было продолжить службу в столице при главном штабе. Но Захаров не хотел быть кабинетным офицером, его цель была стать командиром подводной лодки, и, когда он уставал от ее бесконечных уговоров, он говорил ей: «Надюша, не мучай себя - поезжай в

Москву к родителям, поживи там, а как соскучишься, снова приедешь сюда». После этих слов она уже никуда не хотела ехать. Она лишь бросалась ему на шею и чуть ли не со слезами шептала ему: «Куда, куда я без тебя поеду?»

Так проходил год за годом, и чем больше времени проходило, тем меньше было желания у Надежды уехать.

В конце 1982 года, перед празднованием шестьдесят пятой годовщины Великой Октябрьской революции, исполнилась заветная мечта жизни Захарова: его перевели на должность командира подводной лодки с присвоением очередного звания. А в день, когда стало известно о смерти, казалось, вечного вождя народа, ему позвонили из больницы и сообщили о том, что Надежда родила ему сына. На фоне объявленного по всей стране траура квартира Захарова наполнилась весельем и радостью.

В Заозерске не было роддома, и Надежду отвезли в Мурманск. Роды прошли без осложнений, и через пять дней ее выписали. Захаров взял войсковой уазик и со штурманом поехал ее встречать. Надежда стояла на улице в окружении медсестер, держа младенца на руках, Захаров подбежал к ней, обняв, поцеловал ее. После родов она сильно изменилась - черты лица стали более выраженными, а во взгляде появилась загадочная глубина. Иван сначала этого не заметил, но, когда вторично взглянул ей в лицо, он произнес:

- Наденька, ты изменилась.

- Я знаю, - виновато улыбнувшись, ответила она.

Захаров вспомнил, как она сильно нервничала перед родами: стать матерью для нее был очень непростой шаг, и она к нему серьезно готовилась. Когда машина подъехала к подъезду, Надежда увидела, что перед входом стоят строем люди. Захаров вышел из машины, и к нему подошел его помощник и доложил:

- Товарищ командир, старший офицерский состав для празднования дня рождения будущего подводника прибыл.

- Иван, что все это значит? - спросила Надежда

- Ты мне преподнесла подарок, позволь и мне тебя обрадовать, - загадочно ответил Иван.

- Ваш муж, Надежда Александровна, стал командиром подводной лодки, - вмешался только что подошедший дядя Захарова, уже бывший тогда в отставке.

- Ванечка, неужели это правда? - и у Надежды заблестели от неожиданной радости глаза.

Веселье продолжалось долго и закончилось поздней ночью. Лежа уже в постели, Надежда перед сном любила рассуждать о жизни, в ней просыпался философ, но тут она вспомнила:

- Иван!!! - подскочив, воскликнула она. - Ведь Брежнев умер! Что же теперь будет? - испуганные глаза смотрели на Ивана, требуя немедленного ответа.

- Ничего не будет. Уже назначили нового - Андропова. Государство без генерального, как корабль без капитана, не может долго существовать. Произошла обыкновенная замена одного на другого.

В начале декабря подводная лодка под командованием Захарова отправилась в первое плавание, Надежда стояла на пирсе с маленьким Сашей, провожая мужа. Захаров долго ей махал, словно они расстаются навсегда.

У побережья острова Огненная земля, в одной из ее бухт, в темно-синих водах резвилась небольшая стая касаток. Плавая взад и вперед у дна, покрытого галькой, получая огромное удовольствие от этого своеобразного массажа, они, не сдерживая эмоции, издавали пронзительные крики и пiski. Огромный десятиметровый самец плавал поодаль от остальной группы: он только недавно стал вожаком стаи, и это был его первый сезон охоты. Вот уже много лет его стая приходит в конце сентября к берегам острова Огненная земля, где разыгрывается ежегодная кровавая трагедия. В это самое время бесчисленные стада тюленей выходят на берег, чтобы родить потомство.

Малыши появляются в первые два дня; питаются очень жирным молоком матери, они уже в течение трех недель утраивают свой вес. По окончании этого срока истощенные мамы идут в море, чтобы утолить голод, становясь добычей патрулирующих бухту касаток.

Прошло уже шесть недель, и слабый жирок малышей превратился в толстый слой ворвани, а это значит, что пришла пора учиться плавать и самостоятельно добывать пищу. Все это время касатки серьезно готовились к этому моменту - моменту большой охоты. Их высокий интеллект позволил им не только придумать свой, индивидуальный для каждой группы лексикон общения, но и изобрести уникальную технику охоты на тюленей путем выбрасывания своего тела на берег.

Молодой вожак, почувствовав прилив, бросил клич к началу охоты, и вся стая немедленно собралась и направилась к небольшой, но глубокой бухте. Касатки шли ровным строем, лишь изредка переговариваясь друг с другом. Каждый из них знал свою роль в этом спектакле. Несколько молодых тюленей беззаботно плавали недалеко от берега, два опытных самца, прижимаясь ко дну так, чтобы не был виден их спинной плавник,плыли им навстречу. Чтобы отвлечь внимание молодых тюленей, вожак высунул из воды свой изогнутый, больших размеров плавник, малыши тут же заметили присутствие касатки и заострили свое внимание. Тем временем два самца уже были рядом и набросились на ничего не подозревавших тюленей. Вмиг всю группу малышей охватила паника: половина из них бросилась к берегу, а другая часть - в открытое море, став жертвами спешащих им навстречу остальных хищников. Выбравшись на берег, тюленята

полагали, что теперь они в безопасности, и не спешили отходить от воды. С накатывающейся волной шеститонное тело касатки выбросилось на берег, схватив за задние ласты зазевавшегося тюлененка. Еще секунду назад огромной туши хищника не было видно - и вот оно почти полностью лежало на берегу. А в следующее мгновение, изогнув свое тело на брюхе, касатка импульсивными движениями возвратилась в родную стихию с добычей в зубах. Охота состоялась удачно: почти всем удалось поймать тюленя, - и поэтому пошли прочь с места охоты. Голодным остались только молодой вожак и еще два неудачных самца. Не уходя далеко, они вновь стали патрулировать вдоль береговой линии в ожидании, когда тюленята успокоятся и снова подойдут к воде. Время шло, но положение дел не менялось, а даже стало хуже: небесную синеву затянули серые тучи и поднялись трехметровые волны. Заметив в правой части бухты, где было пологое дно, одинокую фигуру тюлененка, голодный хищник устремился к нему, пренебрегая своей безопасностью. Молодой вожак в тревоге последовал за ним. Массивная голова тюленя с большими черными глазами была повернута в сторону моря. Подойдя ближе, кит выбросился с накатившей волной, но выпад произошел неточный, и к тому же тело касатки оказалось выброшено на берег больше чем на полкорпуса. Голодный хищник отчаянно бил хвостом, лихорадочно изгибал свое тело в надежде возвратиться в море, но все было напрасно: кит застрял на суше. Поняв близкую гибель, касатка звала на помощь, издавая жалобный свист, а стадо тюленей с умилением смотрело на обреченное животное. И только молодой вожак метался неподалеку в поиске решения. И вот ему в голову пришла довольно опасная идея, и он не раздумывая бросился ее выполнять. Выбросившись на безопасное расстояние рядом с гибнущим собратом, он начал того толкать к воде. Когда эта возможность была исчерпана и кит был уже ближе к воде, он снова повторил попытку. И так раз за разом он выбрасывался на берег и возвращался назад, пока ему не удалось повернуть пятитонное тело носом к воде, а там гибнущий собрат, почувствовав шанс спастись, собрал все оставшиеся силы и сделал мощный рывок, даровавший ему легкость движения. И вскоре два радостных свиста провозгласили торжество жизни над смертью.

Запись датирована 22 мая 1990 года

- Шестьсот восемьдесят пятая, проходите к аварийному причалу номер девять, - озвучил слова диспетчера береговой охраны ретранслятор.

Аварийные причалы находились в самой глубине Заозерской губы. Там молча ожидали своей участи списанные подводные лодки, предназначенные для утилизации, на которую не хватало денег у Советского правительства.

Когда К-685 еще входила в Заозерскую губу, Захаров заметил, как погода начинала портиться. Синеву как-то незаметно закрыли подкрававшиеся тяжелые тучи, и нараставшая влажность в воздухе уже выдавала наступление дождя.

Еще на подходе к аварийному причалу можно было узнать стоявшего на причале рослую фигуру командира дивизиона подводных лодок Понтелеева, худощавого начальника медсанчасти капитана третьего ранга Васильева и подполковника из прокуратуры Клыкова.

Когда силуэты встречающих были уже отчетливо видны, Захаров вернулся к себе в каюту, а Куликов выставил караул, чтобы все соответствовало полученным ранее приказаниям. К аварийному причалу подводная лодка подошла не спеша, мягко пришвартовавшись. После ритуального построения, проходившего впервые без участия Захарова, и доклада Куликова Понтелееву о результатах похода все сошли на берег, а к Захарову в каюту пришел Клыков и предложил пройти вместе с ним.

- Арестовывать пришли? - спросил Захаров.

- Еще нет, просто пройдемте со мной, - коротко ответил Клыков и пошел на выход.

Захаров последовал за ним без сопровождения. И, как только его правая нога коснулась твердой почвы, первая капля дождя тут же упала ему на щеку. Захаров послушно шел за спиной Клыкова, а тот даже ни разу не повернулся посмотреть, идет ли за ним Захаров. По пути в комендатуру дождь начинал уже накрапывать, и первые капли сплошь

покрыли китель Захарова. Подойдя к крыльцу, Захаров заметил среди других машин стоящую черную «Волгу» с мурманскими номерами. «Неужто командующий подводным флотом прикатил?» - подумал Захаров. Пройдя несколько коротких коридоров, они очутились перед дверью коменданта. Открыв ее, Захаров увидел из-за спины Клыкова сидящего за рабочим столом седовласого человека с худощавым лицом, в погонах генерал-лейтенанта, читающего какие-то документы из его личного дела.

- Разрешите войти, товарищ генерал-лейтенант? - спросил Клыков.

- Вы... э-э... уже здесь. Входите, - сняв очки, пригласил генерал.

Оба переступили через порог и замерли в ожидании. Генерал встал со своего места и пошел было навстречу, затем остановился.

- Спасибо... э-э... полковник. Вы свободны, а вы... э-э... товарищ Захаров, пока проходите... э-э... Вон стул, присаживайтесь, - сказал генерал, указав на стоящий напротив него стул.

Клыков тут же удалился, а Захаров прошел в глубь кабинета и увидел генерала вблизи. За толстыми линзами его очков скрывались маленькие водянистые глаза. Желтого цвета кожа лица генерала была похожа на резиновую, и от этого у Захарова сложилось впечатление, словно он ею обтянут, как защитной оболочкой. Чувства, которые испытал Захаров, заметив телесные особенности генерала, были не из приятных: ему казалось, что перед ним находится некое пресмыкающееся человекоподобного типа.

- Здесь про вас весьма... э-э... лестно пишут, хотя... э-э... вот есть строгий выговор. А последние события... э-э... и того хуже... все ваши подвиги и вовсе... э-э... сводят, я бы сказал, на нет, - сказал генерал, усаживаясь на стул.

- Я всего лишь выполнял приказ, - тихо ответил Захаров.

- Я в курсе, можете не оправдываться, - сказал генерал и посмотрел на Захарова. - Моя фамилия Шкворин... э-э... зовут Вячеслав Яковлевич, я являюсь начальником семнадцатого управления... э-э... - «Последний оборонительный рубеж» КГБ СССР... Я приехал сюда... э-э... можно сказать, за вами...

- За мной? Вот новость, а зачем я вам понадобился? Разве я что-то сделал такого, чтобы мной начал интересоваться КГБ? - поинтересовался Захаров.

- Нет, вы пока... э-э... ничего не сделали, только... э-э... государственное имущество испортили да девять молодых парней на тот свет... э-э... отправили.

- За это я отвечу перед судом, - так же тихо ответил Захаров.

- Правильно, ответите перед судом... э-э... но пока что вы не перед судом... э-э... а передо мной... Служить-то здесь... э-э... наверное, тяжковато... Без геройства-то... э-э... ничего серьезного-то и сделать, наверное, нельзя.

- Служба в Заполярье, конечно, не сахар. А про геройство - то это дело каждого.

- Скажите... э-э... Иван Алексеевич, вам никогда... э-э... не хотелось послужить в нашей системе?

- Информатором?

- Нет, не информатором, - проявляя на губах гадкую улыбку, ответил генерал. - Наше управление... э-э... этим не занимается, контрразведкой... э-э... у нас занимается второе главное управление, а мы... э-э... несколько иным...

- Это неважно, все равно теперь я уже не смогу вам ничем помочь: меня ждет суд... Нужно отвечать за свои промахи, а там, думаю, тюрьма, так что вы опоздали, товарищ генерал, - Захаров перебил шипящую с расстановкой речь генерала. Его глаза недовольно сузились, и он посмотрел внимательно на Захарова.

- Вы пока ничего... э-э... не знаете, а только... э-э... можете предполагать, что с вами будет. Так вот... э-э... я вас прошу: воздержитесь от своих фантазий... э-э... на тему своего будущего. И лучше не перебивайте меня... э-э... а внимательно послушайте, - на последнем предложении его голос повысился, перейдя в писк. Затем генерал сделал паузу и продолжил: - Так вот... э-э... я уже говорил вам... э-э... что я возглавляю семнадцатое управление КГБ СССР. И ко мне... э-э... случайно попало ваше дело... э-э... и, заинтересовавшись им... э-э... я пришел к выводу... э-э... что не худо бы было вас пригласить работать в нашу структуру.

- Зачем?

- Управление «Последний оборонительный рубеж»... э-э... занимается, начиная... э-э... с подготовки и проведения диверсионных операций... э-э... и заканчивая

полномасштабным взаимодействием... э-э... с Вооруженными силами Советского Союза... э-э... Непонятно, да?

- Не очень, - ответил Захаров.

- Чтобы вам было понятно... э-э... представьте себе вот такую аллегория... э-э... Идут военные действия... э-э... армия противника прорывается на одном из наших участков обороны... э-э... И вот представьте себе... э-э... возникает угроза окружения основных сил нашей армии... э-э...

- Как в Великую Отечественную? Так современная война будет совсем другой, - возразил Захаров.

- Вы опять меня перебиваете, - взвизгнул Шкворин.

- Извините, - и Захаров принял покаянный вид.

- Так вот... э-э... чтобы срочно закрыть эту брешь... э-э... наше управление и вводят в дело. Мы в короткие сроки... э-э... ликвидируем угрозу окружения... э-э... то есть... э-э... закрываем собой... э-э... образовавшуюся брешь в линии фронта... э-э... и все встает на свои места. Вроде... э-э... пожарной команды, которая... э-э... там, где жарко. Чтобы решать такие... э-э... сложные задачи... э-э... наше управление представляет собой... э-э... вооруженные силы в миниатюре с перспективной техникой... э-э... действующей «не числом, а умением». Поэтому... э-э... мы стараемся собрать в своих рядах лучшие кадры... э-э... от рядового до генеральского состава. Теперь вам понятно, чем мы занимаемся?

- Более-менее понятно, - ответил Захаров. - Только я-то раньше думал, что КГБ только за предателями Родины охотится да разведывает планы империалистов, - добавил, улыбнувшись, Захаров.

- Мы... э-э... не только этим занимаемся.

- А я-то зачем понадобился вашему управлению? - продолжал улыбаться Захаров, воспринимая этот разговор за какую-то сказочную игру.

- А говоришь, тебе все понятно... э-э... ни черта э-э тебе непонятно, - резко перейдя на «ты», сказал Шкворин. - Ты будешь заниматься... э-э... тем, что у тебя... э-э... лучше всего получается, - командовать подводной лодкой.

- Какой подводной лодкой? - удивился Захаров.

- Атомной.

- Так у вас и подводные лодки имеются? - спросил Захаров.

- Ты Ваньку-то... э-э... ломать перестань, а то быстро на нарах... э-э... окажешься, - не вытерпев, заревел генерал.

Захаров вздрогнул и понял, что сейчас все это закончится и он так и не узнает, зачем его сюда вызвали.

- Я Ваньку не ломаю, только вы, по-моему, какие-то сказки рассказываете, - виновато ответил он после паузы.

- Значит, я сюда прикорячился... э-э... из Москвы, чтобы тебе сказки рассказывать? - жестко спросил Шкворин.
- Я же тебе сказал... э-э... что в миниатюре целая армия, а подводная лодка пока только одна... э-э... но скоро, думаю, мы получим вторую.

- Какого класса? - этот вопрос у Захарова сорвался автоматически.

- Класс «Морской лев»... э-э... если это тебе о чем-либо говорит. Я вижу, тебе... э-э... это все же интересно, - оттаял генерал.

- Конечно, интересно, я же подводник, и, если приглашаете на службу, мне интересно все, что с ней связано. Вы можете мне назвать номер проекта?

- Нет, я не знаю... э-э... никакого номера. Во всяком случае... э-э... в будущем никаких номеров не будет. Что я могу вам сказать про нее... э-э... Это новая разработка... э-э... такие лодки появятся только лет через двадцать - двадцать пять.

- Интересно, - Захаров входил в азарт. - А какие-то размеры, технические данные можете сказать?

- Да нет же... э-э... какие технические данные... э-э... я тебе должен сказать. Приедешь на базу... э-э... там все сам узнаешь. Ну, как, согласен у нас работать?

- Еще не знаю.

- А о том... э-э... что тебе вышак корячится, - об этом... э-э... ты знаешь? - генерал так неожиданно повысил свой голос, так что Захарова вновь передернуло.

- Что, простите, корячится? - спросил он.

- Шестой коридор - вот что... э-э... вон там... э-э... за дверью твоя смерть стоит, а ты... э-э... все про нумерацию проектов спрашиваешь. Тебе надо... э-э... думать о своей жизни... э-э... а не о сказках.

В кабинете повисла пауза. Захаров собрался с мыслями, серьезно сказал:

- Хорошо, какой выход вы предлагаете мне?

- Ты принимаешь... э-э... мое предложение, и мы добиваемся закрытия... э-э... твоего дела.

- Вот так, прямо сейчас? Я так не могу.

- А когда? Когда тебя на Колыму... э-э... что ли отправят? Так ты нам тогда... э-э... и не нужен будешь.

- Но я все равно не могу так сразу согласиться, вы хотя бы ответили, где придется служить, когда может переехать ко мне моя жена?

- Что, о комфорте... э-э... заботаешься? Правильно. Небось, на одном-то... э-э... героизме надоело жить. На этот счет не беспокойся. База находится на Командорских островах... э-э... приедешь, увидишь, так понравится... э-э... не то, что на этой свалке служить. Жена, конечно, не сразу сможет... э-э... к тебе перебраться, думаю... э-э... только через годик-другой. Все зависит, как у тебя... э-э... там дело пойдет. Если согласишься... э-э... трехкомнатной квартирой обеспечим в центре Петропавловска-Камчатского. Зарплату будешь... э-э... в шесть раз больше получать, но за это и с тебя спросим. Как приедешь на место... э-э... так тебе придется сразу вплотную заняться подготовкой «Морского льва» к выходу в море... э-э... для выполнения возможных боевых задач. Работы у тебя... э-э... сейчас будет хоть залейся. Придется, наверное... э-э... по двадцать четыре часа в сутки заниматься подготовкой экипажа. Надо бы... э-э... провести еще раз ходовые испытания лодки... э-э... потом еще раз осмотреть технику. Вот уж, когда все это и еще многое другое сделаешь... э-э... тогда и жена к тебе сможет приехать. Да, чуть не забыл... э-э... за это время мы подготовим еще один экипаж, и ты получишь отпуск на полгода... э-э... с обязательным возвращением на базу каждые два месяца... э-э... на два-пять дней в зависимости от международной обстановки.

- Ого, а как же погибшие: я за это должен же ответить?

- Они погибли... э-э... при исполнении, их смерть... э-э... героическая, за что наверняка получат посмертно награды.

- Но ведь не боевой, а учебной задачи, - сказал Захаров.

- А что, в учебном бою нужно... э-э... действовать как-то особенно?

- Не знаю, я действовал, как в настоящем бою, но если б я действовал как-то иначе, они были бы живы.

- В армию идут... э-э... не для того, чтоб потом вернуться живым, а для того, чтоб... э-э... быть готовым

погибнуть за Родину в любой момент. Итак... э-э... ты согласен перейти на службу в наше управление?

- Не знаю, имею ли я моральное право командовать другими после того, что произошло, - сказал Захаров.

- Чего? Какое моральное право? Что за... э-э... малодушие. Вот этого я от вас... э-э... Иван Алексеевич... э-э... никак не ожидал. Что за сантименты, товарищ Захаров? Вы ли это говорите?

В это время дождь уже всю перешел в ливень и с чудовищной силой барабанил в окно, какая-то невидимая сила распахнула фрамуги, занавески вытянулись параллельно полу, а генерала окатило холодной водой. Подойдя к подоконнику, Шкворин попытался закрыть окно, но тут перед самыми его глазами сверкнула молния, ослепляя его на мгновение, он в страхе отшатнулся, прикрыв глаза. Захаров немедленно вскочил, подбежав ему на помощь, и вместе они закрыли окно на защелку.

- Никогда не видел... э-э... такой грозы в глазах до сих пор темно, - сказал раздосадовано генерал.

- Я согласен.

- Что «согласен»? - генерал продолжал тереть глаза, - ...ничего... э-э... не вижу.

- Я согласен работать на вас.

- Э-э-х, да не на нас, а в нашем управлении; ...вроде полегчало. Жене ничего пока не говори. Скажешь, что тебя увезут... э-э... в Мурманск и там будет закрытый суд. И пусть не бегают по всем инстанциям... э-э... в поисках тебя. Скажешь ей, что сам напишешь, а она... э-э... пусть едет к своим родителям. Смотри, только она сейчас все может испортить. Мы здесь все замнем. Не забывай, сегодня другое время... э-э... гласность, демократия... Если она растрезвонит на всю страну... э-э... тогда, пиши, дело пропало... э-э... нам тебя не вытащить.

- Я все понял.

- Если все понял... э-э... тогда по рукам, значит?

- Ага.

- Ну и хорошо. На вот, подпиши заявление о добровольном... э-э... поступлении к нам на службу, - и Шкворин достал из-под папки его личного дела бумагу, отпечатанную на машинке с грифом «Секретно». Захаров прочитал заявление о просьбе перехода его на работу в

семнадцатое управление КГБ. На секунду он задумался и в следующий момент подписал.

- Ну вот, дело и сделалось. Завтра... э-э... в шесть утра у подъезда... э-э... тебя будет ждать машина... э-э... я думаю, ночи тебе хватит попрощаться, - сказал, улыбаясь ядовитой улыбкой, Шкворин, как только Захаров оторвал руку от бумаги.

- Хватит, - уныло произнес Захаров.

- Ну, тогда все. Дежурный, - кликнул генерал.

На пороге появился матрос.

- Вызывали, товарищ генерал?

- Да. Вызовите машину для капитана первого ранга.

- Есть.

Дежурный снова скрылся за дверью.

- Ну все, товарищ Захаров... э-э... давай прощаться. Послезавтра вы будете на базе... э-э... и там полковник Канарейкин введет вас в курс дела. Вопросы еще какие-то есть? - сказал Шкворин, складывая и убирая во внутренний карман подписанную Захаровым бумагу.

- Нет.

- Тогда все, прощайте, позже еще свидимся.

Генерал пожал руку Захарову, а за окном сверкнула молния. Кагэбэшник уже инстинктивно отвернулся, произнеся «Ну и светит, собака», и вышел вон.

Через минуту появился дежурный и сообщил Захарову, что за ним пришла машина.

Запись датирована 23 мая 1990 года

Захаров приехал домой, когда часы показывали полседьмого вечера. Надежда занималась на кухне, и встречать его первым выбежал Саша.

- Мама, мама, папа приехал, - прозвенел Сашин голосок радостным колокольчиком. Он подбежал к отцу, и руки Захарова оказались той волшебной силой, которая без труда подняла легкое тельце, приблизив к себе. Саша приник губами к уху Захарова и спросил шепотом, задыхаясь от радости:

- Папа, папа, а правда, что ты свою лодку сломал?

Захаров растерялся на несколько секунд, но тут же собрался и серьезно ответил:

- Правда, сынок.

Саша еще пуще рассмеялся и вновь шепнул отцу на ухо.

- Ну, теперь тебе влетит, наверное.

Тем временем Надежда уже вышла из кухни и задумчиво наблюдала сцену между отцом и сыном. А ее сердце переполнялось радостью преданной собаки.

В двухкомнатной квартире, в народе называемой брежневкой, у порога на половом коврике сидела собака породы доберман-пинчер. Она ждала вот уже несколько дней своего хозяина, который почему-то задерживался из очередной командировки дольше обычного. Тетя Маша, на попечении которой оставалась Найда, в отсутствие Святослава Михайловича сказала, будто бы хозяин должен сегодня вернуться, и собака ждала его с еще большим нетерпением. Поскольку квартира находилась на втором этаже, Найда торчащими в разные стороны ушами слышала, как хлопает дверь от каждого входившего в подъезд, а ее острый нюх улавливал их запахи, позволяя различать своих и чужих. Из-за сквозившего прохладного воздуха Найда постоянно чихала и фыркала, но вновь и вновь утыкалась носом в дверную щель в надежде уловить знакомый запах хозяина.

В миллион сто пятьдесят первый раз хлопнула дверь, и до чувствительного носа ветер донес слабый, но такой знакомый запах. Найда тихонько гавкнула, еще не веря в то, что это вошел хозяин, она смотрела словно сквозь дверь, напрягая слух. И спустя несколько секунд собака уже не сомневалась в этом: осторожный звук легких шагов хозяина она никогда не смогла бы спутать ни с чьим другим на свете. Найда встала с насиженного места и, уже гавкая и завывая во весь голос, приветствовала хозяина. Ворочавшийся ключ в скважине замка уже сокращал томительное ожидание. Открылась дверь, и на пороге стоял мужчина лет тридцати шести-восьми в темно-сером костюме, с чемоданчиком в руках. Найда тут же бросилась на него, встав на задние лапы, устремив клиновидную морду к хозяйскому лицу. Его руки тут же опустились на жесткую, блестящую, коричневого окраса шерсть собаки.

- Найда, милая, здравствуй! Что, соскучилась, маленькая? Как ты здесь без меня?

Собака радостно гавкала, визжа от удовольствия, ее купированный хвостик двигался с бешеной скоростью, из открытой пасти как-то небрежно свисал розовый язык.

Когда хозяин прошел в большую комнату, присев на диван, чтобы снять первичную усталость после дальней дороги, Найда, радостно веселясь и гавкая, бегала по всей квартире, подбегая к своему любимцу, тыкаясь в него своей мордой, дыша ему в лицо.

- И в первую очередь от мамы. Смотри: стоит и даже не подходит.

Еще бы чуть-чуть, и Надежда расплакалась, но устоявшееся в семье правило – никогда не расстраивать и не вводить сына в их взрослые проблемы – удержало ее от неверного шага. За эти дни – с тех пор как туманный слух разнесся по всему городку: о какой-то аварии, случившейся с лодкой Захарова, – она уже все на свете думала-передумала и, предполагая самые худшие последствия для своего мужа, никак не ждала его скорого возвращения. И поэтому, когда Захаров появился на пороге, она была страшно удивлена. Единственное, что она уже могла сделать, – это пригласить сына и мужа на ужин, оставив пока все свои догадки на потом.

После ужина к Саше пришли его друзья Димка и Серега. Они закрылись в его комнате и начали пластилиновое сражение, к которому готовились уже два дня. Как только Надежда осталась с Иваном наедине, она тут же, неожиданно, как-то чересчур строго спросила:

- Почему тебя отпустили?

Ее душу переполняли разнородные чувства, и она, путаясь в них, даже не знала, с чего начать. Ей хотелось задать ему сразу скопом тысячи вопросов. Те самые вопросы, которые она уже задавала людям в штабе базы, и, не получив на них хоть сколько-нибудь вразумительные ответы, она до сих пор пребывала в неизвестности. А Иван, на удивление, продолжал есть и сам ничего не рассказывал.

- А почему бы меня не отпустить? – наконец, оторвавшись от кружки с чаем, удивленно ответил Захаров.

Своим бесцеремонным ответом он тут же напомнил ей тех людей, которых она отчаянно пыталась расспрашивать в надежде хоть что-нибудь узнать о своем любимом муже.

- Иван, что с тобой случилось? Почему ты мне ничего не рассказываешь? Я тут сижу и не знаю уже, что и думать. Что будет со мной, с тобой, с нашим сыном, наконец? Не

молчи, я должна знать, как теперь все сложится, - почти истерически выпалила Надежда.

- Что с тобой, Наденька?

- Ничего, - почти сквозь слезы отвечала она.

- Наденька, Надюшка, - словно проснувшись, позвал ее Захаров. - Да не волнуйся ты так, все будет хорошо, иди ко мне... - заговорил он ласковым тоном и стал таким, каким всегда был, таким, каким она всегда его знала.

- Да, «не волнуйся»! Легко тебе говорить, а я тут сижу с Сашкой и ничего не знаю о тебе. И притом как «хорошо»? А суд? Я тут не знаю, что и думать. Тебя посадят? Куда? Когда суд? - Надежда, не отвечая на его призыв, продолжала сыпать вопросы, и как-то сама собой скатилась первая слеза из ее левого глаза.

- Подожди, подожди, иди сюда, - вновь позвал ее Иван. Надежда послушалась и села к нему на колени, обняв его.

- Давай сначала успокоимся, - Иван утер ей слезу и поцеловал в щечку. - Не переживай. Пойми меня: я не могу тебе все пока рассказать и обманывать тебя не хочу. Ты только верь мне, и все будет хорошо.

- Как это «все будет хорошо»? А суд?

- Какой суд, что ты все твердишь: суд, суд... посадят.

- Что ты этим хочешь сказать? Тебя что, не посадят? Скажи мне, Иван, я умру, если не скажешь!!! - теперь она была похожа на нетерпеливого ребенка.

- Надя, ты как ребенок. Ну, не посадят, не посадят, только успокойся. Не спрашивай больше меня ни о чем. Хорошо? Иначе все дело можем испортить.

- Как не можешь больше ничего рассказывать? Ты же и так мне ничего не сказал. И какое дело можем испортить? - допытывалась Надежда.

- Никакое. Я не могу тебе про это говорить. Я дал слово.

- Иван, милый, хороший, скажи своей Надюшке, может, я что-то смогу сделать. Кому ты дал слово? Какое слово?

- Неважно. Если не хочешь, чтобы я врал, не спрашивай меня больше, - Иван уже начал повышать голос.

- Хорошо, не буду. Но только скажи почему? - обидевшись, согласилась Надежда.

- Потому что я подписал особую бумагу. Понимаешь? - и Захаров загадочно посмотрел на свою жену.

- Понимаю... Ой, секретную, да? - закрыв ладонью рот, шепотом растерянно спросила Надежда.

- Да, - также шепотом ответил Захаров.

- Иванушка, я ничего не буду больше спрашивать, - обняв его и собрав остатки мужества, чуть ли не сквозь слезы ответила Надежда.

- Вот и хорошо, - и, чтобы как-то ободрить жену, Захаров добавил: - Меня завтра в шесть утра увезут, и мы с тобой очень долго не увидимся. Ты же собирай вещи, бери под мышку Шурика и ага к родителям в Москву. Справишься без меня? - и этим он тут же спровоцировал тучу вопросов.

- Куда увезут?.. В Мурманск?.. Ванечка, я могу тебя навещать?.. - слезы уже лились по ее щекам рекой.

- Надя, Надя! Что ты, в самом деле, успокойся! Вдруг Сашка заглянет. Что мы ему скажем? - растерянно заговорил Захаров.

- Не буду, не буду, прости меня, дуру, - бросившись утираться, сказала Надежда.

- Теперь самое главное: запомни, Надюша, ни в коем случае не пытайся меня разыскивать или наводить справки обо мне. Никому ничего не рассказывай. Собирай чемоданы и уезжай, а всем говори только, что меня, мол, увезли в Мурманск, там, видимо, будет закрытый суд, а по его окончании тебя якобы известят о сроке и месте моего заключения.

- А на самом деле что будет с тобой? - и Надежда с неподдельным интересом посмотрела на Ивана.

- Ничего, - твердо сказал Захаров, тут же пресекая щипцы ее пинцета любопытства, попытавшиеся открыть его раковину, где находилась жемчужина всех ответов на ее вопросы. - Если сделаешь все, как я сказал, то через года два все будет хорошо, и мы вновь увидимся, и будем жить, как будто этой разлуки и не было. Нужно только потерпеть, понимаешь.

- Иван, а много людей погибло в этой аварии? - вновь спросила Надежда, не в силах унять свое любопытство.

- В какой аварии? - не понял Захаров.

- Ну, с твоей лодкой авария произошла, по твоей вине...

- Кто тебе эту ересь сказал? - удивился Захаров.

- В штабе, а что?

- Папа, папа, я выиграл, - радостно вбежал на кухню Саша, - пойдем, посмотришь.

- Я тебе потом расскажу, - сказал, уходя, Захаров. Взяв за руку сына, он пошел вместе с ним в его комнату. Весь остаток вечера они провели вместе и даже не заметив, как дождливый день незаметно покинул эту часть планеты и на смену ему пришла прохладная ночь.

Найда уже улеглась на полу возле дивана, на котором спал ее хозяин.

Когда Надежда уже лежала в постели, ее кусали тревожные мысли о будущем. Иван еще не лег и был где-то в ванной. Несмотря на страх, засевший в душе, ей все же хотелось выведать то, что он от нее скрывает. И она решила ни за что не начинать хоровод обнаженных тел, пока он не рассеет черную дымку, покрывшую неожиданное появление мужа и довольно скорое их расставание на бесконечно долгих целых два оборота планеты вокруг звезды. А Иван вернулся к ней, весь преисполненный желанием утолить жажду. Солнце разлуки высушило весь сок его души, и он нуждался, нуждался в наполнении. Иван ожидал от Надежды, что она за это время вся переполнилась и ей хотелось поскорее отдать ему всю себя, дабы удовлетворить с лихвой его аппетит и облегчить свой сосуд, утомленный разлукой. Но она даже и не помышляла об этом: лишь только дразня его, демонстрировала свое страстно активное тело, от которого исходили чрезвычайно сильные эротические волны. Иван попытался начать игру со слияния губ, но Надежда мягко ушла от этого, шепнув ему: «Расскажи о будущем». Захаров догадался, что хочет узнать от него Надежда, и не знал теперь, что ему делать. Душа стонала, хотелось все забыть, войдя в устье реки наслаждения и пребывать в счастье великого отдохновения. Он спустился к подножью и приник к ступням неприступной горы. Манящее к себе приоткрытое ущелье, где зиждился волшебный ручеек жизни, не давал ему покоя, и, зная о том, как стремительно падают звездные секунды, он сделал вид, что сдался.

На хитрый женский ум всегда найдется разумный ключ у мужчины, и Захаров придумал историю, раскрыв лишь незначительные места замутненных заводей его жизни. Тонкая душа Надежды сразу почувствовала, что в словах Ивана столько же правды, сколько света было в их комнате. И все же она больше не продолжала настаивать на исповеди с его стороны. А зуд жажды знать о том, что же в конечном счете произошло с ее мужем, как-то стих сам собой, и она ответила ему всей откровенностью своего тела и души. Вмиг

частота жизненных сил увеличилась вдвое, посыпались магические заклинания, наполнившие ее лагуну приливом чудодейственной влаги. И он тут же спустился к ней, мечтая подарить ей королевское наслаждение. Ее тело, подобно поверхности планеты, в эту ночь отдавало все тепло, что было накоплено за время, проведенное в разных измерениях, а ее бугорки и холмики, впадины и небольшие углубления буквально искрились от его прикосновения, звуча отголоском в их сердцах, а изящные движения только усиливали волшебное свечение.

Солнце обошло Землю и выглянуло из-за противоположной стороны, извещая их о приближающемся расставании. Участники же святого таинства так и не сомкнули глаз, пройдя вместе сквозь ночь. И вот лицемерная одежда вновь опутала тело Надежды, скрыв красоту и откровенность ее наготы. Иван поднялся чуть позже, направившись в комнату сына, он хотел попрощаться с ним.

Саша пребывал в глубоком плену утреннего сна. Захаров присел на краешек кровати и долго смотрел на сына. Перед уходом он тихо поцеловал его в лоб, отчего тот встрепенулся, и казалось, что он сейчас проснется, но сон не хотел его выпускать из своих объятий, лишь позволив ему открыть один глаз и прошептать: «Папа». Иван сдержал себя от попытки усадить его к себе на колени, отправился на кухню, где Надежда уже готовила завтрак.

Большие часы в прихожей пробили роковые шесть часов утра, Надежда обняла Ивана и сказала:

- Ванечка, милый, я люблю тебя и всегда буду любить... Господи, как я не хочу тебя отпускать, - растерянно обнимая Захарова, молитвенно произнесла Надежда.

Когда хозяин собирался вновь в командировку (а произошло это почему-то на следующий день), Найда скулила и не хотела его отпускать, она буквально вцепилась зубами в его штанину, угрожая порвать ее. Святослав Михайлович насилу вырвался, тщетно пытаясь успокоить собаку. После его ухода Найда еще долго скулила от горя.

Яркие солнечные лучи брызнули прямо в глаза Захарову, отчего тот пошел прямо по интуиции, не замечая справа стоящую у бордюра белую «Волгу». Через секунду глаза прояснили для него окружающую обстановку, и он, увидев ожидавшую его машину, пошел к ней. Спустя минуту дверь хлопнула, и груда белого железа вновь обрела жизнь и помчалась куда-то по дороге, увозя с собой Захарова в темное будущее.

Запись датирована 30 июня 1990 года

Целый месяц ушел у Надежды на увольнение с работы, на перевод Саши из местной школы в московскую, на сборы необходимых вещей и на всякие мелочи, которые в отдельности не представляют собой, казалось бы, никакого значения, но, собираясь в кучу, они образуют существенную помеху, препятствующую дальнейшему движению вперед.

Болотного цвета пыльные вагоны поезда Мурманск - Ленинград ожидали своих пассажиров на первой платформе. Надежда стояла в окружении сумок и чемоданов, не торопясь подходить к пышногрудой проводнице, около которой уже собралась небольшая толпа отъезжающих. Ее провожал только один Куликов. Слух об аресте Захарова разнесся по военному городку со сверхзвуковой скоростью, и из когда-то обширного круга знакомых и друзей никого не осталось. Все вдруг как по команде стали сторониться Надежды: ссылаясь на чрезвычайную занятость, сочувствуя ей мимоходом, они скрывались за ближайшим углом.

- Мама, а когда мы поедем? - спросил Саша.

Надежда бросила взгляд на проводницу и, увидев, что вокруг нее уже никого нет, повернулась к Куликову:

- Ну, все, Федор Михайлович, давайте прощаться, командир командует отбой, - прижимая к себе сына, сказала Надежда. - Спасибо, что помогли, а то я не знаю, что бы делала: чемоданов-то вон сколько, - она в очередной раз оглядела свой багаж, попутно проверяя, все ли на месте.

- Да я ничем таким и не помог. За что ж меня благодарить... - растерянно произнес Куликов, - я сейчас отнесу сумки, а вы пока оформляйте билеты.

Каждый взял по две сумки, а Куликов помимо чемоданов умудрился взять еще и оставшийся пакет. Женщина в синем железнодорожном костюме, взглянув на

проездные документы, тут же пропустила новых пассажиров. Места находились в середине вагона, этому поспособствовал Куликов: когда стоял в очереди, он настойчиво попросил у кассирши дать ему места подальше от туалета. Прежде чем устроиться на новом месте, Надежда вытащила из сумки тряпку и вытерла спальные полки из синего кожзаменителя.

- Мама, мама, я буду спать наверху, - голосил радостный Саша, - единственный, кто был рад скорому путешествию.

- Устроились, теперь прощайте, Надежда, - сказал Куликов.

- Саша, ты пока посиди здесь, а мама сейчас придет.

- А ты куда?

- Попрощаться с дядей Федором.

- А поезд без тебя не уйдет?

- Нет, не уйдет, посиди здесь, ладно?

- Посижу.

Оба пошли узким коридором на выход. Оказавшись вновь на перроне, они стояли молча друг напротив друга.

- Федор, я вас совсем не знаю, с этими сборами я как-то о вас даже и не думала, - как-то неловко прервала тишину Надежда.

- Чего не думали? - подхватил Куликов.

- Ну, почему вы стали мне помогать, - растерянно сказала Надежда.

- Потому что я виновник катастрофы.

- Какой катастрофы? - не понимая, спросила она.

- За которую ваш муж арестован.

- Он не арестован...

Весь состав содрогнулся, и послышался свист локомотива.

- Товарищи пассажиры, просьба всем занять свои места, а провожающих - покинуть вагон. Гражданка, вы отъезжаете?

- Да.

- Тогда пройдите в вагон, поезд отправляется.

- Как не арестован? - спросил Куликов

- Так, - уходя, ответила Надежда, - спасибо вам, Федор Михайлович, за помощь.

Лицо Куликова просветлело, и он улыбнулся.

Папка № 2

Запись датирована 24 июня 1990 года

Все это время, пока сознание Захарова воспроизводило отрывочную спираль ушедшего времени, он сидел, неподвижно ковыряя взглядом перегородку, отделяющую пассажиров от пилотов вертолета. Наконец, когда картина воспоминаний была завершена последним мазком прощания с женой, Иван Алексеевич, осознав свое местонахождение, повернулся к своему спутнику. Леонид Сергеевич сидел напротив него и, не дождавшись ответа на свое приветствие, решил покамест не возобновлять разговор, заметив на лице своего попутчика вуаль некоего расстройтва после пробуждения.

- До острова еще далеко? - спросил Захаров.

Канарейкин, давно ожидавший, когда представится случай возобновить разговор, в котором он надеялся поближе

познакомиться с Захаровым, тут же подскочил с кресла и подошел к нему. Разительный запах тройного одеколona вонзился в нос Захарова. Тыча толстым пальцем в мутное стекло, Канарейкин ответил:

- Да почти приехали, в-о-о-н там, вдали, видите?

- Ага.

Захаров повернулся, и действительно, среди волн Берингова моря едва заметно выглядывало зернышко суши. Канарейкин, уже не дождавшись очередного вопроса со стороны Захарова, во избежание разрушения еще хрупкого мостика диалога сам приступил к его укреплению.

- Как самочувствие?

- Да так... в общем, неплохо.

- А я вот, знаете, не могу спать ни в машине, ни в поезде, ни в самолете, ни тем более в таких условиях, - и он возвел руки кверху, словно готовясь выполнить молитвенный ритуал мусульман. - Не могу спать в стесненном положении, хоть ты тресни. При моих-то габаритах нужно что-то побольше, а эти кресла совсем для меня не годятся, - похлопывая себя по бокам, с улыбкой произнес Канарейкин и снова уселся в кресло, закрыв его полностью своей тучной фигурой. Захаров рассмеялся.

- Да, - улыбаясь, сказал Захаров, - наверное, и на армейских кроватях вам тоже уснуть нелегко.

- И не только на кроватях, - у меня трудности еще и с одеждой. Я всю форму на заказ шил. С кроватями-то я только на острове столкнулся. До этого-то я при штабах служил, так что на квартире ночевал, а там у меня все под мой размер было устроено. А здесь-то, - указывая толстым, как бревно, пальцем в сторону окошка, - пока из двух одну не сварили, я не мог как следует и выспаться. Сами посудите, ведь как получается: если человек испытывает какую-то неуютность, он и работу свою будет выполнять не с полной отдачей. Вы меня понимаете? (Захаров кивнул в ответ.) Ведь что получается: сегодня я плохо выспался, завтра, выходя из своего кабинета, стукнулся о дверной проем, потом сел на стул, на котором чувствую себя посаженным на кол. И вот в течение-то всего дня колют человека, как иголки, разные там неприятности и не дают ему сосредоточиться на выполнении своей работы. И что из этого получится, а? То-то, ничего. Вот ведь в чем закавыка, понимаете?

Рассуждения Канарейкина забавляли Захарова, привыкшего, наоборот, приспособливаться к уже созданным условиям.

- Да, а похудеть не пробовали? - спросил Захаров.

- Ой, - махнув расстроено рукой, произнес Канарейкин, - сколько раз брался, а как понервничаю, так начинаю есть без остановки, и все похудание на нет. Неуемный аппетит, проклятый, всегда подводит. Наверное, я слаб в порывах, - горестно сказал Канарейкин. Захаров, с любопытством слушая, разглядывал Канарейкина, словно огромного хомяка, вылезшего из норы в весеннюю пору.

Среди ржаных колосков солнечного отлива колхозного поля средней полосы России вырыл себе норку хомяк обыкновенный. Уже из округи на крыльях перелетных птиц стремительно уносилось лето, а робкий желтый дождь, предвестник смены цвета природы, уже пролил свои первые капли. Задолго до внешних его проявлений маленький зверек почувствовал запах перемен. Он уже давно готовился к белой спячке, заготавливая провиант.

Подходили к концу и летние каникулы у Ванюши. Родители привезли его в деревню к бабушке еще в начале лета, чтобы малыш побывал на природе и набрался витаминов, а его молодые легкие очистились бы от загазованного городского воздуха. Уже послезавтра мама и папа должны были за ним приехать, и он решил приготовить для них подарок, отправившись в лес для того, чтобы найти различные ветки, внешне похожие на загадочных животных. По возвращении из оазиса жизни Ванюше пришлось обходить ржаной прямоугольник. Подумав немного, он отважился пройти сквозь него, и это решение подкрепила невдалеке вспорхнувшая незнакомая птица. Ванюше очень захотелось посмотреть на гнездо, и, быть может, ему удастся увидеть уже подросших птенчиков. Захватившее желание бросило его с головой в золотые волны ржаного моря. Пробираясь сквозь штыки колосьев, малыш внимательно смотрел себе под ноги, затаив в душе зыбкую надежду на скорую встречу. Поиски продолжались довольно долго, и Ванюша, сам того не замечая, уже пересек середину поля, а надежда, таявшая с каждой секундой, призывала его оставить заманчивую затею и направиться к дороге, ведущей к дому, как вдруг он заметил небольшого пушистого, рыжего, с двумя белыми пятнами по бокам зверька. Ваня остановился, притаившись в нескольких шагах. Хомяк, не заметив мальчика, продолжал сидеть на задних лапах, луща ржаной колосок, засовывая за щеку добытые им зернышки, отчего он толстел прямо на глазах. Увиденное необычное зрелище чрезвычайно заинтересовало Ваню, и он тихонько наблюдал за удивительным зверьком. Наконец, когда сумки ржаного колоса опустели, хомяк, переваливаясь с боку на бок, с безмерно раздутыми щеками скрылся в норе.

Ваня, чтобы вновь увидеть забавное зрелище, сорвал колосок и положил его недалеко от входа в норку незнакомому зверьку. Тут же из темного отверстия показалась треугольная голова, но, как только черные глазки-бусинки заметили присутствие мальчика, хомяк тут же скрылся в глубине земли. Подождав немного, Ваня уже отчаялся было увидеть его снова и хотел уже вставать с корточек, как зверек опять высунулся из своего домика. Неуемный аппетит пересилил страх, и он осторожно дотронулся до желанного лакомства, которое держал малыш. Почувствовав себя в безопасности, хомяк вылез полностью, принявшись с ходу за

любимую работу. Малыш был вне себя от радости, между тем хомяк, довольно проворно работая передними лапками, словно руками, доставал заветные зернышки. Ване захотелось покормить хомяка из рук, и он растер в ладонях колос: получив от такой операции несколько зернышек, он поднес их к мордочке зверька. Тот от неожиданности отпрыгнул, словно ужаленный, и уже в следующий момент хотел было дать деру, но замер, и через короткое время нос хомяка уже обнюхивал Ванину ладонь. После этого он осторожно взял передними лапками зерно и отправил его в защечный мешок. На малыша успех эксперимента произвел неизгладимое впечатление, и его уже подтачивало желание прижать к себе пушистый комочек. И как только он взял за белые пятнышки хомяка, почувствовав хрупкие ребра зверька, в которые было заключено импульсивное сердечко, тот пронзительно пискнул, извернулся и, укусив за мизинец малыша, скрылся в темной норе. Ванюша вскрикнул от боли, а на девственно белом пальце проявились первые капли крови. Все желание продолжать эксперименты унесло штормовым ветром боли, и мальчик, забыв даже про корзинку, побежал, засунув раненый мизинец в рот, к бабушке Насте.

- Ба-а-ба, ба-а-ба, меня мыска без хостика кусила, - уже с крыльца трезвонил необыкновенно высокий голос Вани.

Бабушка Настя в это время была на огороде и, как только слышала первые звуки Ванюшиного призыва, бросив все, побежала к внуку. Войдя в избу, она увидела комичное зрелище: Ваня ойкал, дую на палец, прыгая с одной ноги на другую. Когда внук увидел любимую бабушку, он бросился к ней и, уткнувшись в подол, жалобно проголосил:

- Ба-а-ба, меня мыска без хостика кусила.

- Где укусила?

- Там, в поле. Вот!!! - и малыш показал укушенный палец, на котором снова начала проявляться кровь.

- Господи боже мой, - испугано пролепетала Анастасия Васильевна и бросилась искать бинт и зеленку.

Как только она оказала всю должную в таких случаях медицинскую помощь своему драгоценному внуку, то приняла воинственную позу, подперев бока кулаками.

- Ванечка, где эта мышь, будь она неладна? Пойдем ее накажем, - она взяла стоящую в углу лопату.

- Что ты, баба. Значит, и тебя мыска зазазила, - взобравшись к любимой бабушке на руки, прошептал ей в самое ухо.

- Чем заразила? - откровенно удивленная и ничего не понимающая, спросила Анастасия Васильевна.

- Меня, когда мыска кусила, я тоже хотел засыпать ее в нойке, но я этого не стал делать.

- Почему? - с еще большим удивлением спросила бабушка.

- Потому съто я должен выстоять. Когда мыска кусила меня, она меня зазазила злом, и добло бы умело во мне, если б я засыпал нойку. А тут я выстоял, только вот, оказывается, тебя зазазил. Баба, ты должна выстоять, как я. Не надо губить мыску, она и так наказана: ей кто-то хостик откусил.

Бабушка рассмеялась и сказала:

- Ладно, не будем мышку убивать. Раз внук выстоял перед злом, значит, и бабушка выстоит. Ну как, пальчик больше не болит?

- Неть.

- Тогда пошли обедать.

Вертолет тем временем начинал заходить на посадку на остров, представлявший собой клочок суши с каменистым окладом на юге. В виде восьмерки он протянулся с запада на восток. Почти всю его поверхность покрывала трава, и лишь кое-где рос особняком кустарник. Береговая линия была слабо изрезана. В прибрежных водах резвились морские котики, а над ними парили в поисках рыбы крачки, чайки и бакланы.

Пролетев еще несколько минут, вертолет завис и начал медленно снижаться, поднимая воздушные волны на зеленой поверхности. Первым из винтокрылой машины, кряхтя, вылез Канарейкин: осмотревшись вокруг, он сразу же направился прочь от него. Затем из вертолета показался Захаров. Прохладный морской ветер тут же обьял его голову, внося в сознание окончательную свежесть после сна. Когда они с полковником уже отошли на приличное расстояние от машины, та осторожно оторвалась от земли, пустившись в обратный путь на материк.

- Ну, вот и дома, - произнес Канарейкин, когда гул работающего ротора вертолета был уже почти не слышен.

- А где база? - рассеянно оглядываясь по сторонам, спросил Захаров.

- Вон там, - и Канарейкин показал в сторону огромного холма высотой около двухсот метров на западе острова. Его подножие уже начиналось в пятидесяти метрах от них. Захаров оглядел холм, но ничего, что бы напоминало военноморскую базу подводных лодок, не заметил.

- За холмом? - задал уточняющий вопрос Захаров.

- Да нет же, она под холмом, - ответил Канарейкин и пошел к ближайшему кусту. Захаров, ничего не понимая, следовал за ним. Подойдя к растению, полковник легким движением своей пухлой руки вырвал его с корнем.

- Вот и вход, - указывая на образовавшееся углубление, сказал Канарейкин и нагнулся. Послышались шипение выходящего воздуха и резкий звук открывающегося люка. Захаров подошел ближе к полковнику, который уже стоял на четвереньках, пытаясь начать спускаться по примыкающей к люку лестнице, ведущей вниз.

- Чудеса какие-то, - сказал Захаров, подойдя к Канарейкину.

- Никакие не чудеса: сейчас спустимся и будем на базе, - ответил ему Канарейкин, скрывшись в люке уже

наполовину. Как только он оказался на дне, Захаров последовал за ним.

- Здесь что, бомбоубежище было что ли? - спросил Захаров, опустившись на дно тоннеля и оглядываясь по сторонам.

- Не было никакого бомбоубежища. Это запасной вход на базу, - ответил Канарейкин.

- А где основной?

- Там, наверху: его снаружи не откроешь, - сказал Канарейкин.

Тоннель, внутри которого они оказались, был похож на обыкновенный городской подземный переход. Не дожидаясь, когда Захаров осмотрится, Канарейкин пошел вглубь. Через несколько минут оба были у довольно массивной стальной двери, справа от которой на уровне вытянутой руки была прикреплена небольшая коробочка с продольной прорезью и пульсирующей красной лампочкой под ней. Канарейкин подошел к ней вплотную и, достав из внутреннего кармана небольших размеров прямоугольную пластиковую карточку, провел ею по прорези. Лампочка сменила свой цвет на зеленый, а затем послышалось уже знакомое уху Захарова глухое шипение, дверь едва слышно ушла вправо. По другую сторону двери стояли два молодых солдата, одетые в форму защитного цвета, с автоматами Калашникова. Захаров вместе с полковником проследовал дальше, очутившись посередине большого помещения, из каждого угла которого уходили в неизвестное направление коридоры.

- Дежурный! - крикнул Канарейкин.

Из боковой будки выбежал такой же человек, одетый в зеленую форму, с повязкой на руке «Дежурный». Подбежав к полковнику, козырнув, отрапортовал:

- Товарищ полковник, за время моего дежурства никаких происшествий не произошло, дежурный старшина Яковлев.

- Хорошо, хорошо, Яковлев. Ты вот что: отправь-ка людей закрыть наружный люк, - сказал вальяжно Канарейкин.

- Есть, - так же четко ответил старшина и, повторно отдав честь, убежал.

- Ну, как вам? - обращаясь к Захарову с довольной улыбкой, спросил полковник.

- Нормально, - не поняв вопроса, ответил Захаров.

- Нормально? Ну, тогда пошли на кухню. Есть небось хотите?

- Да, есть чуть-чуть.

- Ну, пойдем, пойдем, сейчас поедем.

И они свернули в один из коридоров с аббревиатурой «АВ-1». Пройдя немного, завернули в еще один точно такой же коридор направо и спустя некоторое время очутились в уютной комнате, посередине которой стоял массивный дубовый стол.

- Это офицерская столовая, - сказал Канарейкин, - садитесь, сейчас позавтракаем.

В эту минуту к полковнику подбежал человек в белом фартуке и белом колпаке на голове.

- Кузнецов, что у нас сегодня на завтрак? - потирая руки, с некоторым удовольствием спросил Канарейкин.

- Салат «Оливье», мороженое с клубникой и ананасовый сок.

- Давай, неси сынок, скорей, и еще булочки с повидлом не забудь и два пирожных.

- Любите сладкое? - спросил Захаров.

- Обожаю.

Когда перед ними оказались все упомянутые полковником блюда, Захаров, глядя на сервированный стол (а на нем стояла вся необходимая для этих продуктов посуда, включая специальные маленькие ложечки для мороженого), спросил:

- У вас здесь всех так кормят или это только в честь нашей встречи?

- Как вам сказать, Иван Алексеевич, - Канарейкин впервые за время их знакомства назвал Захарова по имени-отчеству, и вышло это у него с каким-то холодком. - Специально для нашей встречи сюда еще ничего и не приносили. Впрочем, сейчас исправим. Кузнецов, голубчик, принеси-ка нам по сто пятьдесят коньячка и лимончика закусить.

- Да вы тут как у Христа за пазухой живете, - с еще большим удивлением и восторгом сказал Захаров.

- Да нет, не у Христа, а у родной Коммунистической партии. Помните, я вам в вертолете говорил об условиях?

Захаров кивнул в ответ.

- Так вот, я вам тогда не сказал самого главного. Чем выше звание у человека, тем больше у него власти. Так?

- Предположим.
 - Не предположим, а так оно и есть: я не люблю, когда люди прикидываются, не подтверждая очевидные истины...
 - Хорошо, хорошо. Это так, - сказал Захаров, предвидя обиду Канарейкина за его игривый настрой по отношению к нему
 - Стало быть, и возможностей у него становится больше, так?
 - Так.
 - Ну, а, когда вдобавок к власти поручают ему очень важное и ответственное дело, уж наверняка ему полномочий предоставят еще больше, так ведь?
 - Так, - уже по привычке согласительно кивал Захаров.
 - А раз так, то делайте выводы, Иван Алексеевич... А что касается этого, - Канарейкин показал на стоящие на столе тарелки, - то всех здесь кормят так или не так, вы сейчас сами поймете. Ответьте мне на один вопрос: завтрак рядового советского инженера чем-нибудь отличается от завтрака, скажем, первого секретаря обкома?
 - Естественно, отличается.
 - Так вот и здесь примерно так же отличается завтрак командира подводной лодки от простого солдата из роты охраны базы.
 - Значит, мы здесь мороженое едим, а рядовые матросы перловку уминают?
 - Зачем перловку - гречневую кашу на молоке. Они же не склад с ржавым оборудованием охраняют, а базу с очень, заметьте это себе, с очень дорогостоящей техникой.
- После этого возникла пауза.
- Ладно, Иван Алексеевич, потом поговорим, а сейчас... - Канарейкин поднял рюмку с коньяком, - давайте выпьем за наше знакомство и плодотворное сотрудничество. Чтобы, так сказать... если образно, конечно, говорить... зубцы вашей шестеренки вошли ровно в мои прорезы и у нас с вами, таким образом, получилась бы плотная зубчатая передача в общем механизме нашей базы.
 - Вот это тост, - с улыбкой сказал Захаров.
- Оба выпили и закусили дольками лимона. После этого они принялись завтракать, Канарейкин ел быстро и умело и поэтому раньше закончил. Откинувшись на спинку стула, он посмотрел на Захарова.

- Так, Иван Алексеевич, - оглядывая его с ног до головы, сказал Канарейкин, - вам бы надо привести себя в порядок и, наверное, выспаться.

- Было бы неплохо, - дожевывая, ответил Захаров.

- Тогда пошли.

Они встали и вышли из-за стола. Полковник повел Захарова в его будущую комнату, которая находилась в противоположном крыле базы. Подойдя к двери с номером 023КП, Канарейкин снова достал карточку и так же, как и перед входной дверью, провел его по прорези встроенной в стену металлической коробочки, после чего распахнул дверь.

- Вот ваши апартаменты, Иван Алексеевич. Ну, как вам?

- Не знаю, - пожав плечами, ответил Захаров.

- Тогда располагайтесь, - и посмотрев на электронные часы, он добавил: - Обед у нас в два, полдник в четыре, а ужин в восемь. Обедать теперь вам вряд ли захочется, а вот к полднику я зайду за вами. Вечером же заполним необходимые бумаги. Ну, а теперь счастливо выспаться, - сказал Канарейкин и, повернувшись, вышел обратно в коридор, закрыв за собой дверь.

Полутемная комната без окна была небольших размеров. Тут же, недалеко от входной двери, стоял маленький столик со стулом, а напротив него - обыкновенная пружинная армейская кровать. Сбоку была прикреплена раковина умывальника, а рядом с ней в углу - небольшая дверь. Захаров заглянул в нее, обнаружил унитаз. «Комната с персональным сортиром», - подумал он. И, положив на стол дипломат с вещами, он завалился прямо в одежде на кровать. Сон не пришлось долго уговаривать: нагрянув внезапно, он заставил Захарова рухнуть в его пустоту.

Запись датирована 24 июня 1990 года

- Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, вставайте, ну, вставайте же. Пора уже. Вот напасть-то, да что вы в самом деле, до утра что ли хотите проспать? - мясистой рукой качал его за плечо Канарейкин.

Захаров находился в глубине тумана, покрывавшего толстой коркой его сознание. Слух уже доносил слова полковника, пробивая его довольно толстый слой, вырваться из которого было нелегко. Его вязкая мякоть не спешила растворяться в новой реальности. Сделав очередную попытку, Захаров открыл глаза и увидел склонившуюся над ним громоздкую фигуру полковника, которая собой загрозила свет включенной лампочки на потолке.

- Проснулся, ну наконец-то, ты что, на курорт что ли приехал? Спишь так, что пушкой не разбудишь. Не дело это, товарищ Захаров! Таким беззаботным сном можно весь порядок нарушить. Давай-ка вставай и пойдем поужинаем, - Канарейкин посмотрел на часы: - Я тебя уже пятнадцать минут бужу, хотел уж водой sprysнуть.

Захаров между тем, ничего не говоря, встал и подошел к умывальнику.

- Чего молчишь-то, обиделся что ли? - недоумевая, спросил Канарейкин.

- Просыпаюсь, - ответил Захаров сквозь хлюпанье воды.

- Ага, ну, давай просыпайся, потом через пару часиков наверстаешь упущенное.

- Когда меня экипажу представите?

- Завтра, все завтра: и форму новую получишь завтра, и лодку увидишь.

Когда Захаров был готов, они вновь проследовали бетонными тоннелями на камбуз, где Канарейкин представил Захарову новые деликатесы. После ужина они поднялись на второй уровень. Еще на подходе Захаров узнал по двустворчатой двери кабинет Канарейкина.

- Вот и моя берлога, - с некоторым наслаждением произнес Канарейкин.

Помещение, в котором располагался кабинет, было довольно просторное: у дальней стены стоял письменный

стол, заваленный бумагами и картонными папками, у изголовья висел портрет Ю. Андропова, а вдоль стен находились стеллажи, заполненные книгами и журналами различной документации. Большие окна на противоположной стене от двери были занавешены плотными шторами.

- Просторный у вас кабинет, мне б такой, - сказал Захаров, оглядывая помещение.

Канарейкин, поняв намек, застенчиво улыбнулся.

- Да сразу-то я как-то и не сообразил, куда тебя определить, делов-то вон сколько, - и он указал на лежащий ворох бумаг на столе, - поэтому и сунул тебя куда попало. А вообще, на первом уровне у нас жилье для прикомандированных рабочих. Ну, сегодня еще как-нибудь переночуешь, а завтра мы тебе что-нибудь более существенное подыщем. Хорошо?

- Хорошо. Может, откроем шторы, что у вас там за окном? - предложил Захаров.

- Не надо открывать, - остановил его движение Канарейкин.

- Почему? - удивился Захаров, заметив некоторую суету полковника.

- Там сюрприз для вас, - несколько застенчиво сказал Канарейкин.

- Какой сюрприз?

- Из окон виден «Морской лев». Я бы хотел, чтобы он вас сейчас не отвлекал. Вы его завтра увидите.

- Ну, завтра так завтра, - отходя от окна, сказал Захаров. - Что же Горбачева не повесили? Храните верность Андропову? - подходя к письменному столу и показывая на портрет, спросил Захаров.

- А благодаря кому эта база была построена и сформировано это управление, в котором вам удостоилась честь служить?.. Знай Горбачев про нее с его идеями о разоружении - неизвестно, что с ней сделать могут.

- Так, выходит, мы с вами тут на полулегальном положении?

- Ни на каком не на полулегальном положении. Успокойтесь, есть силы, - Канарейкин поднял указательный палец, - там, наверху, которые способны позаботиться о безопасности страны. Просто не всем все знать, даже если ты и Генеральный секретарь. Он уже со своей перестройкой у

всех вот где, - и Канарейкин провел внутренним ребром ладони по горлу.

Захаров был шокирован таким высказыванием: он никогда не подвергал сомнению действия партийной элиты.

- Вы же коммунист. Как вы можете такое говорить? - пробовал возразить он.

- Вот потому что коммунист, я и говорю. До чего страну довел: все теперь по талонам, скоро в сортир сходить, нужду справить, тоже будет по талонам. Еще год- другой такой дребедени - и страна не выдержит...

- А на вашей базе что-то незаметно, что в стране кризис.

- Потому что дело умелыми руками организовано, поэтому и незаметно. Все, кончили байки разводить, давай делом заниматься.

Канарейкин уселся за стол, надел очки и принял деловой вид, а у Захарова впервые за время их знакомства зародились первые ростки недоверия к «хозяину» базы.

Мексиканское плоскогорье возвышается над безупречно гладкой поверхностью воды на две с половиной тысячи метров. Там, в полюбившей солнечный закат, отчего та и окрасилась в его цвета, пустыне Жоранда-дель Муэрто, меж двух камней ветер бросил семечко кактуса. Упав в их тень и смочившись утренней росой, из раковины, в которой заключалась колючая жизнь, высунулся маленький хвостик нейтрального цвета. Он смело вгрызся в каменистый песок, собирая все остатки влаги в округе. Спустя уже месяц из-за каменных охранников к солнечному свету вылезла ярко-зеленая змейка, покрытая еще едва заметными листиками, которые в защите от алчущего солнца свернулись, превратясь в колючки.

Бумаги, которые должен был заполнить, а затем и подписать, оказалось такое множество, что у Захарова буквально дрябла рука. Ему никогда прежде не приходилось столько работать шариковой ручкой, и тогда он предложил Канарейкину сделать перерыв. Тот с безразличным видом открыл ящик и достал из него черную телефонную трубку без провода. Выдвинув из нее антенну и нажав несколько кнопок, Канарейкин распорядился принести к нему в кабинет две чашки кофе со сливками.

- Просто удивительно, - недоумевая, сказал Захаров, - я когда принимал лодку на флоте, - и то столько бумаг не заполнял, а здесь ужас какой-то: за каждую безделушку нужно свою роспись поставить.

- А вы как хотели, Иван Алексеевич? Чтоб мы вам технику на шесть миллиардов гринов доверили и взяли

только две ваши закорючки? Нет уж, мы с вас за это спросим по всей форме.

Раздался глухой звонок. Полковник нажал на кнопку где-то внизу стола, дверь открылась, и в кабинет вошел человек, который принес заказанный Канарейкиным кофе.

- Каких гринов? - почти шепотом спросил Захаров, когда кухонный работник скрылся за дверями кабинета.

- Долларов, долларов, - не отрывая взгляда от какой-то бумаги, ответил Канарейкин.

- Долларов? Она что, из золота сделана что ли?

- Не из золота, но если на ней стоит самое новейшее оборудование и в это оборудование впаяны технологии будущего, то за это, как вы думаете, нужно платить или нет.

- Интересно было бы посмотреть на нее, действительно ли она стоит таких денег. Может, мне приоткрыть шторку и оценить хотя бы поверхностно? Так сказать, прикинуть по корпусу.

- Ты что, купец что ли? Да был бы ты хоть и купец, у тебя таких денег-то сроду родов не было и не будет, - рассмеялся Канарейкин. - Вы мне поверьте, Иван Алексеевич, она стоит этих денег. Она, может, даже больше стоит. Я вот хоть и не специалист в этой области, но когда я один раз все-таки залез в нее - так у меня все представление о подводных лодках переменялось. Это не подводная лодка, а какой-то космический корабль из фантастических рассказов.

- А вы когда-нибудь прежде бывали на подводных лодках?

- Нет, не бывал, но так, по рассказам, да по телевизору видел. Ну, это что-то среднее между котельной, тепловозом, плацкартным вагоном и атомной электростанцией.

- Ничего себе представление, - удивленно произнес Захаров.

- Так вот, у меня все перевернулось: никаких труб я там не увидел, теснота практически не ощущается, там даже библиотека есть, правда, виртуальная.

- Какая?

- Виртуальная, вам потом компьютерщик Сергей объяснит.

- Так там еще и компьютеры есть?

- Да их там видимо-невидимо. Она вся ими напичкана, куда ни плюнь - везде компьютер, - снова рассмеялся Канарейкин.

- Ну, Леонид Сергеевич, вы меня, честно сказать, заинтриговали. Мне так и хочется на нее посмотреть.

- Увидишь, увидишь, поговей пока до утра. А пока что давай, ставь свои закорючки и не спрашивай, почему так много.

И Захаров снова принялся за работу, а Канарейкин продолжал разбирать лежащие на столе бумаги, подсовывая между тем Захарову новые бланки для заполнения. Наконец, спустя два часа Захаров закончил довольно утомительный для него труд.

- Ну, вот и все, - складывая подписанные Захаровым бумаги, сказал Канарейкин, - теперь я могу тебя поздравить. Ты теперь официально числишься командиром подводной лодки.

- А кому я непосредственно буду подчиняться? - спросил Захаров.

- Ты здесь птица вольная. Все указания командования управления будешь получать лично через меня, а ежели что серьезное возникнет, то генерал сам приедет и лично с тобой встретится.

- Извините за любопытство...

- Леонид Сергеевич, - напомнил Канарейкин свое имя и отчество.

- Да, конечно, Леонид Сергеевич, я совсем забыл с этим перелетом. А вы тогда чем здесь занимаетесь?

- Я? - переспросив, улыбнулся Канарейкин. - Я здесь организовываю жизнеобеспечение всей базы (и твоего экипажа, между прочим). Вот чем я здесь занимаюсь.

- Вроде каптерщика или завхоза что ли? - с улыбкой произнес Захаров.

- А думаешь, легко пятьдесят человек одеть, обусть, накормить, создать условия (да плюс твоих шестьдесят ртов). А? - обидчиво произнес Канарейкин.

- Да нет, конечно, - уже без улыбки сказал Захаров.

- С кого три шкуры сдерут, коснись чего, не дай бог, случится с базой или лодкой, пока она здесь на приколе стоит?.. С тебя что ли?

- А почему бы и нет?

- Полно, ты здесь человек новый, с тебя и спрос с ноготок. Вот уж в море выйдешь - тогда рапортуй, а здесь спрос с меня. А что это значит?

Захаров пожал плечами, наблюдая за Канарейкиным.

- Это значит, я должен здесь все так приладить, чтоб работало как часы. Вот так, а ты говоришь: завхоз! - обиженно сказал Канарейкин.

- Леонид Сергеевич, Леонид Сергеевич, да вы не обижайтесь, я просто так сказал, - пробовал примириться Захаров.

- Ладно, чего там, захотелось нос задрать - так и скажи, - махнув рукой, показывая свое безразличие к ранее сказанному, сказал Канарейкин. - Еще кофе будешь или, может, еще коньячку махнем с лимончиком, а?

- Давайте, если вы не против, - Захаров был согласен на все что угодно, только бы тот не обижался на него.

Канарейкин снова достал волшебную трубку, и через несколько минут две рюмки коричневого напитка стояли на столе. Опрокинув разом содержимое рюмки, Канарейкин стал подбрее, но, взглянув на часы, расстроено произнес:

- Вот это да-а, на ужин-то опоздали. Давай, давай быстрее, вставай уже. Пошли. Ох, непорядок...

И Канарейкин тут же засуетился, складывая в одну кучу кое-как разложенные на столе документы. Захаров, удивленный взрывной спешностью полковника, также засобирался. Только получалось это у него как-то нерасторопно, и, когда выходили из кабинета, Канарейкин чуть не прихлопнул его дверью.

- Да куда мы так торопимся, Леонид Сергеевич? На поезд что ли опаздываем?

- В том-то и дело, что на поезд.

- Как?

- Так. Во всем должен быть порядок, в том числе и в потреблении пищи. Что же это получается? - уже на ходу, почти бегом отрывисто бросал Канарейкин. - Сегодня я на час на ужин опоздаю, завтра на службу опоздаю на час, а послезавтра я так обленюсь и все мне будет тогда до лампочки... И что это будет, я вас спрашиваю?... Бардак - вот что это будет. Нет, Иван Алексеевич, во всем должен быть порядок. Раз ужин в семь - значит, будь любезен, будь за столом в семь, если на работу к десяти - значит, в десять ты на своем месте.

Канарейкин несся по коридорам как паровоз, надувая щеки и охая от собственной неудовлетворенности. Влетев в столовую, он заорал во все горло:

- Кузнецов, черт тебя раздери, где ты там? - из-за двери показалось напуганное лицо повара. - Почему не напомнил, что ужинать пора?

- Да я и не знал...

- Не знал, не знал - надо знать. Ладно, давай, голубчик, поторопись, поторопись... неси быстрее, наверное, уже остыло. Эх, теперь все холодное есть будем. Кузнецов...

- Я-а, - донеслось издалека.

- Не забудь пару булочек и пирожное принести.

От нетерпения Канарейкин барабанил бревенчатыми пальцами по дубовому столу.

- Эх, не люблю я ждать, - сказал в отчаянии Канарейкин.

Посидев еще немного, он встал и пошел за ложками и салфеточным стаканчиком.

- А вы говорите: куда торопимся? Стоит немного опоздать, и все здесь идет наперекосяк. Видите, все приходится делать самому. Скоро дело дойдет до того, что сам буду стоять у плиты и готовить себе жратву. Кузнецов, ну где ты там, пропал что ли? - вновь бросил клич Канарейкин.

Спустя короткое время повар на дрожащих ногах принес ужин. Завидев тарелки, полковник начал успокаиваться, пыл его недовольства мало-помалу стал стихать, а, поужинав, он и вовсе вернул себе доброе расположение духа. И, когда он уже вставал из-за стола, ничто не говорило в Канарейкине о его недавнем расстройстве по поводу опоздания на ужин. Выходя из столовой, он даже любезно распрощался с Кузнецовым, похвалив того за вкусный ужин:

- Вот ведь, стервец, умеет готовить: не повар, а прямо Моцарт.

Захаров только диву давался, наблюдая за эксцентричным поведением Канарейкина, но, ничего по этому поводу не сказав, они молча дошли вновь до дверей его комнаты, где и распрощались на пороге.

Войдя в тусклое помещение, Захаров медленно разделся и, оглядев попутно в очередной раз снежные стены, лег в кровать. Но заснуть сразу не удалось: ледяной иней, исходивший неведомо откуда, обжигал все тело, его тонкие иглы вонзались повсеместно, заставляя Захарова ворочаться в кровати. Он чувствовал себя земляным червячком, замурованным в бетон. Находиться в замкнутом помещении, лишенном солнечного света, для него было привычное дело,

но вот странность: лежа в постели, он чувствовал столько неудобств, а главное - холод, сковывавший все тело. Казалось бы, примерно такое же замкнутое помещение, только не под водой, а под землей. Но нет - разница для Захарова была очевидна: на подводной лодке он чувствовал ее живой организм, и отсюда приходили уют и тепло, а здесь, в ледяной постели, мертвые стены излучали только холод, превращая его в покойника, заключенного в каменный склеп. Мурашки забегали по всему телу, и Захаров еще два часа проворочался, прежде чем естественная потребность сна не перевела его мозг в режим ожидания.

Запись датирована 25 июня 1990 года

Захаров проснулся в полутемной комнате, настольная лампа горела всю ночь. Он нарочно ее не погасил, когда ложился спать, чтобы, открыв глаза, не оказаться в кромешной темноте. Единственный компас времени в комнатухе, лишенной солнечного света, был на его руке. Взглянув на него, Захаров увидел, что проснулся почти вовремя, но еще не успел встать, как в дверь кто-то постучал.

- Входите, - пригласил Захаров.

Открывшаяся дверь продемонстрировала стоящего на пороге бодрого и румяного Канарейкина.

- Проснулся уже? Хорошо, сейчас пойдем знакомиться с экипажем, а потом, после завтрака, увидишь чудо техники, которым, между прочим, тебе придется командовать, - Глаза у Канарейкина горели в предвкушении какого-то чуда.

Захаров еще не проснулся, начав не торопясь собираться.

- Ты чего как сонная тетеря - или плохо спалось? - заметив его нерасторопность, спросил Канарейкин.

- А разве в такой душегубке можно хорошо выспаться? Да и холодно у вас тут по ночам.

Канарейкин посмотрел по сторонам и, поведив носом, словно пес, принялся.

- С непривычки холодно, со временем привыкнешь. А вот что до духоты - это точно, кондиционер что ли не работает, - задумался Канарейкин и тут же с улыбкой спросил: - А может, это ты здесь за ночь напустил, а?

- Да, я всю ночь не спал, только этим и занимался, - язвительно ответил Захаров.

- Ладно, ладно, я так сказал, а ты уже в бутылку лезешь. Сегодня выделю тебе другую комнату, посветлей, да и попросторней, со всеми удобствами. Соответственно занимаемой тобой должности. Чтобы все было по ранжиру... Да.

Закончив утренний туалет, Захаров быстро накинул на себя китель, и они вышли из затхлой комнаты, направившись в левое крыло базы. Проходя безлюдными коридорами, освещенными галогенными лампами, Захаров обдумывал свой будущий разговор с экипажем «Морского льва». Увлеченный своими мыслями, он не заметил, как Канарейкин ввел его в пещеру огромных размеров, залитую ярким светом излучавшими мощными различными по конфигурации

прожекторами. Посередине этого подземелья располагалась большая акватория, а у импровизированного пирса, подобно мирно спящему киту, стояла подводная лодка. Плотный сгусток искусственных лучей света оторвал Захарова от его мыслей, и, когда он поднял глаза, то увидел ее.

Златовласая русалка сидела по пояс в серебряной воде, любуясь хрустальными гребешками набегающих волн. Солнечные лучи растущего на глазах светила радугой окаймляли ее голову, превращаясь в небесную корону.

Молодой человек, стоявший на берегу невдалеке от нее, замер, любуясь божественной красотой женщины моря. Ее плавное дыхание поднимающейся и опускающейся груди русалки отдавалось тяжестью сладкого томления в его душе. Он пришел к ней на свидание, чтобы вновь и вновь, как и когда-то прежде, насладиться свободным полетом в морских просторах любви.

- Как ты прекрасна... - сказал он, когда она заметила его.

- Прекрасна? А что, в твоём краю, где ты вырос, русалки не такие красавицы, как я? - удивленно играючи, спросила она.

- Нет, они красивы, но их красота где-то внутри, а ты уже палишь издали, - смущенно сказал молодой человек.

- О, ты еще не знаешь, какая я изнутри, - загадочно произнесла русалка, сверкнув полным жизненной благодати взглядом.

- Я готов отдать всего себя, чтобы познать тебя всю, - сказал в восторге он.

- Что же тогда ты стоишь и ждешь? Иди скорей в мой мир и испытай себя, - позвала она его.

Он был всего в двадцати шагах от нее, внутри него что-то заклокотало, и ему захотелось рвануться и побежать к ней, но в эту же минуту его романтический порыв прервал чей-то голос.

- Равняйся. Смирно. Товарищ начбазы, экипаж подводной лодки «Морской лев» построен. Старший помощник капитана Березин.

- Вольно, - сказал Канарейкин. - Вот, знакомьтесь, Григорий Олегович, ваш командир, капитан первого ранга Иван Алексеевич Захаров, теперь ему рапортуйте. Иван Алексеевич, - Канарейкин обратился к Захарову, - это ваш старпом, капитан второго ранга Березин Григорий Олегович.

Перед Захаровым стоял невысокого роста, довольно крепко сложенный молодой человек в синем комбинезоне, на вид ему было не больше тридцати. Захаров первый протянул руку для приветствия, произнеся:

- Надеюсь, сработаемся.

- Так точно, - ответил Березин.

Захаров взглянул ему за спину и, обнаружив построенный личный состав слишком малочисленным, спросил:

- Экипаж еще не весь набрали?

- Никак нет, экипаж укомплектован полностью, товарищ командир, - вновь отрапортовал Березин.

- Как же полностью, если здесь как минимум человек тридцати не хватает? - удивленно произнес Захаров

- Иван Алексеевич, здесь находится полностью укомплектованный экипаж: если и не хватало кого-то до сегодняшнего дня, так это только вас. Правда, Григорий Олегович? - вмешался в разговор Канарейкин.

- Так точно, товарищ начбазы.

- Тогда за счет чего произошло сокращение численности экипажа?

- За счет централизованной универсальной бортовой компьютерной системы, - ответил Березин.

- Интересно... гм, - озадаченно произнес Захаров.

- Ну, наконец-то выяснили, - облегченно вздохнул Канарейкин. - Так, теперь пойдём дальше по списку. Кто у нас следующий? Ага, вот... капитан второго ранга Фирсов Михаил Петрович.

Из отдельно стоящей от общего строя группы отошел мужчина лет сорока, чуть выше Березина, с роскошными усами. Он тут же направился к Захарову, и его приветливо - хитрая улыбка уже осветила всех присутствующих.

- Это я главный инженер, - дополнил представление Канарейкина Фирсов.

- Да, главный инженер... А вот это ваш командир, капитан первого ранга Иван Алексеевич Захаров, - сказал Канарейкин.

- Что ж, надеюсь, сработаемся, - протягивая руку для приветствия, сказал Захаров.

- Сработаемся, а как же иначе, для чего же мы здесь, не в шашки же играть нас сюда собрали.

- Так... так... штурман, капитан третьего ранга Алексей Николаевич Алферов.

К Захарову подошел человек, которому было уже около пятидесяти. Иван Алексеевич также подал ему руку для ритуального приветствия, проговорив заклинание: «Надеюсь, сработаемся». Та же самая процедура повторилась еще два раза, когда Канарейкин представил молодого программиста Карташова и замкомандира по обороне и нападению Заленского, почти ровесника Захарову. После этого процедура знакомства с высшим офицерским составом была закончена, и Канарейкин предложил Захарову сказать

несколько слов остальному экипажу. Захаров не стал противиться и, подойдя ближе к строю, в окружении старших офицеров начал свою нехитрую речь.

- Товарищи матросы, старшины, мичманы и офицеры. В это непростое для страны время нам, и мне в частности, выпала честь служить на этой, как меня здесь заверили, уникальной подводной лодке, - он посмотрел на Канарейкина, тот сделал отстраненный вид. - Скажу сразу: командовать подводной лодкой - дело ответственное, а командовать секретной и к тому же современной подводной лодкой, которая не имеет аналогов в мире, - Захаров снова оглянулся на Канарейкина, - дело вдвойне ответственное. Поэтому спрашивать буду с каждого по всей строгости устава Вооруженных Сил Советского Союза. Теперь о себе. Родился я на Ярославщине, в городе Рыбинске...

- Сейчас Андропов, - вставил Канарейкин.

- ...Да, его переименовали в Андропов, но, когда я родился, он назывался Рыбинском. Учился я в Ленинграде, в высшем военно-морском училище, по его окончании проходил службу на Северном флоте. Командовал подводными лодками проекта номер семьсот пять, по натовской классификации «Альфа». Женат, есть сын пяти лет... - возникла пауза. Захаров больше не знал, что сказать, и уже в третий раз посмотрел на Канарейкина - тот, очевидно, расшифровав его мысленный посыл, пришел к нему на помощь.

- Так, товарищи, вопросы к капитану первого ранга будут?

Строй ответил тишиной.

- Так, у матросов нет вопросов, - прокомментировал Канарейкин. - Тогда, наверное, все, Иван Алексеевич. (Захаров многозначительно кивнул). Тогда все, Григорий Олегович, командуйте.

- Экипа-аж, разой-дись, - зычно и членораздельно рявкнул Березин.

Постепенно строй стал редеть, люди расходились в разные стороны: кто-то возвращался на подводную лодку, кто-то во внутренние помещения базы.

- Леонид Сергеевич, а где же замполит? - опомнившись, спросил Захаров.

- А зачем вам замполит? Я так понимаю: если что случится там, под водой, сидя в этой трубе, напичканной

электроникой, быстрее вспомнишь о священнике, - рассмеялся Канарейкин.

- Вся политраблота на лодке выполняю я, - вкрадчиво сказал Березин.

- Вы?! - удивленно произнес Захаров.

- Так... - глядя на часы, сказал Канарейкин, - я, значит, сейчас по делам, а вы идите завтракать, а после этого, Григорий Олегович, введите Ивана Алексеевича в курс дела.

- Есть ввести капитана первого ранга в курс дела, - козырнул Березин.

- Ну и хорошо. Все, я пошел, а с вами, Иван Алексеевич, я думаю, мы встретимся вечерком.

Распрощавшись со всеми, Канарейкин скрылся за раздвижными дверями лифта, а группа офицеров вместе с Захаровым пошла в противоположную сторону.

- Разве мы не в офицерскую столовую пойдем? - спросил Захаров, видя, что они направились не за Канарейкиным, туда, где, по его мнению, располагалась столовая, а в противоположную сторону.

- В офицерскую, только в свою, - разъяснил Фирсов.

Захаров ничего не понял, но больше не задавал вопросов, всецело доверившись главному инженеру.

Столовая для офицеров-подводников оказалась более уютной: в каждом углу стояла финиковая пальма, а чуть выше среднего роста слева от двери в стену был вмонтирован телевизор, настроенный на Первый канал. К удивлению Захарова, никто из офицеров не проронил ни слова, все тихо и молча сидели в ожидании, когда кухонные работники накроют на стол.

После завтрака также в обстановке всеобщего молчания Захаров вместе с представленными ему офицерами вернулся вновь на пирс, к подводной лодке. Только на этот раз он больше не увидел русалку, сидящую на берегу: очевидно, она растворилась где-то в глубине его души.

- Ну, как, определимся? - прервав долгое молчание, задал всем вопрос Фирсов и тут же сам ответил: - Я думаю так: ты, Григорий, проведи командира от носа до центрального поста и расскажи ему обо всем, чего спросит Иван Алексеевич, а на центральном тебя подменят Серега с Павлом и Алексеем Николаевичем. Они расскажут, что к чему там, ну, а потом я проведу экскурсию по своему хозяйству. Годится?

Все молча согласились, и Захаров вместе с Березиным направились к носу «Морского льва». Пройдя по трапу, соединяющему пирс с палубой, Захаров с первым прикосновением своего ботинка ощутил вместо твердой металлической мягкую, словно гудрон, поверхность палубы. Он даже приподнял ногу, чтобы посмотреть, не прилипло ли чего к подошве его обуви.

- Что это? - спросил Захаров, присев на корточки, ощупывая рукой поверхность палубы.

- Противогидроакустическое водоотталкивающее покрытие, - не останавливаясь, ответил Березин.

«Интересно», - подумал Захаров. Приподнимаясь с колен, он пошел вслед за старпомом. По пути его удивила еще одна странность: он не замечал ни сварных швов, ни заклепок, у Захарова возникло впечатление, что корпус субмарины был цельковым. Подойдя к торпедному люку, который был уже открыт, Березин по-мальчишески юркнул в него, а вот Захарову пришлось встать на четвереньки. Просовывая в отверстие левую ногу, он тут же обнаружил вместо круглой железяки перекладки довольно удобную ступеньку. Оказавшись внутри торпедного отсека, выкрашенного краской молочного цвета, Захаров увидел уже привычные его глазу торчащие трубы торпедных аппаратов и лежащие на стеллажах запасные торпеды. Но было в отсеке и нечто необычное: отсутствовали различные трубопроводы и всевозможные вентили перекрытия и приборная доска, а стоящий в углу небольших размеров дисплей и вовсе поставил Захарова в тупик.

- А зачем сюда телевизор поставили? - спросил Захаров.

- Это не телевизор, это дисплей компьютера на котором отображаются все необходимые показатели, а также с его помощью идет управление торпедной стрельбой, - ответил Березин. Отодвинув стенку рядом с собой, он достал еще один дисплей, только вдвое меньше. - А это для видеосвязи с центральным постом, - пояснил Березин.

Захаров зашел с другой стороны, чтобы посмотреть на экран.

- А он сейчас что-нибудь может показать? - указывая на большой дисплей, спросил Захаров.

- Да особенно ничего, сейчас посмотрим, - включая дисплей, ответил Березин. Когда изображение появилось, то

вместе с ним высветились и некоторые цифры. - Вот, пожалуйста: давление воды в каждом торпедном аппарате, давление воздуха в баллоне высокого давления...

Обведя еще раз глазами отсек, Захаров отправился вслед за Березиным, который уже шел дальше. По соседству с торпедным отсеком находились кубрики экипажа, за ними, как в железнодорожном вагоне, размещались каюты офицеров. Пройдя мимо них, Захаров спросил:

- А где каюта капитана?

- Там, - ответил Березин, показывая на лестницу, ведущую вверх.

Они поднялись по ней, и перед глазами Захарова вновь предстала череда дверей, только расстояние между ними было значительно больше. Дойдя примерно до середины коридора, Захаров увидел табличку с надписью «Командир». Открыв дверь, он увидел довольно просторную комнату со шкафчиком для личных вещей, столом, похожим на письменный, и койку купейного типа. И хотя каюта ничем не отличалась от той, которая у него была на «Альфе», все же его внимание привлекли лежащий на столе пластмассовый угловатый чемоданчик и такой же, как в торпедном отсеке, дисплей.

- А это что за чемоданчик? - спросил Захаров.

- Это ноутбук, ваш личный компьютер, - пояснил Березин.

- Неплохо, - сказал Захаров, хотя сам понятия не имел, как им пользоваться и вообще зачем он ему нужен. - А теперь куда? - снова спросил Захаров.

- Дальше пройдете по коридору, спуститесь вниз, завернете направо и окажетесь перед центральным постом, - холодно ответил старпом.

- А вы разве со мной не пойдете? - растерянно спросил Захаров.

- Если вы прикажете...

- Нет, ну, может, у вас есть еще какие-то дела - тогда я, конечно, сам найду дорогу, - Захарову было еще неудобно приказывать. Комплекс новичка на базе еще не давал ему почувствовать себя в роли командира подводной лодки.

- Да, мне еще нужно проверить обеспечение лодки продовольствием.

- А разве мы скоро выходим в море?

- Нет, просто должен существовать на подводной лодке неприкосновенный запас провизии на случай ее экстренного выхода на задание.

- А его разве до сих пор нет? - удивленно спросил Захаров.

- Консервы только этой ночью привезли.

Захарову больше нечего было сказать, и он любезно распрощался со старпомом. Пройдя указанным маршрутом, встречая на пути людей из экипажа «Морского льва», он оказался на пороге центрального поста. Еще издали он разглядел множество экранов разных размеров, а, подойдя ближе, он и вовсе был удивлен увиденным.

Центральный пост был несколько больших размеров, чем привык видеть Захаров на других лодках. Все места в отсеке располагались полуovalом и были огорожены оргстеклом. Таким образом, можно было выделить семь отдельно изолированных боевых постов. В глубине центрального поста посередине находился большой экран - полтора метра по диагонали, а напротив него ближе ко входу стояли два кресла, окруженные с трех сторон плоскими дисплеями и клавиатурами. В одном из них сидел Заленский. С правой стороны от него среди компьютерных терминалов сидели Карташов, штурман Алферов и какой-то младший офицер.

- Я же тебе говорю: нужно срубить операционку. Видишь, глючит, - настаивал Карташов.

- А может, еще попробуем, - в надежде предложил младший офицер.

- Да ничего не получится, видишь, кто-то ее файлы переместил, - сказал Карташов.

- Это я вчера нечаянно, - признался Алферов

- Отлично!!! - воскликнул Карташов.

Захаров подошел поближе к собравшимся офицерам.

- Какие-то проблемы? - спросил он.

Все оторвались от компьютера и посмотрели на Захарова.

- Да нет, Иван Алексеевич. Просто Алексей Николаевич по неопытности зачем-то файлы операционной системы перебросил в другую папку, - ответил Карташов.

Тут подошел Заленский.

- Иван Алексеевич, оставьте их, они сами тут разберутся. Пойдемте лучше со мной, я вам расскажу, как устроен центральный пост, - пригласил Заленский.

- И что теперь будете делать с операционной системой? - спросил Захаров, уходя вслед за Заленским

- Сейчас ее срубим и попросим «папочку» установить новую. Правда, придется еще обновить базы данных, ну, в общем, работы на полдня хватит, - ответил Карташов.

Захаров, ничего не понимая, подошел к стоящим в центре двум креслам, каждое из которых окружало три дисплея. Указав на правое, Заленский предложил Захарову сесть, заодно сообщив ему, что это место командира подводной лодки.

- А слева чье? - спросил Захаров.

- Вахтенного офицера, - ответил Заленский и сам сел в него.

Захаров покорно сел в удобное, мягкое кресло и стал ожидать начала экскурсии по центральному посту. Время тянулось медленно, а голоса Заленского не было слышно, тогда Захаров приподнялся и выглянул из-за мониторов. Увидев, что Заленский что-то набирает на клавиатуре, он хотел вновь опуститься в кресло и покорно ждать. Но Заленский обернулся и увидел его любопытное выражение лица.

- Иван Алексеевич, включайте все мониторы, - сказал Заленский.

- Ага, - ответил Захаров и нажал на кнопки в нижнем правом углу на каждом мониторе. На центральном экране, который был больше двух боковых по размерам, появилось лицо Заленского. На его голове красовались миниатюрные наушники. Из правого уха отходил до половины щеки едва заметный проводок, на конце которого был маленький микрофон. Заленский показал ему жестом на это приспособление, и Захаров догадался, что ему следует сделать. Искать пришлось недолго, так как наушники лежали прямо перед ним на клавиатуре. Странные наушники (с одним правым ухом, на втором же была простая петля для того, чтобы одно ухо оставалось свободным для восприятия информации извне) удивили Захарова, и он, чувствуя себя немного смущенным, надел их. И тут он вдруг обнаружил, что провода, идущие из наушников, уходят в маленькую пластмассовую, черного цвета коробочку. Видимо, ее также

нужно было куда-то поместить. Захаров заколебался и, поискав место, куда бы можно было ее приладить, и, не найдя такового, просто положил ее в нагрудный карман рубашки. Вскоре из наушника донеслось:

- Иван Алексеевич, вам хорошо слышно меня?

- Да.

- Тогда давайте начнем ваше знакомство с подводной лодкой.

- Давайте.

- Естественно, все сразу я вам рассказать не смогу просто потому, что всего не расскажешь, да и у вас в голове каша будет. Ограничимся пока, я думаю, объяснением того, что из себя представляет центральный пост, и затронем кое-какие новшества.

Захаров про себя подумал: «А то я не знаю, что из себя представляет центральный пост», - но не стал спорить и молча согласился.

- Итак, весь центральный пост, как вы, наверное, заметили, поделен на семь независимых друг от друга контуров...

- Чего, чего?

- Контуров, - сказал Заленский.

- Странно, но у нас, если я правильно догадываюсь, это называется боевой пост, или боевая часть.

- Вы абсолютно правильно догадываетесь, но здесь это называется контуром, который включает в себя несколько боевых постов. Продолжим: само название контура определяет, какие функции и какие боевые задачи он способен решать. Первый контур - контур приема и обработки информации тактической обстановки по воздушным, надводным и подводным целям. Он объединяет гидролокационный комплекс со всевозможными автоматизированными системами боевого управления и радиолокационный комплекс. Плюс ко всему этому за всей работой следит суперкомпьютер совершенно нового поколения, имеющий кроме простой многопроцессорной системы аналитическую систему с чипом принятия решений. То есть на борту нашей подводной лодки установлен не простой компьютер с сумасшедшей скоростью выполнения операций в секунду, но тупой, а первое поколение мыслящих компьютеров.

- Что, мыслит как человек? - спросил Захаров

- Ну, не совсем.

- Ну, я представляю, он тут намыслит... выдаст вместо катера эсминец только потому, что в лодке влажность выше нормы.

- Нет, не беспокойтесь: мыслящие функции применяются в других областях. В таких, например, как поиск и устранение неисправностей в программном обеспечении, а также в ее адаптации к конкретным условиям.

- Ну, хорошо.

- Итак, благодаря такой мощной аппаратуре мы можем одновременно отслеживать триста пятьдесят движущихся воздушных, надводных, подводных объектов. Теперь второй контур: это контур противовоздушной обороны, там сосредоточено только управление зенитно-ракетным комплексом...

- Откуда на подводной лодке зенитно-ракетный комплекс? - спросил Захаров, не сдержав своего удивления.

- Как откуда? - переспросил Заленский. - Наша подводная лодка имеет на вооружении сто сорок четыре ракеты различных классов, в том числе шестнадцать крылатых с ядерными боеголовками и тридцать две противокорабельные.

- Сколько, сколько ракет, вы сказали? - с еще большим удивлением спросил Захаров и пристальней посмотрел на экран, где отображалось лицо Заленского.

- Сто сорок четыре, - спокойно ответил Заленский.

- Не может быть: где вы их разместили?

- Минуточку, Иван Алексеевич, я сейчас вам на экран выведу поперечный разрез подводной лодки, и тогда, я думаю, вам все станет ясно, - поняв, что пришла пора наглядно показать Захарову, где и как размещаются ракеты, Заленский забарабанил по клавиатуре.

Прошло немного времени, и вместо головы Заленского, которая успела перескочить на правый монитор, на центральном экране появился масштабный план «Морского льва». Иван откинулся на спинку кресла и стал молча изучать его, всматриваясь в мельчайшие подробности.

По внешнему виду субмарина отдаленно напоминала проектируемую американцами многоцелевую атомную подводную лодку «Морской волк». Захаров сразу вспомнил, как незадолго до роковых учений в штабе флота у

командующего дивизионом ПЛА он увидел ее примерный чертеж и тактико-технические характеристики. Тогда она ему очень понравилась, и он с сожалением подумал о том, что ему никогда не придется командовать такой красавицей. Теперь же перед его глазами была субмарина, которая по своим характеристикам была на голову выше его мечты.

Все отсеки (за исключением первого - торпедного) располагались на трех уровнях. Это было Захарову не ново. И, не заостряя своего внимания на том, как размещались спальные места для рядового состава, кают-компания, камбуз, библиотека и другие жизненно необходимые помещения, он стал рассматривать ракетный отсек, находившийся сразу за боевой рубкой субмарины. Но его картинка оказалась настолько мала, что было невозможно рассмотреть все подробно, и Захаров попросил Заленского увеличить план ракетного отсека. Когда чертеж занял весь экран, то увиденное им слегка его ошеломило. «Морской лев» был сделан по типу подводного ракетносца, только вместо баллистических ракет позади боевой рубки установлены ракеты значительно меньших размеров, и не в два ряда, а в восемь. Сам же отсек поделен на два уровня: в верхнем были пусковые шахты, а в нижнем находились запасные ракеты.

- Перезарядка требует всплытия на поверхность? - спросил Захаров, когда разобрался с устройством ракетного отсека.

- Нет, не требует.

- Тогда это очень удачная находка. Хорошо, с этим на первый момент разобрался, теперь ответьте мне на следующий вопрос: как вы собираетесь применять зенитно-ракетный комплекс? Ведь для того, чтобы обнаружить самолет или вертолет подводной лодке, нужно хотя бы как минимум всплыть под перископ, а это очень опасно, если за вами идет охота. Неужели вы нашли решение этой серьезной проблемы?

- Мы частично ее решили.

- То есть как частично?

- Лодка снабжена плавучими буйками с радиусом обнаружения до тридцати миль. Посредством нейронной связи полученная информация передается на центральный пост.

- А какова дальность действия нейронной связи и каковы размеры буйка? Его же можно обнаружить, и тогда эффект от ваших буйков будет равен нулю.

- Дальность не превышает трехсот миль, а размеры буйка настолько малы, что его практически невозможно обнаружить с помощью гидролокатора, разве что специализированным локатором направленного действия. Уловить излучения также невозможно, так как буюк работает в двадцати независимых режимах, сменяющих друг друга в течение трех минут. А вот что касается визуального обнаружения, то это тоже чрезвычайно затруднительная задача. Он возвышается над уровнем моря всего на двадцать пять - сорок сантиметров в зависимости от погодных условий. Существенным недостатком буйков является невозможность их использования при волнении моря свыше семи баллов.

- А с какого количества буйков мы можем одновременно считывать информацию?

- С двадцати.

- Продолжительность работы?

- Двенадцать часов.

- Когда время заканчивается, какова их дальнейшая судьба?

- Если до лодки расстояние не более пятидесяти миль, их можно вернуть назад для зарядки аккумуляторов и повторного использования, а если возвратиться не удастся, то можно произвести его подрыв либо затопление.

- И какой запас этих чудо-буйков?

- Пятьсот единиц.

- Неплохо.

- Иван Алексеевич, с контуром ПВО мы теперь разобрались?

- Несомненно.

- Тогда перейдем к следующему - к контуру борьбы с надводными кораблями и наземными объектами. В его задачи входят предстартовая подготовка противокорабельных и крылатых ракет с ядерными и обычными боеголовками, закладка целеуказания и, конечно же, сам пуск ракет и дальнейшее их наведение на объект вплоть до его поражения.

- Какими системами наведения оснащены ракеты?

- Активной радиолокационной, лазерным радаром, телевизионной, где корректировка полета производится с

помощью оператора. Кстати, в этой работе участвуют буйки для передачи видекартинки на монитор, ну и, конечно, на ракетах используется инфракрасная система поиска цели, а также спутниковое наведение.

- Шикарно, ничего не скажешь, - почесав затылок, сказал Захаров.

- По этому контуру вопросов больше нет?

- Пока нет.

- Тогда следующий контур - контур противолодочной обороны. Функции примерно идентичны с предыдущим, только борьба ведется с подводными лодками. Поэтому я на нем не буду останавливаться и перейду к пятому контуру - управления подводной лодкой. Этот контур оснащен навигационным комплексом, который имеет в своем составе: корабельные инерциальные навигационные системы, составляющие основу комплекса; радиопеленгаторы, приемоиндикаторы разностно-дальномерных систем, астронавигационные системы, радиосекстанты, гироскопы, гироскопы, лаги, эхолоты, указатели полыньи, станции обнаружения айсбергов, бортовые системы для использования данных спутниковых систем.

- Это я все знаю, а вот как происходит само управление подводной лодкой?

- Контроль горизонтальными и вертикальными рулями совмещен, ими управляет один человек. Компьютер выдает картинку, которая полностью эквивалентна реальному положению лодки в трехмерном пространстве. Шестой контур, - не делая паузы, продолжал Заленский, - контур поиска и локализации неисправностей во всех контурах и системах. Эта работа возложена на бортовой суперкомпьютер, помните, я о нем еще вначале рассказывал?

- Да, да, помню.

- Так вот, он еще следит за ядерной энергетической установкой и всеми вспомогательными механизмами и, кроме того, осуществляет контроль за радиационным фоном, температурой, влажностью, уровнем углекислого газа. Ну а теперь о последнем, самом важном, седьмом контуре - оценки тактической информации и принятия решений. Он включает в себя место командира и вахтенного офицера.

При этих словах Захаров заерзал в кресле и вспомнил об одном важном вопросе, который возник у него, когда он только зашел на центральный пост.

- А где перископ? - спросил пронзительным голосом Захаров.

- Конструкторы решили отказаться от традиционного окулярного, проникающего в прочный корпус перископа. Вместо него на нашей лодке был установлен оптико-электронный. Телескопическая мачта с гидравлическим приводом установлена в ограждении рубки и возвышается над ней на двенадцать метров. В ее верхней части размещен контейнер, в котором находится видеокамера, по оптико-волоконным проводам изображение передается на два больших экрана, расположенных на одной ширме по обеим ее сторонам. Они стоят вон там, - и Заленский показал в глубь центрального поста.

Захаров привстал и увидел большой экран, между тем Заленский продолжал:

- Это изображение также передается на наши с вами экраны, кроме этого, на наши с вами экраны может быть выведена любая информация с любого боевого поста. Ну, вот и все пока, что сегодня я вам хотел рассказать, - неожиданно завершил экскурсию Заленский.

- Можно вас попросить показать мне полную тактико-техническую характеристику «Морского льва».

- Да, сейчас я это сделаю.

На экране появились столбцы с наименованиями и цифрами, с попутным сопроводительным текстом. Из него Захаров, узнал, что длина лодки - сто двадцать пять метров. Из всех ныне действующих многоцелевых подводных лодок этого класса она была самая длинная. Ее ширина составляла тринадцать метров, и здесь субмарина обошла всех своих сестер не только по своему классу, но и по классу ПЛАРБ. Лишь американская подводная лодка типа «Огайо», на борту которой двадцать четыре баллистических ракеты, да советский подводный ракетоносец «Тайфун» опережали ее по этому показателю. Захаров взглянул еще раз на размеры и прочитал последний: осадка одиннадцать метров. «Однако здорова малышка», - подумал он и стал читать дальше. Скоростные параметры оказались также солидными: в подводном положении она достигала тридцати пяти узлов, а в надводном до тридцати, глубина погружения и вовсе была рекордной - две с половиной тысячи метров. Изучение технической характеристики принесло ему немало удивлений

- Это все? - спросил Захаров.

- Все, если не хотите посмотреть мультиплексы, где демонстрируются боевые возможности «Морского льва».

- Это что еще такое? Хотя неважно, давайте посмотрим,
- Захаров уже порядком устал во все вникать, решив все непонятности выяснить в другой раз.

Заленский исчез с правого экрана и через секунду стоял рядом с Захаровым, умело оперируя беспроводной мышью. Спустя некоторое время на дисплее появилось красочное изображение, которое с первых минут увлекло Захарова. Компьютерные мультики продемонстрировали ему всевозможные варианты нападения «Морского льва» и отражения им атак противника. Также Захаров попутно ознакомился, на какую дальность стреляют ракеты и торпеды, с какой скоростью и по какой траектории они движутся, что наблюдает оператор, производя окончательную корректировку на цель, и как происходит поражение намеченного объекта. В добавление к этому высвечивались цифровые показатели, а голос в динамике наушника давал необходимые комментарии. Когда компьютерное шоу закончилось, Захаров не сразу проявил признаки жизни - еще с минуту он сидел замороженный, а потом, словно опомнившись, спросил:

- Обедать еще не пора?

- Пора. Пойдемте, Иван Алексеевич.

Оба встали и пошли на выход из подводной лодки в уже знакомую столовую. За обедом Захаров окончательно уверился в преимуществе столовой Канарейкина по разнообразию предлагаемого ассортимента блюд.

Время после обеда, если в бессолнечном пространстве искусственного света можно назвать второй половиной дня, было посвящено Захаровым на осмотр остальных отсеков, которые располагались позади центрального поста. Второй раз Захаров покинул лодку около шести вечера, а на пирсе его уже поджидал Канарейкин. Прогуливаясь взад и вперед, он периодически посматривал на часы, а, увидев Захарова, поспешил к нему.

- А я уж думал, что мне придется лезть в эту скорлупу: вы что, там решили поселиться?

- Да здесь так много новой техники, что можно вообще никогда не выйти. Вы не поверите, Леонид Сергеевич: чувствую себя настоящим неандертальцем.

В трехстах милях от берегов северо-западной Африки в жарком субтропическом климате лежит остров Тенерифе, входящий в Канарскую гряду

островов. На этой земле, вынырнувшей из-под воды, находилась экспериментальная станция человекообразных обезьян. В этот уголок человеческого любопытства для изучения поведения приматов был помещен недавно пойманный в лохматых вечнозеленых джунглях Танзании дикий пятилетний шимпанзе по кличке Захар.

Захара посадили в просторную вольеру с естественным интерьером. После узкой переносной клетки, где ему было почти не повернуться, новое место жительства показалось Захару очень просторным, и он проскакал, опираясь на мощные руки, по всему периметру вольеры. Взглянув на солнце сквозь железные решетки и не обнаружив вокруг себя своих собратьев, он сел на свою покатую попку и, вытянув губы в трубку, тихо заскулил, издавая едва слышные «хуу», «хуу». Адаптация в новых условиях проходила непросто: каждый день Захар передвигался по месту своего заточения в поисках сородичей, издавая жалобный клич. Но время делает свое дело, и спустя месяц он окончательно избавился от родовой хандры и освоился в вольере.

В один прекрасный день на игровой площадке, где висели качели, веревки и различные перекладки, появились незнакомые ему предметы - пластмассовые кубики разных цветов. Захар медленно, бочком подошел к ним и кончиком пальца дотронулся до зеленого кубика и в ту же секунду с гиканьем отскочил от него, словно ошпаренный кипятком. Потом прошел по кругу, опираясь на свои длинные руки, и, резко подскочив, цепкими пальцами ухватил зеленый кубик. Шерсть на загривке у Захара вздыбилась; открыв рот и оскалив зубы, он с гиканьем помчался прочь от остальных кубиков. Пробежав несколько метров, он зашвырнул кубик в траву. Через некоторое время Захар вернулся обратно и, так же, как и в прошлый раз, подскочил уже к желтому кубику, подбросил его вверх, издавая громкий лай – «ваа», «ваа». К синему кубику он отнесся несколько благожелательней: не взяв его в руки, а наклонился к нему, начал его лизать. Красный он и вовсе закопал. Навеселившись, к вечеру он собрал все кубики и, выстроив из них стенку, обозначил ими границу своего жилья.

Запись датирована 25 июля 1990 года

На протяжении всего июня и июля Захаров постигал компьютерную грамотность и осваивал новые технические возможности управления лодкой. Находясь в центральном посту по двенадцать-четырнадцать часов, он проявлял

фантастическую усидчивость и поразительную работоспособность, вникая в каждое новшество основательно, не оставляя в своем сознании белых пятен пустоты. Со временем Захаров пришел к выводу, что вся работа на компьютере строится на выработке рефлекторной реакции мозга человека и чем оперативнее его действия, тем быстрее строится работа всего центрального поста. Особой сложности здесь не было: главное, что нужно было усвоить, - это не задавать себе ненужных вопросов, а исполнять кнопочные комбинации сообразно оперативной обстановке, подчинив воле все свои чувства.

Каждый день в десять часов утра на центральном посту проходила ежедневная тренировка по отработке полученных недавно Захаровым навыков управления лодкой в боевых условиях. В этот раз был выбран режим отражения атаки на «Морского льва» подводной лодки противника. Захарову предстояло уклониться от торпедной атаки неприятеля, а затем поразить его своими ракетами. Первая же попытка для него окончилась неудачей. Проигнорировав все выданные центральным компьютером варианты, он инстинктивно начал менять курс субмарины, вместо того чтобы выпустить имитаторы и торпеды-ловушки, продолжая двигаться прежним курсом.

- Торпеда попала в цель. Вы уничтожены, - объявил приговор центральный компьютер.

Захарова словно током ударило это сообщение, и он откинулся на спинку кресла. Иван Алексеевич страшно не любил проигрывать, и поэтому сообщение компьютера о постигшей его неудаче больно било по его самолюбию, ему захотелось все бросить и уйти. Но что-то держало Захарова в этом кресле, и он закрыл глаза с твердой уверенностью, что когда он их откроет, то обязательно продолжит укрощение «Морского льва» и во что бы то ни стало добьется нужного ему результата.

Посередине застеленной красным ковром арены, огражденной решетками, стоял в окружении циркового инвентаря молодой дрессировщик Олег. Справа от него сидел огромный африканский лев по кличке Цезарь. Подойдя к ближайшей тумбе, он лениво забрался на нее и умиленно взглянул в лицо Олегу. За клеткой стоял отец начинающего циркача, который внимательно следил за поведением хищника.

- Олечка, смотри на него, - предостерег опытный укротитель косматых кошек.

- Я все вижу, - ответил спокойно Олег и, стукнув палкой по соседней тумбе и подогнав слегка Цезаря хлыстом, заставил его перепрыгнуть с тумбы на тумбу. Исполнив требуемое, лев получил от Олега кусочек мяса.

- Хорошо, Цезарь, теперь давай пройдемся по канату. Алле.

Лев сидел на месте и ни в какую не хотел идти, тогда дрессировщик сильнее ударил его хлыстом. Цезарю это не понравилось, и он встал на задние лапы, попытавшись поймать хвост плетки. Олег еще раз ударил хлыстом, крикнув «Алле». Лев вновь не двинулся, только огрызнулся в ответ.

- Олег, попробуй поманить его мясом, - посоветовал Отец.

Дрессировщик достал из-за пояса кусочек и, насадив на пику, поманил хищника. Цезарь, почувствовав запах, пошел за ним, но, не сделав и двух шагов, потерял равновесие и с грохотом упал на ковер, сильно ударившись о пол. Олег немного испугался и попытался вернуть хищника на место, ударив хлыстом. Цезарь на это еще больше обозлился и зарычал, обнажая желтые клыки.

- Цезарь, на место, - испуганно закричал отец Олега.

Но лев даже и не думал исполнять команду, вместо этого он встал и пошел к дрессировщику.

- На место, Цезарь, - отходя, еще раз стукнув его слегка палкой, сказал Олег.

Последнее действие окончательно разозлило хищника, тем более, что Олег задел его по ушибленному месту. Гигантская кошка весом в сто восемьдесят килограммов одним прыжком оказалась на груди молодого дрессировщика, свалив его с ног. Мощные когти вонзились в его одежду, порвав ее на куски, желтые глаза хищника взглянули на Олега. Тот судорожно начал отбиваться, колотя его по морде. Отец поспешил на помощь, открыв по обоим мощную струю холодной воды из рукава пожарного крана. Лев зафырчал и отпрыгнул от дрессировщика.

- Ну все, хватит, я пошел. Довольно с меня, - сказал Олег, поднявшись на ноги.

- Нет, сынок, ты должен заставить его пройти по канату, иначе ты никогда не станешь дрессировщиком. Ты должен подчинить его своей воле, - сказал отец.

Олег, не зная, что делать, пребывал в нерешительности. Спустя минуту он собрал себя в одно целое, подошел к хищнику. Тот сидел, облизывая мокрые места своего тела. Его грива уже не была столь величественна, а представляла собой торчащие в разные стороны локоны шерсти.

- Цезарь, хороший, на место, - подтолкнув палкой, сказал дрессировщик. Лев даже и не собирался трогаться. Тогда Олег неожиданно жестко ударил хлыстом и громко скомандовал:

- На место.

Цезарь встал и снова пошел на него. Отец, уже не дожидаясь, хотел снова открыть кран, но Олег знаком остановил его. Хищник подошел на расстояние вытянутой руки и замер, два взгляда сошлись. Олег почти шепотом сказал: «Цезарь, попробуем еще раз. Але...»

- Попробуем еще раз, - открыв глаза и потеряв себя за волосы, почти шепотом произнес Захаров.

- Внимание всем отсекам: начинаем повторную попытку, - сказал сидящий на месте вахтенного офицера Заленский и нажал пару клавиш на клавиатуре.

- Курс два-ноль-два, - скомандовал Захаров, вызвав на правый монитор движение лодки в трехмерном измерении.

И вновь потекли минуты ожидания, в которых легко забываешь про тренировку, увлекаясь посторонними мыслями. Но в этот раз ждать пришлось недолго. Разбивая тишину, в наушниках Захарова прозвучал веселый голос акустика, сообщивший об обнаружении справа по борту подводной лодки.

- Самый малый вперед, - моментально отреагировал Захаров, одновременно вызвав на центральный монитор смоделированную компьютером оперативную обстановку вокруг субмарины.

- Внимание, говорит акустик: пеленг сорок пять, обнаружены две скоростные цели, движущиеся на нас, - на центральном мониторе зажглись две цифры, отсчитывающие на убывание оставшееся время жизни экипажа.

- Говорит шестой отсек: потеря мощности главного генератора.

- Выпустить имитаторы и торпеды-ловушки. Курс три-три-пять, глубина восемьсот. Шестой, сколько нужно времени на восстановление полной мощности?

- Около пяти минут.

- Даю две, - ответил Захаров и вывел на левый монитор модуляцию силовых установок шестого отсека. Увеличив план отсека, Захаров включил программу поиска неисправностей. Тут же главный турбогенератор весь покрылся паутиной зеленых датчиков, и два из них покраснели, сигнализируя о возникшей неисправности. Когда Захаров щелкнул мышью по одному из них, компьютер выдал ему информацию о поломке.

В это время на центральном экране лодка медленно изменяла курс, а идущие ей навстречу две торпеды, запущенные с виртуальной лодки противника, уже вошли в зону перехвата торпед-ловушек.

- Внимание, говорит акустик: цель номер один поразила имитатор, - спустя некоторое время вторая торпеда была перехвачена торпедой-ловушкой.

- Шестой, как главный генератор? - спросил Захаров.

- Есть полная мощность, - ответили из шестого отсека.

- Хорошо.

- Всем внимание! Выходим в атаку! Курс ноль-ноль-один, скорость три узла, глубина тридцать. Контуру противолодочной обороны подготовить две ракеты.

Всплыв на тридцать метров, «Морской лев» произвел виртуальный пуск противолодочных ракет, которые выходят из-под воды и, пролетев над поверхностью моря, затем снова ныряют в той точке, где находится подводная лодка противника.

Через несколько минут компьютер доложил об удачном запуске противолодочных ракет, сообщив коротко: «Подводная лодка противника поражена».

«Вот так бы в жизни - раз, и все. Так нет же, в реальности почему-то все намного сложнее», - подумал довольный своей победой Захаров.

- Все, спасибо, тренировка закончена, - объявил, вставая, Заленский.

- Павел Витальевич, - обратился Захаров к Заленскому, - соберите всех старших офицеров в кают-компанию.

- Сделаем, - ответил тот.

Захаров, отсоединив свой личный ноутбук с необходимыми ключами-кодами доступа, встал и направился к себе в каюту. Уединившись, он потер виски и впервые за двухмесячный марафон постижения новых сфер передовых технологий он ни разу не вспомнил ни о жене, ни о сыне, ни о существовании страны и всего мира. Погоня за навыками управления «Морским львом» превратила его в копающегося под землей крота, не замечающего никого и ничего вокруг себя. Он практически так ничего и не узнал ни о базе, на которой проходит его служба, ни о своих подчиненных. И вот под предлогом разбора тренировки Захаров решил наконец познакомиться со всеми поближе. Его неожиданно посетила мысль осмотреться вокруг и, запросив личные дела своих подчиненных, если таковые имеются у Канарейкина, хотя надежда была мала, более подробно узнать о каждом из них. Вместе с этими мыслями к нему пришло чувство одиночества, но дверь открылась, и водоворот уклада жизни базы вновь накрыл его с головой.

- Иван, все собрались, - сказал Заленский.

Кают-компания располагалась на втором уровне между каютами младших офицеров и центральным постом. Здесь находились большой телевизор, видеомаягнитофон с богатой фильмотекой. Вдоль стен были расположены мягкие диваны и журнальные столики, вокруг все утопало в зелени, на стенах висели репродукции картин русских художников, а в одном из углов стоял аквариум литров на двести, в котором

плавали золотые рыбки. Кают-компания служила не только местом отдыха, но и местом психологической разгрузки. Не случайно Захаров назначил сбор именно здесь: это единственное место, где забываешь о своем нахождении на подводной лодке или на базе.

В кают-компании сидели Карташов, Фирсов, Березин, Алферов и стоявший неподалеку от телевизора Заленский. Все они (Захаров это подметил сразу, как вошел) разместились как-то отстраненно друг от друга: кто-то смотрел журнал, кто-то на рыбок, а кто-то и вовсе бесцельно в потолок. При виде входящего Захарова все как один встали.

- Садитесь, садитесь, - сказал мягко Захаров.

Все снова провалились в мягких диванах. Захаров взял стоящий неподалеку в одиночестве стул. Заленский тем временем включил телевизор, готовясь поставить видеозапись тренировки.

- Подождите пока, Павел Витальевич, я не об этом хочу сейчас поговорить, - остановил его Захаров.

Заленский сконфуженно выключил телевизор и сел рядом со штурманом.

- Товарищи офицеры, - начал Захаров, - мы с вами уже вместе работаем два месяца, и за эти два месяца в круговерти изучения «Морского льва» я совсем забыл познакомиться с моим непосредственным окружением. То есть с вами, которые... я уже не говорю об остальной части экипажа... Товарищи, я уже вам говорил, что я из Рыбинска, служил, до того как попасть сюда, на Северном флоте. Я хотел бы, чтобы сейчас каждый из вас, здесь сидящих, рассказал бы вкратце о себе и об обстоятельствах, при которых он попал сюда.

Последние слова Захарова поменяли лица приглашенных на удивление, растерянность и тревогу. Все вдруг разом взглянули на Березина. Тот молчал и, словно помидор, наливался красной краской. В кают-компании повисла пауза.

- Григорий Олегович, ну, что же вы молчите? - первым не вытерпел штурман.

- Гм. Да. Товарищ командир первого ранга... это запрещено предписанием. Я еще не успел вам об этом сказать, - с некоторым трудом произнес Березин.

- Что запрещено? - удивленно спросил Захаров.

- Рассказывать про обстоятельства, при которых мы попали сюда, - ответил Березин.

- А где родился? Где служил? Это не запрещено? - допытывался Захаров.

- Об этом ничего не сказано.

- Значит, можно?.. - не унимался Захаров. Ему все больше и больше становилось интересно, почему он своими, как ему казалось, невинными вопросами нагнал столько страха на всех, и особенно на Березина.

- Наверное... но лучше этого не делать, - побледнев, ответил старпом.

- Вы имеете в виду прилюдно?

- Наверное...

- А что за предписание, о котором вы все время говорите?

- Предписание о неразглашении государственной тайны, которое мы все подписывали.

- А почему тогда я не подписывал?

- Вы тоже подписывали, только, наверное, не поглядели, когда подписывали, - пролепетал Березин.

- Интересно... гм. Тогда извините меня, товарищи офицеры, что я вас поставил в неловкое положение. Очевидно, мне еще необходимо проконсультироваться по этому вопросу у товарища Канарейкина. Что ж, тогда, я думаю, все свободны, а Павла Витальевича я попрошу остаться.

Команда старших офицеров покинула кают-компанию со смущенно-молчаливым видом.

- Павел, что случилось? - спросил Захаров, когда они остались одни.

- Ничего не случилось. Ты затронул тему, на которую наложено табу. Ответственность за это лежит на Березине, а ты его при всех припер к стенке своими вопросами.

- Так, хорошо. Что мне теперь делать?

- Ты же сам только что сказал, что нужно проконсультироваться у Канарейкина. Так иди к нему и выясни у него, может, он тебе и скажет... Во всяком случае, попытайся, - посоветовал Заленский.

Захаров молчал, предвосхищая в голове разговор с Канарейкиным, потом, повернувшись к Заленскому, спросил с надеждой:

- Ты тоже не скажешь, как попал сюда?

- Не знаю: сначала сходи к Канарейкину, а там посмотрим.

- Ладно.

Захаров покинул лодку с терзавшим его вопросом о секретном предписании и некоторым разочарованием Заленским. Он еще совсем недавно считал его человеком, на которого можно положиться в трудную минуту, если таковая придет. И тут он дал трещину в пустячном вопросе. Как теперь быть? С кем теперь работать?

Захаров приблизился к двери кабинета Канарейкина быстрым шагом. Мимоходом скользнув карточкой по щели металлической коробки и нажав на кнопку, он, не дожидаясь ответного действия электронного замка, толкнул дверь, но та была еще заперта. Выразив ударом кулака свое неудовольствие, он отошел. И тут в двери что-то щелкнуло, и он, не теряя ни минуты, проследовал в кабинет Канарейкина.

- Мне нужны личные дела всех членов моего экипажа...
- с ходу заявил Захаров, едва переступив порог. Органическая гора человеческого мяса даже не шевельнулась.

- Вы меня слышите? - не снижая тона, подойдя чуть ли не вплотную, спросил Захаров.

- Ага, - не снимая очков и не отрываясь от бумаг, обнаруживая свое духовное присутствие, ответил Канарейкин.

- Я вам еще раз повторяю: мне нужны личные дела всех членов экипажа, - еще настойчивее потребовал Захаров.

Канарейкин лениво взглянул на него.

- А чего так кричать-то?

- Потому что случилось ЧП. А вы ноль внимания.

- Неправда, Иван Алексеевич. Вы еще были на подходе, а я уже знал, что вы ко мне идете и чего от меня хотите, - он достал из ящика уже знакомую Захарову телефонную трубку и демонстративно показал ему. - А вы говорите, что я не обращаю никакого внимания. Случись что на базе - я первый буду об этом знать.

- Тогда я жду от вас личные дела.

- А их у меня нет.

- Как это нет?

- А так.

- Тогда где они?

- В центре, в Москве...

- Значит, давайте их востребуем.

- Интересно, каким образом их вам сюда, на край света, доставят.

- С командой курьеров.
- И с ротой солдат в придачу, - рассмеялся Канарейкин.
- Это не смешно, - Захаров был разозлен не на шутку.
- Почему? - удивленно спросил Канарейкин.
- Потому что мне с этими людьми работать, а не бочки катать.

- Ну и что ж, что работать.
- Ничего. Как мне связаться с генералом?
- Помилуйте, Иван Алексеевич, зачем вам генерал? Вы что, и у него намерены потребовать эти дела? Так и он вам их тоже не даст.

- Тогда я отказываюсь дальше работать, - садясь в кресло, сказал Захаров.

- А вот это новость.
- Для вас новость.
- Неважно.
- Я не могу работать с людьми, о которых ничего не знаю. Кстати, что за предписание, запрещающее рассказывать о себе или о том, как попал сюда?

- Обыкновенное предписание, распространенное в нашем подразделении.

- Обыкновенное? - удивленно повторил Захаров.
- Да, обыкновенное. А зачем, скажите мне, вам или еще кому-то знать, при каких обстоятельствах его или вас отобрали сюда? А вдруг там содержатся какие-то сведения, о которых человек предпочел бы забыть, потому что они ему приносят боль. А зачем, скажите, пожалуйста, нам такой человек, у которого с чувствами не все в порядке? В таких сложных психологических условиях, в которых приходится нам служить, можно и сбрендить. Люди, знаете, Иван Алексеевич, очень болтливы и могут поэтому, сами того не подозревая, нанести себе случайно вред, рассказав, не подумав, что-то о себе. Этим предписанием, указанием (назовите, как хотите) мы взяли на себя функцию сторожа их душевного покоя. Страх лучше всяких клятв сидит в них. И он никогда не позволит им переступить запретную черту.

- Я командир подводной лодки, которая на своем борту несет очень мощное оружие. Я же должен знать, кем я команду... На что эти люди способны... и чего от них ожидать.

- Узнаете, узнаете, Иван Алексеевич, я предоставляю вам карты психологических тестов на каждого. Этого вам

будет, я думаю, более чем предостаточно. Вы же себя не мните, я надеюсь, психологом экстракласса?

- Нет.

- Ну вот, и я вас умоляю: не рассказывайте про себя больше ничего. Довольно и того, что вы тогда на пирсе сказали. Кстати, для вашего же блага.

- Почему?

- Потому что это нарушение предписания. А за это нарушение вы можете быть отчислены. И тогда...

- Что тогда? - Захаров посмотрел ему в глаза

- Вы сами знаете, что тогда, - с улыбкой, отводя глаза в сторону, ответил Канарейкин.

- Я не знаю, что тогда...

- Не знаете, - хитро спросил Канарейкин, - или делаете вид, что не знаете?

- Это не имеет значения. Мне интересно знать, что вы мне скажете.

- Хорошо, я вам скажу, чтобы отбить охоту у вас выпытывать у своих подчиненных подробности их личной жизни. Каждого, кого отчислят, ждет продолжение той жизни, из которой его выдернуло наше управление. Как правило, я конечно, не знаю в отношении вас, но вот у других там наступал не очень счастливый конец. Поэтому, если вы кого-то и раскрутите, то знайте, что вы не пострадаете за это, но его летальный исход будет на вашей совести, - жестко сказал Канарейкин.

- Мы выйдем в море, и тогда ваша власть кончится, - начал игру Захаров.

- Значит, тебя и такие мысли посещают? - загадочно произнес Канарейкин.

- Да нет, мне просто интересно.

- Интерес лучше оставь при себе. Поверь мне на слово: мы и в море тебя или того, кто нарушит установленные правила, достанем.

- Хорошо, хорошо, прекратим этот разговор, - сказал Захаров, понимая, что зашел слишком далеко. - Лучше скажите мне: есть ли еще какие-нибудь запретные предписания?

- Есть, но об этом узнаешь позже...

- Как это позже?

- А зачем тебе о них знать? Твое дело - командовать лодкой, а остальную работу за тебя сделают.

- Замечательно: на моей лодке будут происходить какие-то вещи, а я об этом даже знать не буду.

- Меньше знаешь - дольше живешь, - вновь улыбнувшись, сказал Канарейкин. - Так, пошутили, и хватит, теперь о деле давай поговорим. Как у тебя с освоением техники? - моментально сменив тему разговора, словно ее и не было, задал вопрос Канарейкин.

- Нормально, а что?

- Пора лодку выводить на испытания. Пойдете к Алеутским островам, попробуете пройти сквозь американскую систему акустической разведки, вторгнетесь миль на двадцать и вернетесь на базу.

- Когда намечен выход?

- Пятого августа. Успеете подготовиться?

- Успеем.

- Тогда вот читай, - и полковник протянул Захарову бумагу, выйдя из-за стола.

Пока Захаров читал приказ, Канарейкин подошел к шкафу и, погремев ключами, открыл дверцу и, выдвинув ящик, начал перебирать папки.

- На вот, на офицерский состав, психо-, черт их дери, показатели. Если понадобятся на остальных, скажешь - я тебе выдам, - сказал Канарейкин, когда Захаров оторвался от бумаги.

Запись датирована 3 августа 1990 года

Потратив два дня на изучение результатов психологических тестов личного состава «Морского льва», Захаров подметил для себя немало важного. И только в отношении своего старпома из-за отсутствия значительной части исследований у него осталось смутное впечатление.

Приготовление к предстоящему походу шло полным ходом. На лодку, выстроившись в цепочку по одному, матросы загружали дополнительный провиант, на центральном посту проходила проверку вся аппаратура,

включая находящуюся в резерве. Также пристальному осмотру подвергалась вся техническая часть субмарины, и прежде всего реактор, электромоторы, главная турбина, насосы, охлаждающая установка реактора и аккумуляторы. Во всех отсеках шел замер магнитного поля, уровня шумов работающих механизмов и радиационного фона. В эти дни по всей лодке внутри и на ее палубе постоянно тут и там сновало множество людей как из экипажа, так и из ремонтного отряда базы. Захаров сидел на своем командирском месте на центральном посту, принимая доклады из отсеков о ходе технического осмотра.

- Второй насос, давление...

- Иван, - раздался томный голос Канарейкина, перебив очередной доклад.

- Да, - ответил Захаров.

- Давай срочно ко мне в кабинет, - запыхавшись, позвал Канарейкин.

- Срочно? А то у нас тут проверка идет полным ходом, - удивленно спросил Захаров.

- Иван, бросай все и давай срочно ко мне, - настоятельно требовал Канарейкин.

Захаров, застигнутый врасплох, выглянул из-за компьютеров, рядом с ним находился старпом.

- Григорий Олегович, - обратился он к Березину, - я к Леониду Сергеевичу, а вы пока продолжайте без меня. Хорошо?

- Есть продолжать, - ответил Березин в своей манере.

Зайдя в кабинет, Захаров впервые за все время знакомства с Канарейкиным увидел его взъерошенным и растерянным.

- Давай садись, - сказал Канарейкин, едва Захаров показался на пороге.

- Что случилось-то, Леонид Сергеевич?

- Ничего не случилось... генерал через два часа прилетит...

- Зачем?

- Ирак на Кувейт напал, вот зачем. Так что объявляй готовность номер один.

- Сейчас проверка идет полным ходом: если сейчас объявить готовность по базе и лодке, внесем суматоху, - сказал Захаров.

- Все равно объявлять придется - не сейчас, так когда Шкворин здесь будет. Так что давай...

- Григорий Олегович, - включив микрофон, произнес Захаров.

- Березин на связи, - отозвалось в наушниках у Захарова.

- Григорий Олегович, срочно завершайте предподходную подготовку, после этого объявите готовность номер один.

- Есть, - ответил Березин.

Захаров подошел к окнам, откуда была видна подводная лодка, стоящая в подземной акватории.

- Принимать Шкворина будем со всеми причиндалами? - спросил Захаров, обернувшись к Канарейкину.

- Конечно, по высшему разряду, с построением и все такое. Ты, кстати, пойдешь со мной.

- Куда?

- На поверхность, встречать Вячеслава Яковлевича.

Канарейкин взял трубку, набрал номер.

- Кузнецов, как готовишь... Да... Да... Через два часа чтоб все было сделано. Все, - Канарейкин выключил трубку, положив ее на стол, но спустя секунду снова взял и набрал еще раз какой-то номер. - Крашенинников на месте? Где он?.. Хорошо, пусть меня встречает. Все, - Канарейкин положил трубку и повернулся к Захарову.

- Как встретим Вячеслава Яковлевича, свяжись с Березиным, пусть всю команду на пирсе выстроит. Так, вроде всё. Я сейчас к взводному охраны, а ты пока иди к выходу, там встретимся.

Затем оба вышли из кабинета, разойдясь в разные стороны. Захаров пошел к центральному выходу. Оказался снова у тех дверей, через которые он попал впервые на базу. В глаза бросились, как и два месяца назад, стоящие у входной двери двое коренастых, одетых в камуфляжную форму охранников. Опустив глаза, он посмотрел на кафельный пол, на котором цветной плиткой был выложен герб Советского Союза, а под ним - значок КГБ с названием управления, которому принадлежала база: - «Особый погребок». Вокруг было пустынно, и Захаров направился к дежурной будке охранника, чтобы узнать о Канарейкине, как в наушниках раздалось:

- Иван Алексеевич, мы вас ждем не у запасного выхода, а у центрального, это на третьем уровне.

Захаров пошел к ближайшему лифту и через некоторое время, миновав грязные безлюдные коридоры, оказался у запасного выхода, где его уже поджидал Канарейкин с офицером охраны и шестью солдатами, одетыми в парадную форму.

- Так, вы двое, - Канарейкин показал на ближайших к нему солдат, - останетесь здесь.

- Товарищ командир, подготовка к походу завершена, - донеслось из наушников.

- Хорошо, - ответил Захаров, - ждите дальнейших приказаний.

Вся остальная группа встречающих открыла дверь и, пройдя по такому же грязно-белому бетонному коридору, поднявшись по железной лестнице, оказалась у довольно проржавевшей двери. Покрутив против часовой стрелки расположенное в самом ее центре колесо, Канарейкин со скрипом открыл дверь. Пахнуло свежим морским воздухом, яркий свет везде, куда он смог проникнуть, отметил свое присутствие. Канарейкин вновь повернулся к солдатам и, оставив двоих внутри и двоих снаружи, направился к месту предполагаемой посадки вертолета. Захаров, не покидавший стен базы, с тех пор как прибыл на остров, сверкающее солнце воспринял как нечто чуждое и несвойственное для восприятия его глаз. Но в душе вдруг возникла какая-то радость, словно он идет встречать не генерала, а свою жену.

- Сашенька, скучал здесь без меня, маленький? - сказала женщина, беря за руку мальчика лет восьми.

- Скучал, - едва слышно ответил ребенок.

- Ну, пойдем быстрее домой, - сказала женщина, уводя Сашу к воротам.

А рядом, невдалеке у входа в школу-интернат, стоял черноглазый мальчик. Ему было десять лет. Вот уже в который раз он находится у входной двери, наблюдая за тем, как взрослые тети и дяди забирают на выходные мальчиков и девочек из его группы.

За ним еще никогда никто не приходил, с тех пор как однажды его привела сюда мама, сказав, что в субботу она придет и обязательно заберет его отсюда. Но вот уже прошел месяц, как она ушла и больше не возвращалась. А мальчик в конце каждой недели с упорным постоянством выходил на крыльцо с надеждой, что, быть может, именно сегодня она придет за ним. Он смотрел на ворота, через которые входили взрослые, и ждал, не идет ли за ним его мама. И каждый раз, когда кто-то появлялся из-за угла соседнего дома, он с волнением в груди, всматриваясь вдаль, вглядывался в приближающуюся фигуру человека, пытаясь разглядеть знакомые черты. А в голове звучал голос: «Может, это она. Тогда я побегу к ней. Ну же, она? Или нет...» И, когда уже в сотый раз оказывалось, что

это не она, отчаяние и обида били в нем в набат: «Ну где же ты, мама? Ну почему, почему ты не идешь за мной?» Хотелось плакать навзрыд, и только осознание того, что ему десять лет, не позволяло этого сделать, и он лишь тяжело вздыхал, отворачиваясь к стене, чтобы не видеть того, в ком он еще недавно видел свою мать.

Время уже подходило к восьми вечера, когда из-за угла появилась женщина, направлявшаяся твердым шагом к нему. Ее он узнавал всегда и сразу, стоило ей только появиться. Широкие шаги, словно ее кто-то сзади подгоняет, и ярко-зеленого цвета блузка сигнализировали о ней еще издалека. Это была директор школы-интерната Зоя Александровна Немышева: каждую субботу она приходила на ночное дежурство.

- Ну, как, стоишь?
- Стою, - ответил он.
- Сегодня она уже не придет.
- Сегодня не придет, наверное, не смогла. Наверное, на следующей неделе точно придет.

- Пошли домой, - сказала директорша, уводя его за собой.

- Мой дом не здесь, - ответил мальчик, открывая для нее входную дверь.

Канарейкин вышел на середину поля, посмотрел в сторону, где должен появиться вертолет, и, ничего не увидев, взглянул на часы.

- Где этот вертолет? Уже пора бы ему и показаться, - Канарейкин снова окинул взглядом небо.

Захаров с офицером охраны стоял неподалеку. Ветер, обдувавший всю группу со всех сторон, приятно гладил по щекам. Вглядевшись в горизонт, Иван Алексеевич увидел низко летящую точку.

- Вон он, - показывая рукой, сказал Захаров.

- Где?

- Да вон там, почти у воды.

- Ничего не вижу, надо было бинокль захватить. Точно он?

- Да, точно, вон там летит.

- Тогда давай свяжись со своими, пусть строятся.

- Всем внимание! Командир вызывает ноль второго, - сказал Захаров в микрофон.

- Ноль второй на связи, - тут же отозвался Березин.

- Построить весь экипаж на пирсе.

- Есть.

Вертолет уже четко прослеживался на горизонте, и его, наконец, заметил Канарейкин.

- Ну и глаза у тебя: я вот его еще только заметил, а ты когда сказал... Так, давай подойди ко мне, а когда доложу, ты следом за мной скажешь, что корабль к выходу в море готов. Спустимся вниз, там и скомандуешь...

- Да я в курсе, не впервой, Леонид Сергеевич, - прервал Канарейкина Захаров.

- Тогда все, смотри, уже на посадку заходит.

И действительно, вертолет уже приблизился к острову, делая полукруг, заходил на посадку. Шум работающего ротора внезапно ворвался в уши Захарова, отчего тот ненадолго оглох. А Канарейкин, щурясь на солнце, левой рукой удерживал фуражку, чтобы та не улетела. Резиновые колеса вертолета дважды коснулись земли, прежде чем он окончательно сел, предоставив пилоту остановить стремительное вращение лопастей. Боковая дверь открылась, и из нее показалось уже знакомое змеиное лицо генерала. Он так же, как и Канарейкин, придерживая фуражку, пошел к ним навстречу, а за ним шла целая команда его помощников.

- Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, - приветствовал Канарейкин, отдавая честь, Захаров также стоял по стойке «смирно».

- Здравия желаю, - мимоходом ответил генерал; казалось, что он даже не замечает Канарейкина. - Товарищ... э-э... Захаров, «Морской лев»... э-э... готов к выходу в море?

- Так точно, товарищ генерал, - немедленно отреагировал Захаров.

- Хорошо. Давайте... э-э... соберите старший состав... э-э... в командном центре базы, - приказал генерал и пошел к входу, ведущему в подземелье. Охрана у дверей отдавала честь, но генерал, так же, как и Канарейкина, не заметив ее, прошел дальше. Захаров немедленно связался с Березиным, передав ему распоряжение генерала.

Иван Алексеевич сразу заметил, что генерал не в первый раз уже на базе и знает расположение ее помещений на отлично. Все прибывшие также последовали за ним, а Канарейкин, рассчитывавший на торжественный прием, поняв, что генерала это совсем не интересует, поплелся в конце.

Командный центр базы находился по соседству с кабинетом Канарейкина. Обилием компьютеров и больших экранов он чем-то напоминал центральный пост «Морского лева». Как только Шкворин показался на пороге, все находящиеся в нем люди на миг замерли, а дежурный офицер, подскочив к генералу, доложил об оперативной обстановке вокруг острова. Шкворин молча выслушал доклад и попросил сократить число людей, работающих в центре. А

сам прошел в помещение, отделенное прозрачной стеной оргстекла. Все, кто следовал за Шквориным, зашли за ним, рассаживаясь за большим столом. Один из команды, прибывшей с генералом, сел за компьютер и, вставив в CD-ром компакт-диск, начал что-то делать, энергично возя мышкой по коврику. Шкворин тем временем взял указку и, раскрыв папку, выложил печатные листы бумаги. Вскоре подошли Карташов, Алферов, Березин, Заленский и Фирсов. Как только все прекратили возню, занимая места, человек, сидящий за компьютером, вывел на большой экран карту Ближнего Востока. Шкворин кашлянул пару раз для установления окончательного порядка, вздохнул и начал свою речь:

- Товарищи офицеры... э-э... Рад видеть вас... э-э... здесь сидящими, - сказал Шкворин и ядовито улыбнулся. - Вот так... э-э... приехать к вам... э-э... неожиданно меня заставили... э-э... чрезвычайные события, происшедшие... э-э... на Ближнем Востоке. В ночь... э-э... с первого на второе августа... э-э... лопнуло терпеливое сердце иракского народа... э-э... Более тридцати лет назад... э-э... Кувейт вероломно... э-э... занял приграничные, богатые нефтью районы... э-э... и безгранично выкачивал нефть. А в это время... э-э... иракская экономика после войны с Ираном... э-э... находится не в лучшем состоянии. После проведенных переговоров... э-э... в ходе которых кувейтская сторона... э-э... не только не захотела вернуть... э-э... самовольно захваченные земли... э-э... но и отказалась предоставить даже... э-э... финансовую помощь бедствующему соседу, иракский народ... э-э... был просто вынужден силой... э-э... восстановить справедливость. Но империалистические круги... э-э... и, в частности, США и Великобритания... э-э... расценили шаг Ирака по возврату своего приграничного района... э-э... как агрессию против Кувейта. И сейчас... э-э... они в спешном порядке готовят переброску своих войск... э-э... в Саудовскую Аравию. Естественно... э-э... Советский Союз в соответствии с подписанным договором... э-э... с Ираком о дружбе и взаимопомощи в это грозное... э-э... для него время... э-э... не может оставаться равнодушным. И, как положено другу, намерен... э-э... помочь Ираку в защите... э-э... своей территории от посягательства империалистических ястребов.

- Поэтому... э-э... «Морской лев» должен выйти в море... э-э... и как можно скорей прибыть в район Персидского залива, где... э-э... ему нужно будет нарушить... э-э... переброску войск агрессоров, а также... э-э... помешать возможному нападению империалистов, - говоря эти слова, генерал периодически показывал на карте районы, о которых упоминал. - Будут какие-то вопросы, товарищи?

- Разрешите мне? - попросил слово Карташов.

- Да, конечно.

- Значит, на Аляску не идем?

- Да... э-э... с Аляской придется повременить, - ответил Шкворин, - я надеюсь... э-э... что вам удастся провести испытание подводной лодки... э-э... пока будете совершать переход в район патрулирования.

- А если что-то выйдет из строя, возвращаться назад? - спросил Фирсов.

- Если своими силами вам не удастся устранить неполадку... э-э... во Владивостоке наготове будет стоять плавучая база... э-э... которая немедленно выйдет к вам навстречу... э-э... для оказания всей необходимой технической помощи. Но я думаю... э-э... что все обойдется. Техническая служба базы... э-э... уже не раз проверяла ее состояние. Да, и, когда мы ее перегоняли... э-э... из Находки... э-э... ничего существенного не обнаружили. Я думаю, все механизмы будут работать... э-э... в удовлетворительном режиме.

- С какой целью мы отправляемся? - спросил Захаров. - Нам необходимо просто обозначить свое присутствие в этом районе с целью демонстрации силы или допускается прямое вооруженное вмешательство? Тогда какими видами оружия можно будет воспользоваться?

- Вот как раз себя-то... э-э... вы и не должны показывать, товарищ Захаров. Вы... э-э... наше тайное оружие... э-э... на случай нападения на Ирак империалистов. Если же дело дойдет до вооруженного конфликта... э-э... то вам для достижения поставленной цели... э-э... конечно, будет дано разрешение на право применения любого... э-э... вида оружия.

- И ядерного?

- В том числе и ядерного.

- Но это означает начало третьей мировой войны.

- Ничего это не означает... э-э... Я же, по-моему, ясно сказал... э-э... вы – наше тайное оружие. В нашей стране произошли перемены... э-э... несколько поменялся курс... э-э... окончилась холодная война. Поэтому мы должны действовать... э-э... сообразно новым условиям... э-э... а значит, осторожно... э-э... чтобы не допустить ущемления наших интересов... э-э... и в то же время не нарушить хрупкий мир.

- Так я и знал: все упирается в деньги, - прокомментировал Канарейкин, - хотим и яблочко съесть, и на колышек сесть.

- От нашей страны мы единственные, кто будет послан в район конфликта? - уточнил Заленский.

- Да... э-э... «Морской лев» - единственная подводная лодка... э-э... которой будет доверена честь... э-э... представлять нашу страну, - ответил генерал. - Очень многое зависит... э-э... от того, как дальше будут развиваться события. В случае необходимости... э-э... вам будет послана подмога.

- Если выдвигается требование соблюдать скрытность пребывания в районе, как мы сможем нарушать переброску войск противника, не обнаруживая себя? - спросил Алферов.

- Все ваши действия... э-э... в предвоенный период... э-э... будут сопряжены с действиями иракских военно-морских сил. Я думаю... э-э... вам нечего опасаться: у Ирака есть свои подводные лодки, и вы... э-э... будете действовать, как одна из них.

- Это значит, что можно будет применять только торпеды? - спросил Заленский.

- Да. Но если... э-э... начнутся боевые действия на суше... э-э... тогда вам будет дано согласие на нанесение наземного удара... э-э... крылатыми ракетами. Для этого со мной приехали мои помощники. Они установят... э-э... необходимые коды запуска ракет и электронные карты... э-э... для введения целеуказания для них. Так... э-э... выход в море, я думаю, можно назначить... э-э... - Шкворин посмотрел на часы, - через сорок восемь часов. Как... э-э... Иван Алексеевич, управитесь?

- Да, - коротко ответил Захаров: ему казалось, что его впутывают в какую-то авантюру.

- Тогда все, товарищи офицеры... э-э... как говорится, в добрый путь.

Когда Захаров покидал комнату, где проходило совещание, перед ним открылось ущелье с перекинутой через него канатной дорогой.

Седой туман пришел в горы с самого утра, скрыв в себе все неровности Гималаев. Семилетний тибетский мальчик шел по каменной дороге, опоясавшей одну из здешних морщин земли. Установившаяся вокруг тишина донесла до его ушей скрип качающейся на ветру канатной дороги. Он знал про нее и давно уже ожидал ее появления, но кучерявые облака, спустившиеся в горы, скрыли ее от его зорких глаз. И, только когда мальчик подошел к ней на расстояние десяти шагов, ветер донес до его сердца ее дыхание. Словно старая старуха, она поскрипывала, нисколько не радуясь появлению ребенка. Дотронувшись вытянутой рукой до вбитого в край пропасти деревянного столба, мальчик почувствовал своей нежной ладонью старое шершавое дерево. Напрягая свое зрение и осторожно ступая вперед, он нащупал левой ногой первую дощечку, висевшую над горным ущельем. Вступив на нее на кошачьих лапах, он начал искать следующую, держась руками за два параллельно уходящие в белизну тумана каната.

Чем дальше продвигался мальчик по этой рукотворной дороге, тем сильнее билось его сердце от колкого ощущения клокоцущей смерти где-то под ногами. А старуха все скрипела и скрипела, раскачивая его вместе с собой. Добравшись мелкой поступью почти до середины, мальчик вновь, уже по привычке, начал искать следующую спасительную дощечку, но, пошарив впереди себя, он ничего не обнаружил, лишь только восходящий со дна ущелья поток прохладного воздуха ласкал его ножку. В этот момент старуха скрипнула громче обычного, и канатная дорога качнулась сильнее, чем прежде. Мальчик, держась одной рукой, не удержался и повалился назад.

- Ай-ай, - непроизвольно вскрикнул он от страха вылететь вниз, слыша попутно, как старуха, пронзительно скрипя, смеется над ним.

Запись датирована 3 августа 1990 года

Из довольно быстро пустеющего кабинета последним вышел Шкворин. Захаров стоял неподалеку и что-то говорил Березину.

Генерал сразу подошел к нему.

- Иван Алексеевич... э-э... нам бы надо... э-э... с вами отдельно побеседовать. Если вы, конечно, не заняты, - сказал Шкворин.

- Да, я сейчас освобожусь, - и, дав последние указания Березину, переключился на Шкворина.

- Я в вашем распоряжении, товарищ генерал.

- Тогда пойдете, - предложил Шкворин.

Захаров направился было обратно, в только что покинутое им помещение.

- Нет, не сюда, - остановил его генерал, - лучше пойдем в кабинет Канарейкина.

Канарейкин, наблюдавший все это время за Шквориним, попытался их сопровождать и даже вошел вместе с ними.

- Леонид Сергеевич... э-э... покажите пока моим помощникам... э-э... командный центр. И... э-э... хорошо бы покормить их, а то... э-э... уже время обеда, - сказал генерал, заметив следовавшего за ними Канарейкина.

Канарейкин, поняв, что разговор не для его ушей, неохотно развернулся в обратном направлении, а Шкворин заботливо закрыл дверь на ключ. Бесцеремонное действие генерала по отношению к Канарейкину удивило Захарова. Он думал, что начальник базы - ближайший человек генерала, но, увидев, как генерал с некоторым пренебрежением дал ему отставку, Захаров усомнился в своих первоначальных выводах. Не обнаружив своего удивления, он прошел в глубь кабинета к письменному столу и, сев на ближайший стул, стал ждать, что скажет ему Шкворин. А тот не торопясь достал пачку «Примы» и, закурив сигарету, подошел к окну. Отвернувшись от Захарова, он смотрел на стоящего у пирса «Морского льва»

- Иван Алексеевич, - сказал Шкворин, не поворачиваясь, прервав неожиданно для Захарова свое довольно длительное молчание, отчего тот немного встрепнулся, - с момента... э-э... нашей последней встречи... э-э... прошло чуть больше двух месяцев. Это... э-э... очень маленький срок.

- То есть? - спросил Захаров. Ему было интересно, к чему клонит генерал.

- Не перебивайте... э-э... меня.

- Извините.

- Это значит... э-э... что вы в нашей структуре... э-э... человек новый. Но... э-э... сложившиеся обстоятельства... э-э... толкают нас... э-э... я бы даже сказал, на несколько опрометчивый поступок. Обычно... э-э... мы этого никогда не делаем. Мы... э-э... долго обсуждали... э-э... это решение и пришли к заключению... э-э... что обстоятельства сегодня таковы... Мы вынуждены... э-э... вам доверить это очень

ответственное дело. Я надеюсь... э-э... вы это хорошо понимаете?

Захаров еще не совсем понимал, о чем говорит Шкворин, и поэтому слушал каждое его слово. Тень кагэбэшного генеральского мундира все время напоминала ему уже почти забытый им разговор, состоявшийся после рокового столкновения его подводной лодки с каменным выступом. И Захаров ощутил проползшую по своей спине змею нервной дрожи.

По рассыпчатому солнцу земли, оставляя позади себя след лесенки, проползла желтая змея в поисках пищи. Захаров почувствовал, как она не проползла, а скорее, перетекла справа налево, поднимаясь от поясницы к шее, едва касаясь его кожи. Ему захотелось почесаться, но, стесняясь генерала, он сдержал себя от требования плоти.

Шкворин затянулся:

- ...и постараетесь приложить... э-э... все усилия для выполнения этого задания. Потому что... э-э... его успех во многом зависит от вас... э-э... и как от командира... э-э... так, наверное, и человека... э-э... который сможет сплотить вокруг себя... э-э... коллектив вверенной вам... э-э... подводной лодки. Вам необходимо... э-э... прибыть в район Персидского залива... э-э... который указан в пакете, - Шкворин по-прежнему стоял к Захарову спиной, смотря в окно. Подняв руку вверх, он достал из кармана сложенный вдвое желтый конверт из плотной бумаги, запечатанный пятью сургучными печатями.

- Это нетрудно, - сказал Захаров, - сложнее будет воевать под личиной иракских подводников.

- Это тоже будет сделать несложно... э-э... сложнее будет потом...

- Когда?

- Потом.

- Когда потом?

- Говорю потом - значит... э-э... потом. А пока... э-э... не задавайте лишних вопросов, Иван Алексеевич. Все... э-э... узнаете со временем. (Повисла пауза.) Теперь подумайте... э-э... Иван Алексеевич. Очень серьезно подумайте, готовы ли вы... э-э... выполнить это задание и все... э-э... которые за ним последуют, какие бы они ни были. Потому что отказов... э-э... потом я не приму. И ваше... э-э... неподчинение приказу из

«Центра»... э-э... будет расценено как измена Родине в военное время.

- Я готов, - без колебаний ответил Захаров, а сам подумал: «Хитрый черт, на иглу сажает».

- Готов? Хорошо, - сказал Шкворин, и Захаров увидел в отражении окна его улыбку. - Мне тут доложили... э-э... что вы потребовали... э-э... у Канарейкина личные дела экипажа...

- Да. Я это сделал, - тут же взъерошившись, отреагировал Захаров.

- Знаю, знаю... э-э... для того, чтобы... э-э... в короткий срок ознакомиться с экипажем... э-э... и понять, кто на что способен. Так? - не поворачиваясь, сказал Шкворин.

- Примерно так.

- Мы предоставили вам... э-э... взамен личных дел результаты... э-э... психофизических тестов. Я думаю, это с лихвой компенсировало э-э отсутствие личных дел.

- Вот уж не знаю, Вячеслав Яковлевич. Как мне, например, судить о профпригодности человека, если я не знаю, чем он занимался, до того как попасть сюда?

- Поверьте мне... э-э... мы о профпригодности позаботились. В этом... э-э... вы можете не сомневаться.

- Допустим. Ну, а почему тогда в папке Березина отсутствуют многие показатели тестов?

- С Березиным... э-э... отдельная ситуация, как, впрочем, и с вами. Вы же... э-э... вообще не проходили никаких тестов, не так ли?

- Да, а почему?

- Нам показалось... э-э... вам это ни к чему. Ваше решение... э-э... поступить к нам на службу... э-э... вот самый надежный тест. Вы... э-э... командир-подводник, и, если б вы чувствовали, что не справитесь, вы бы... э-э... в первую неделю пребывания на базе отказались от этого. Если не отказались... э-э... значит, вам по силе быть командиром. И две минуты... э-э... назад вы подтвердили... э-э... что мы не ошиблись... э-э... в вас и в своем решении... э-э... не проводить с вами никаких тестирований. А все-таки... э-э... шикарная лодка, правда? - сказал Шкворин, впервые повернувшись к Захарову, и тот увидел светящиеся глаза генерала.

- Вы не хотите... э-э... на нее посмотреть? - спросил он.

- Зачем? Я ее недавно видел, - ответил Захаров.

- Ну... э-э... может, что-то новое увидите, - сказал Шкворин, приглашая Захарова к себе.

Тот не стал отказывать генералу и подошел к окну, увидев стоящий у пирса «Морской лев» с выстроенным на его палубе экипажем.

- Извините, Вячеслав Яковлевич, я сейчас, - сказал Захаров и, отвернувшись от него, связался с Березиным:

- Внимание! На связи командир: вызывает ноль второго.

- Ноль второй на связи.

- Отправляйте экипаж на обед, а после обеда продолжайте предподоходную подготовку.

- Есть, - ответил Березин.

- Вы... э-э... даже не сделали выговора Березину, а знаете... э-э... почему? - сказал Шкворин, когда Захаров вновь повернулся к нему.

- Потому что за все отвечает командир. Если я отдал приказ на построение, значит, исключая экстренные ситуации, никто не вправе его отменить, кроме меня. Поэтому команду на роспуск экипажа должен был давать я, а не Березин.

- Значит... э-э... Березин правильно поступил, теряя время... э-э... стоя вместе со всеми в строю, ожидая вашего приказа.

- Да.

- А если бы... э-э... вы до ужина не вспомнили о них?

- Вспомнил бы, а если бы не вспомнил - значит, так было нужно.

- Кому?

- Командиру.

- Правильно. Потому что командир... э-э... как никто другой отвечает за корабль и весь экипаж... э-э... и поэтому только ему... э-э... принимать решения и их отменять. А если это будет делать... э-э... кто-то другой вместо него... э-э... тогда неизбежно возникнет хаос. В каждом доме... э-э... должен быть хозяин... э-э... и, если его нет, это всегда приводит к беспорядку. Согласны?

- Да, - ответил Захаров.

Шкворин читал его мысли, но он об этом не думал: ему казалось, что генерал говорит какие-то банальности, о которых не стоит и упоминать.

- Вы... э-э... Иван Алексеевич, далеко пойдете. Если все удачно сложится... э-э... и время подтвердит... э-э... что мы действительно в вас не ошиблись, и вы... э-э... как истинный член Коммунистической партии... э-э... будете со свойственной вам энергией... э-э... добиваться от себя и своего экипажа выполнения поставленных задач, то... э-э... в недалеком будущем вы можете получить генерала...

- Вы хотели сказать «вице-адмирала», - поправил его Захаров.

- Да... э-э... конечно, вице-адмирала, но не в этом суть. Впоследствии... э-э... вы можете стать моей правой рукой...

- Давайте лучше поговорим о предстоящем задании, - сразу осекся Захаров. - Мы практически не готовы к тому, чтобы идти в Персидский залив и отстаивать там интересы Советского Союза. Там, как я понимаю, намечается империалистами наземная операция. Я, конечно, не знаю, но почему наше правительство не предоставит помощь в виде военных специалистов, как это делалось раньше? А что мы?! Мы только и можем разве что сорвать переброску техники да нанести несколько ракетных ударов, которые хоть и внесут панику в стан американцев, но остановить их наступающие войска, по-моему, не в силах. Если, конечно, не применять крылатые ракеты с ядерными боеголовками, но это чрезвычайное обстоятельство и для их запуска вашего приказа, я думаю, будет маловато, несмотря на то, что это не баллистические ракеты и убойная мощность у них в сотни раз меньше.

- Сколько сразу вопросов... э-э... Иван Алексеевич. А я ведь... э-э... уже было начал верить... э-э... в наши доверительные отношения, - сказал генерал. - Ну, да ладно. Я рад... э-э... тому, что вы мне указали... э-э... на границу моей власти, сказав о своем желании... э-э... соблюдать четкую субординацию в отношении отдачи приказов. Это все же... э-э... хорошо. А что до применения ядерного оружия... э-э... то я думаю, дело до этого не дойдет. Мы... э-э... никогда и не позволим, чтобы наши враги... э-э... получили в свои руки такой козырь.

- Вячеслав Яковлевич, мне нет дела до козырей. Вы можете мне объяснить, почему мы не в состоянии оказать Ираку более действенную помощь, нежели просто посылать нас? И еще: сколько по времени люди из моего экипажа безвылазно находятся на этой базе? Не случится ли через

несколько месяцев у них приступов клаустрофобии? На сколько затянется наш поход? Мне это необходимо знать. Или это тоже запрещено инструкциями?

- Вопросы, вопросы, вопросы... А кто... э-э... вам сказал об инструкциях? - спросил Шкворин.

- Канарейкин.

- А-а, Канарейкин, - фамилия Канарейкин расслабляющее подействовала на генерала. - Тогда... э-э... понятно. Он, наверное, насмерть... э-э... вас запугал всякими инструкциями, предписаниями? - уже улыбаясь, спросил генерал.

- Да нет. Только туману нагнал.

- Туману?! Ну... э-э... это он может. Не обращай внимания, делай свое дело, а все остальное само собой устроится.

- Как это? - спросил Захаров.

- Так. Тебя... э-э... не должны интересовать всякие... э-э... вопросы типа дисциплины или взаимодействия экипажа. Ты... э-э... должен будешь сосредоточить себя... э-э... на выполнении поставленных задач, а остальное... э-э... тебя не должно интересовать. Понимаешь?

- Не понял. Почему не должно интересовать?

- Нет... э-э... конечно, тебя это должно интересовать, но... э-э... не нужно придавать этому столько значения. Этим должны заниматься другие люди, например... э-э... ваш старпом или... э-э... командиры боевых частей... замполиты, что ли... я и сам точно не знаю.

- В моем экипаже должность замполита отсутствует.

- Да, я знаю: мы... э-э... пошли на это в целях сокращения численности экипажа. Зачем нам нужен лишний рот... э-э... когда его функции можно разбить... э-э... и поручить другим? Так ведь?

- Наверное. Но я должен быть в курсе всего происходящего на моей лодке, а не узнавать одним из последних. Это же может привести к утрате авторитета среди членов экипажа.

- Вы... э-э... безусловно, будете в курсе. Березин... э-э... на которого возложена эта функция, о которой мы сейчас с вами говорим... э-э... проинформирует вас в установленное время, а пока... э-э... зачем вам знать все инструкции, которые... э-э... может, никогда и не понадобятся? Зачем... э-э... я вас спрашиваю, вам... э-э... этим забивать себе голову,

когда нужно сосредоточиться на главном... э-э... на выполнении поставленной задачи?

- Хорошо, тогда давайте поговорим о насущном - о поставленной задаче. Сколько времени находятся в этом подземелье члены моего экипажа? И на сколько вы предполагаете наше пребывание у берегов Персидского залива?

- Ну, что с тобой делать... э-э... опять ты задаешь вопросы.

- А как же иначе, Вячеслав Яковлевич?

- Никак. Ладно, что ж с тобой поделаешь, - неохотно согласился Шкворин. - На службе... э-э... в нашем управлении... э-э... некоторые члены вашего... э-э... Иван Алексеевич, экипажа находятся уже по нескольку лет. Именно в этом «подземелье»... э-э... как вы сказали-то, кто сколько... э-э... кто-то пять месяцев, а кто-то и около года.

- Безвыездно?

- Нет, почему... э-э... у них был отпуск, совсем недавно. За две недели... э-э... до вашего приезда на базу все вернулись из месячного отпуска. Что... э-э... так сильно опасаетесь появления во время плавания... э-э... случаев клаустрофобии?

- Да.

- Хочу вас... э-э... сразу заверить, что члены вашего экипажа специально отобраны и им эта болезнь... э-э... если так можно выразиться, не грозит.

- И все же сколько продлится поход?

- Кто его знает... э-э... может, полгода, а может, и год. Все будет зависеть... э-э... от того, как будет развиваться конфликт. Может так случиться... э-э... что через три месяца он... э-э... сам собой рассосется. Никто этого не знает. Сейчас... э-э... вы выходите в море. Когда... э-э... прибудете в район действий... э-э... свяжитесь непосредственно с нашим разведывательным штабом в Багдаде, от них... э-э... вы получите дальнейшие указания.

- Понятно. Во сколько намечен выход?

- Пятого августа, в восемнадцать ноль-ноль.

- Ясно. Разрешите быть свободным?

- Разрешаю. Не забудьте пакет с заданием, - и генерал снова вынул из кармана желтый конверт. - Да... э-э... откроете его, когда выйдете в море.

- Хорошо, - Захаров взял из его рук конверт и пошел к выходу, облегченно вздыхая. «Наконец-то закончился этот тянучий разговор, и теперь можно заняться непосредственно своим делом», - подумал про себя Захаров. А Шкворин снова отвернулся к окну, закурился сигаретой.

Запись датирована 5 августа 1990 года

В назначенный день выхода «Морского льва» в море Захаров уже с самого утра был на его борту. Две стрелы погрузочного крана, вмонтированные в передвигающуюся платформу на пирсе, грузили недостающий боезапас ракет и торпед. Шкворин вопреки ожиданиям Канарейкина не стал покидать базу, решив самолично отправить «Морского льва» в поход, чем доставил ему огромное количество хлопот. Где бы ни появился Шкворин, везде его сопровождал Канарейкин, который, кажется, даже забыл про все свои обязанности, став в эти дни личным адъютантом генерала.

Пройдя по палубе «Морского льва» и узнав о ходе проведения подготовки к походу, попутно выслушав доклад Заленского о технических нуждах ракетного отсека, Захаров спустился на центральный пост, где увидел Карташова в окружении офицеров, прибывших с генералом.

- Видишь, кодировка не подходит, - сказал Карташов.
- Не страшно, сейчас Олег этим займется. А пока давай распакуем базу данных по Израилю.

- Сергей Александрович, можно вас на секундочку? - позвал Карташова Захаров.

- Да, я сейчас... как распакуете, отдайте «папику». Он сам найдет, куда их поместить. Если не получится установить свой перекодировщик, попросите «папу»: у него должен быть свой, может, он возьмет? А я сейчас вернусь...

Захаров знаком вывел его из отсека, пройдя с ним к себе в каюту. Сев напротив него, Захаров включил свой ноутбук, сказав:

- За их действиями можно следить и отсюда.

- Знаю. Я же сам писал программу скрытого слежения за всеми проводимыми действиями в системе.

- Как вам эти вновь прибывшие специалисты?

- Нормально, - удивленно ответил Карташов.

- Я тебя спрашиваю не о том, как с ними тебе работается. Как ты думаешь, могут они какую-нибудь заразу притащить в систему бортового компьютера?

- Какую заразу? - не поняв вопроса, переспросил Карташов.

- Ты прикидываешься или, правда, не понимаешь? - повысил свой голос Захаров. Карташов на миг растерялся, но потом, приняв серьезный вид, ответил:

- Капитан, я за всем слежу. Не волнуйся, все будет тип-топ, - он достал из кармана пластмассовую коробку и, открыв ее, пояснил. - Они у меня все под контролем, у всех уже сидят жучки и микрокамеры. Вот, смотри... - и он повернул маленький экран. - Вот этот - его зовут Олег. Видишь, я могу посмотреть, что он сделал и сказал пять минут назад, нажав пару клавиш:

Захаров увидел прыгающие показатели голоса, а в своих наушниках услышал разговор. На маленьком экране камера фиксировала все, что находилось перед наблюдаемым. Захаров, не ожидавший такого эффекта, буквально привстал.

- Ничего себе, ты что, им не доверяешь? - шепотом спросил он.

- А ты?

- Я? Ну, как тебе сказать...

- Вот и я тоже. Эти гаврики останутся здесь, а мне в море идти. Кто их знает, что они могут засунуть туда, - он показал на компьютер, - на случай непредвиденных ситуаций. Понимаешь меня?

- Да, - еле слышно сказал Захаров. Он почувствовал, что не один озабочен странной подозрительностью, которая навязывается сама собой и побуждает видеть, что происходит за твоей спиной, и, исходя из этого, сто раз подумать, прежде чем ответить на поставленный вопрос.

- Ну, я пошел, - бодрым голосом сказал Карташов.

- Да, идите.

Захаров остался в той же позе, в какой и был, продолжая думать о том, кто еще на лодке держит ухо востро, а кто, как Березин, наблюдает и работает непосредственно на Шкворина. Захарову было очень неприятно осознавать, какая нездоровая атмосфера складывается на «Морском льве» из-за всеобщей подозрительности. Он всегда стремился сплотить экипаж одной целью, одной задачей. Обстановка всеобщего недоверия не давала ему ни малейшего шанса достичь желаемого, а даже, наоборот, заставляла его быть очень осторожным, перепроверяя всех по нескольку раз, прежде чем решить что-то доверить. Он вспомнил времена, когда служил на Северном флоте, когда его команда была как одна семья. «Тогда все было значительно легче, но этого уже не вернуть», - подумал с горечью Захаров.

Под ногой хрустнула ветка и провалилась земля, он не устоял на одной ноге и покатился по траве сквозь росшие повсюду кустарники. Зеленая листва быстро поглотила его в своем чреве. Цепляясь руками за все, что попадалось на пути, он пытался остановить беспорядочное движение своего тела. Но все было тщетно: хрупкие травинки оказались тонкими нитями и не в состоянии были воспрепятствовать его судьбе. Прокатив, подобно бильярдному шару, еще несколько метров, неведомая сила швырнула его с обрыва. Реле, контролирующее питание его сознания, отпало вниз, и оно исчезло с той же скоростью, с какой исчезает изображение с экрана телевизора.

- А-а-а-а, - выдали инстинктивно его голосовые связки.

Пролетел метров тридцать; ветер бросил его на камни. И, как только его тело соприкоснулось с застывшим песком, раздался погребальный марш сломанных костей, известивший его о попадании в новое измерение, о котором он даже и не помышлял.

От повторной встречи с землей внутри него произошла встряска, отчего реле сознания вновь замкнулось, и его открытые глаза передали ему ускользающий куда-то солнечный свет.

- Вот он, девочки, бегите скорей сюда, - кричала одна из его спутниц.

- Что с ним? – подбежав, спросил высокий парень.

- Он живой? - еще издали поинтересовалась подхлотившая женщина.

- Вроде уже нет, - ответил парень.

Их образы медленно таяли в его глазах, но с ним еще оставались голоса, доносившие до него их тревогу. А он не мог ни двинуться, ни повернуться, только

чувствуя, как мало-помалу становится частью всей мировой картины, растворяясь в ее красоте и уплывая куда-то в даль.

Эти мысли бродили в его голове, пока в наушнике не раздалось:

- Ноль третий вызывает ноль первого.

Захаров еще сидел неподвижно, и только когда в третий раз повторился призыв, он очнулся, словно после оглушительного удара.

- Ноль первый на связи, - погасшим голосом отозвался Захаров.

- Иван Алексеевич, реактор и силовая установка готовы к походу, - доложил Фирсов.

- Хорошо, через двадцать минут буду у вас, так что подготовьте полный доклад о готовности всего вверенного вам хозяйства.

- Есть, - ответил Фирсов.

Затем Захаров вышел из своей каюты и отправился по всем отсекам «Морского льва», лично проверяя каждый на предмет его готовности к походу.

Благодаря тому что на подводной лодке несколько дней уже шла подготовка к походу к Алеутским островам, экипажу «Морского льва» удалось без особой спешки подготовить субмарину к предстоящему походу. Произведя полную комплектацию ракетами, провизией и кое-какими расходными материалами, «Морской лев» уже к обеду был практически готов к выходу в море. И вот, когда программа подготовки вступала уже в завершающую стадию, на пирсе появился весь взъерошенный Канарейкин.

- Где Захаров? Ты знаешь, где Захаров? - останавливая всех, кто мимо него проходил, спрашивал Канарейкин и, не дожидаясь ответа, бросался к следующему идущему ему навстречу человеку. Вспомнив о телефоне, он тут же махнул рукой на разговаривавшего с ним подчиненного, достал из кармана пиджака трубку и начал звонить.

- Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, вы меня слышите? - раздался в наушнике у Захарова тревожный голос Канарейкина.

- Я на связи, Леонид Сергеевич, - ответил Захаров.

- Ой, беда, беда, Иван Алексеевич...

- Случилось что ли чего?

- Мины, мины-то не загрузили...

- Ну и что? Они же не предусмотрены программой подготовки к походу.

- В том-то и весь фокус, что не предусмотрены. Меня только что спросил про мины Шкворин, и я ему так же доложил, как и вы мне, а он сказал, что этого не могло быть, и показал мне свою программу подготовки. А там почему-то стоят в общем списке загрузки вооружения двенадцать мин. Я не знаю, откуда у него эта фактура... В общем, нужно грузить, Иван Алексеевич.

- Как грузить? Нам же тогда придется половину торпед выгрузить, прежде чем начать их загружать.

- Иван Алексеевич, грузи, грузи быстрее, времени до выхода немного осталось.

И вновь на пирсе все и вся засуетилось. Канарейкин даже отрядил на погрузочно-разгрузочные работы всех свободных людей, в том числе и из роты охраны базы, видимо, полагая, что это поможет произвести погрузку мин быстрее. Но получился обратный эффект: прибывающие на пирс люди не только не ускорили весь процесс, а даже, наоборот, мешали, толпясь около стрел подъемных кранов.

Когда часы показали восемнадцать ноль-ноль, появился Шкворин. К этому сроку все уже было исправлено и «Морской лев» был полностью готов выйти в море. Захаров выстроил экипаж подводной лодки на ее палубе позади боевой рубки. Ему было не совсем привычно видеть, как его подчиненные, стоящие в строю, одеты в форму номер три. Синие комбинезоны вместо парадной формы совсем не подчеркивали праздничной минуты - выхода в море. Пойти на этот шаг, противоречащий всей сущности Захарова, убедил его Канарейкин, объяснив это тем, что генерал не любит парадов. Еще одно обстоятельство, которое смущало Захарова, состояло в том, что ему в этот торжественный момент пришлось обращаться не к адмиралу, как он привык за время службы, а к армейскому генералу. Все эти новшества вызывали у него аллергию с тошнотой в желудке. И все же, мобилизовав все свои силы и дождавшись времени для прощания, Захаров скомандовал:

- Экипаж! Равняйся! Смирно!!! Равнение на середину, - прессируя шаг, Захаров подошел к Шкворину, тот вытянулся по стойке «смирно».

- Товарищ генерал, экипаж подводной лодки «Морской лев» построен! Предпоходовая подготовка завершена!

- Добро, товарищ Захаров, - ответил Шкворин.

- Разрешите выход в море для выполнения поставленной боевой задачи?

- Разрешаю.

- Есть.

И тут вместо песни «Прощание славянки» почему-то заиграл гимн Советского Союза. Захаров встал словно загипнотизированный, он погрузился в состояние беспричинной радости. Эйфория овладела всем его существом, он готов был умереть за Родину в эту минуту. Готов был выполнить любой ее приказ.

Плотное, склизкое мышечное тело восьмиметрового королевского питона извивалось вокруг толстой ветки, служившей декорацией в террариуме, где он обитал. Наступало время кормления, и питон уже чувствовал его приближение по скрежету в своем желудке и острой боли в голове. Забравшись на дерево, он всегда дожидался там, когда зрители террариума запустят к нему несколько живых мышек. Но в этот раз в его обиталище появилось лакомое блюдо, которого он уже давно не пробовал: на стекле, прижав уши, сидел довольно крупный кролик.

- Смотри, смотри, сейчас начнет, - шепнул рыжеволосый парень стоящей рядом с ним девушке.

- Кролика жалко, он сейчас заорет, наверное, - сказала она.

- Заорет, когда начнет идти к нему в пасть. Тогда и начнется самое интересное.

Между тем плоская треугольная голова питона повернулась в сторону своей жертвы. Кролик же, не замечая наверху питона, обнюхивал пространство вокруг себя. Огромных размеров змея, не сводя с него глаз, начала спуск на землю. Почувствовав мягкое движение наверху, кролик поднял голову и, увидев питона, рванул в дальний угол террариума.

- Дима, Дима, он сейчас его съест, - залепетала девушка.

- Конечно, съест, он же голодный.

- Давай спасем кролика.

- Зачем? Ты же сама целую неделю говорила, что хочешь на это посмотреть.

- Я передумала.

- Теперь уже поздно, но если тебе его очень жаль, я могу показать одну вещь, которая тебя развеселит.

И тут послышался истошный визг - знак того, что питон уже завладел кроличьим мозгом, загипнотизировав его. Ушастый комок меха, пища в знак своего несогласия и упираясь передними лапами, все же двигался каким-то чудом навстречу своей смерти.

- Дима, Дима. Я больше не могу, он сейчас его сожрет, - взмолилась девушка.

- Сейчас, сейчас.

До раскрытой пасти питона уже оставалось не больше метра, как в комнате громко раздались раскаты воинственной оркестровой музыки, заглушающие молящий о помощи писк кролика.

Змея закрыла пасть от нежданного звукового вмешательства в драматическую сцену, продолжая впиваться глазами в свою жертву. Кролик же,

напротив, почему-то больше не упирался, а встал на все свои четыре лапы и, вытянувшись вверх, продолжил каким-то неестественным образом, словно механически, переставлять их навстречу съезжившемуся питону, гордо подняв мордочку вверх. Шерсть на нем вздыбилась, торча во все стороны, казалось, что не змея, притаившаяся у дерева, сейчас съест его, а он проглотит ее. Но случилось то, что определено природой. Воинствующий кролик подошел к уже вновь открытой пасти пресмыкающегося и замер, а питон, видимо, очнувшись, раскрыл снова свою пасть, медленно начал поглощать живого кролика, растягиваясь до невероятных размеров. И, когда бедное животное стало задыхаться, дремлющий первородный инстинкт самосохранения проснулся, и кролик возобновил борьбу за свою жизнь. Но было уже слишком поздно. Мощное тело питона в одно мгновение удушило его, как только он заявил о своей попытке спастись. Спустя несколько минут питон, уже растянувшись вдоль всего террариума, мирно переваривал свою жертву. По выпуклости в середине его тела можно было видеть местонахождение только что съеденного кролика.

- Слушай Дим, все кролики становятся такими? - удивленно и даже немного напуганно спросила девушка

- Не знаю, наверное, только кролики-патриоты на такое способны, - пожал плечами, ответил парень.

- Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, - позвал его Канарейкин, когда музыка гимна перестала играть.

- Да, - словно очнувшись, ответил Захаров.

- Командуйте отход, - сказал Шкворин и протянул руку для прощания. Захаров, мимоходом пожав ее, зычно протрубил:

- Экипаж! Слушай мою команду! Всем стоять по местам! Отдать швартовы!

- Ну, Захаров, давай, ни пуха ни пера. Сколько поросят готовить - кажется, на Северном флоте такая традиция? За каждый потопленный корабль один хвостик полагается? - спросил Канарейкин.

- Лучше сплуньте да по дереву постучите, - ответил Захаров.

- Да ладно, чего там, давай что ли обнимемся на прощание, - сказал Канарейкин, и Захаров обхватил его корпус обеими руками, не замкнув кольца на его спине.

На палубе лодки в это время уже никого не осталось, кроме швартовой команды: они отвязывали концы, а вверх лениво взметнулись два фонтана воды. Брызги упали рядом с провожающими, за спиной Канарейкина был выстроен весь личный состав базы, и вода фыркающего «Морского льва» коснулась первого ряда. Захаров не спеша, размеренным шагом, вошел на борт. Трап, соединяющий подводную лодку с пирсом, тут же убрали, и субмарина осторожно начала отходить от причала.

Чтобы выйти в открытое море, подводная лодка, как только отчалила от причала, на несколько метров тут же погрузилась по рубку. После этого в противоположной стороне пещеры открылись ворота. И, как только две воды слились в единое целое, «Морской лев», повернув нос к воротам, медленно вышел из своего логова.

Захаров стоял на ходовом мостике боевой рубки, самолично контролируя процесс управления подводной лодкой. Гонимые ветром пятнистые облака, скрывшие собой уходящее за горизонт солнце, стадом шли на северо-восток. Берингово море приветливо встретило их, ласково глядя своим прикосновением рубку субмарины. Захаров оглядел горизонт в бинокль и, не найдя ничего привлекательного, скомандовал: «Погружаемся!» Короткое свидание со вселенским светом он прервал резко, чтоб не позволить себе впасть в его соблазнительный гипноз очарования. И когда уже спускались вниз, в тусклом сиянии плафонов мигали слова: «Погружение, погружение, погружение...»

Запись датирована 5 августа 1990 года

- Всем внимание: «Морской лев» вышел на курс, - сообщил центральный компьютер по громкоговорящей связи.

Спустя двадцать минут после погружения «Морской лев», словно пес, взял след и практически уже без участия человека направился к следующей точке изменения курса.

- Внимание экипажу: начинаем работать согласно штатному расписанию, - скомандовал Березин.

На центральном посту тут и там началось оживление, свободные от вахты люди начали покидать свои рабочие места, а Захаров, потянувшись, приподнялся со своего места.

- Товарищ Березин, - обратился Захаров к сидящему на месте вахтенного офицера Березину.

- Да, товарищ командир.

- Пойдемте со мной, - пригласил Захаров.

И, не дожидаясь его, Захаров пошел на выход из центрального поста. Войдя в каюту, он сразу вынул из кармана желтый конверт, отданный ему Шкворинным при беседе с глазу на глаз, и, положив его на стол, обратился к Березину:

- Вот, Григорий Олегович. В этом конверте, видимо, наше задание, - сказал Захаров. Березин стоял, молча смотрел на командира. - Чего стоите - распечатывайте и читайте, что там написано.

Березин взял конверт и, взломав пять сургучных печатей, вскрыл его. Достав белый прямоугольный листок бумаги, он впился в него глазами.

- Ну, что там? - спросил Захаров в нетерпении.

- Быть двадцать четвертого августа в квадрате пятьдесят два - девяносто три, - ответил Березин.

- И все?

- Так точно.

- Невелико послание оказалось. Ну да ладно, огласите тогда, товарищ Березин, этот приказ всему экипажу, - сказал Захаров, а сам подумал: «Значит, приказы будут отдавать по частям, чтобы сразу не увидел всю картину. А старпом наверняка знает, что мы в этом заливе делать будем. Что ж, подождем».

- Разрешите идти? - козырнул Березин.

- Идите, - ответил Захаров, сев на стоящий позади него стул.

Дверь хлопнула, и он остался наедине со своими мыслями. Спустя несколько минут донесся из динамика голос Березина, сухо зачитывающего текст из конверта, вскрытого в каюте Захарова.

«Вот ведь, даже от себя ничего не добавил. Хоть бы пожелал успешного выполнения поставленной задачи», - думал Захаров, слушая Березина. Посидев еще немного, он посмотрел на часы. Большая стрелка уже незаметно подкрадывалась к двенадцати, а маленькая уже прочно обосновалась на семерке, свидетельствуя о наступлении времени ужина. Заметив это, Захаров поднялся и пошел в

офицерскую столовую. Еще на подходе к ней до его слуха донесся веселый голос Карташова:

- Да где там, наш «папик» весь экипаж, всех, вместе взятых, обыграет.

- Меня-то он не обыграет. Я в свое время был чемпионом области.

- Да будь хоть ты гроссмейстером, у него знаешь какая скорость операций в секунду?

- Ну какая, какая?

- До сорока миллиардов, и плюс аналитический чип.

- О чем спор? - спросил прямо с порога Захаров.

- Да вот Михаил Петрович грозитя переиграть нашего «папика» в шахматы.

- Хорошо играете? - спросил Захаров.

- Вряд ли на нашей лодке найдется человек, который бы меня обыграл, - сказал Фирсов.

- Я тоже неплохо играю. Думаю, что перед тем как составить конкуренцию нашему бортовому компьютеру, мы бы смогли сначала между собой выяснить отношения, - предложил Захаров.

- Точно: сыграй сначала с командиром, а кто из вас победит - тот и с «папиком» сразится, - сказал Карташов.

- Годится. Просто так играть будет неинтересно, поэтому для затравочки предлагаю: кто проиграет, пусть вымоет каюту выигравшего.

В каюте повисла пауза, Карташов посмотрел на Захарова, а тот глядел прямо в глаза Фирсову.

- Михаил Петрович, это перебор: как вам командир будет мыть вашу каюту?

- Обыкновенно как... - не сводя своих глаз с Захарова, ответил Фирсов.

- Согласен, - твердо ответил Захаров.

- Когда играть будем? - спросил Фирсов.

- Сразу после ужина, чего тянуть, - сказал Захаров.

- Победителя определим по сумме двух партий. Если обе закончатся вничью, тогда бросаем жребий: и кому какие выпадут, тот такими и будет играть. Ничья будет считаться как выигрыш для того, кто играл черными. Согласны? - предложил Карташов.

- Да, - хором ответили оба.

- Ну тогда все, давайте ужинать, вот и вестовой пришел, - сказал Карташов, встречая подошедшего к ним матроса, принесшего на подносе ужин на двоих.

- Еще одну порцию принеси, - сказал Карташов, отдав свою Захарову.

После ужина было объявлено о матче между Фирсовым и Захаровым. Все свободные от вахты люди пришли посмотреть игру. Набившись в кают-компанию, они плотным кольцом окружили двух противников, сидящих за журнальным столиком, на котором стояла шахматная доска с заблаговременно расставленными фигурами. Захарову достались черные, и он сразу начал вести игру на ничью. Выстроив умело защиту, он смело разменивал фигуры, уменьшая их количество на доске, что и привело в конечном счете к желаемому результату. Обрадовавшись достигнутому, вторую партию он начал с некоторым воодушевлением, рассчитывая на скорый успех. Но не тут-то было: с первых же ходов на черно-белом поле завязалась очень вязкая борьба. Захаров, в этот раз всячески уклоняясь от разменов, открыто наступал на всех флангах, удерживая середину поля. Но все его атаки умело отбивались Фирсовым, и тут Захаров впервые почувствовал, насколько силен его противник. Излюбленными фигурами Захарова были кони. И в этой партии он очень умело ими действовал, постоянно докучая шахами черного короля. Полагая, что победа уже не за горами, он на семьдесят пятом ходу в подмогу своей коннице дополнительно ввел в бой слона. И этот ход неожиданно для Захарова привел к пату.

Начиналась третья партия, кондиционеры уже не справлялись с нагрузкой, и в кают-компании стало душно. Было решено прервать состязание и продолжить его на следующий день.

- А вы сильный соперник, Иван Алексеевич, - выходя из-за стола, сказал Фирсов.

- Вы тоже не лыком шиты, - сказал Захаров в ответ.

- А ты хотел еще с «папиком» сыграть, - сказал Карташов, собирая со стола шахматные фигуры.

- А почему не сыграть - может, я еще и выиграю у командира?

- Вряд ли. Сейчас-то ничья вышла только из-за того, что ты сам в пат впрыгнул.

- Это неважно: главное - результат, а не то, каким способом он достигнут. Третья партия вообще от случая зависит. Если мне выпадут черные, то я уж точно выиграю.

- А если Ивану Алексеевичу? - спросил Карташов.

- Тогда он. Вничью свести легче, чем выиграть. Ломать - не строить.

На следующий день Карташов удивил всех чудом технического оснащения «Морского льва», организовав прямую компьютерную трансляцию решающего матча из кают-компании во все отсеки подводной лодки. Поэтому, кроме него, Захарова и Фирсова, в кают-компанию больше никого не пустили. После жребия, который также транслировался, Захарову достались белые фигуры, и Фирсов, уже потирая руки в предвкушении того, что командир нынче вымоет его каюту, с победной улыбкой начал игру.

Первые четырнадцать ходов ферзевого гамбита не обеспечили приоритета ни одной стороне. И казалось, что партия теперь вяло покатится к ничьей, тем более что Захаров больше уже не уклонялся от разменов. Очередной обмен пешками приблизил кульминацию всей партии, после чего уже можно было говорить с большой долей вероятности о ее дальнейшем исходе. И тут Захаров выпустил вперед своих троянских коней, вынудив Фирсова принять их жертву, оплатив это своим ферзем. Потеря самой сильной фигуры сыграла решающую роль, после чего маятник удачи уже все более и более склонялся к Захарову. И прежде чем Фирсов успел ретироваться в глухую защиту, белые, пользуясь своим преимуществом, смело разряжали обстановку на доске до тех пор, пока черный король не остался практически голым. И тогда Захаров нанес последний удар, итогом которого стал мат всей черной гвардии.

- Вам мат, Михаил Петрович, - сказал Захаров, отрывая пальцы от белого ферзя.

- Точно, мат. Ну все, теперь придется идти командирскую каюту чистить, - вставая, сказал Фирсов.

- Не торопитесь, - остановил его Захаров.

- Чего ждать-то?

- Не нужно ничего мыть. Это вы, может, со мной на это играли, а я с вами просто так, на интерес играл.

- Прощаете, что ли? - спросил Фирсов.

- Нет, при чем здесь «прощаю»? Просто я с вами на это не играл.

- Но вы же согласились?
- Да.
- Так чего же? Если б вы проиграли, тогда бы вам пришлось скрести мою каюту, а раз я проиграл - значит, мне придется вашу...
- Вы не поняли: я не хочу, чтобы вы этим делом занимались.
- Почему? Я же проиграл.
- Ну и что. Я выиграл - значит, могу отменить наш уговор. Так?
- Может быть.
- Да ладно спорить-то, - вмешался в разговор Карташов.
- Не хочет командир - значит, не надо: хозяин - барин. Он выиграл, ему и выбирать наказание.
- Правильно, послушайте Сергея, он же у нас судьей был, - сказал Захаров.
- Ну, как хотите. Просто я привык: раз уговорились - значит, исполняй.
- Иван Алексеевич, Иван Алексеевич, может, теперь с «папиком» сразитесь? - спросил Захарова Карташов.
- Нет, с компьютером играть не буду.
- Почему?
- С ним неинтересно. Когда с человеком играешь, то видишь его самого и его эмоции в эти минуты, его настроение, его мимику, а здесь, хоть, может, и смышленная машина, но она все же машина. Игра же в шахматы - не сухая борьба интеллекта, а психологическое соперничество двух умудренных душ.
- Командир, вы что, в Бога веруете? - спросил Фирсов.
- А при чем здесь это?
- Ну, как же при чем? Вы только что сказали про душу. Значит, верите в ее существование, а может, и в какое-нибудь их переселение. Нет?
- Во-первых, мы все во что-то верим. Кто-то верит в Бога, а кто-то верит в то, что его нет. Именно верит в это, а не считает, что Бога нет, потому что без веры человек не может жить, она ему необходима как воздух. Что же касается меня, то я верю в мою Родину, в Коммунистическую партию Советского Союза, в дело Ленина и в себя самого. А насчет души я вам так скажу, Михаил Петрович: я верю в собственное «я». Верю, что оно бессмертно, как и память нашего народа об ушедших от нас навсегда людях,

прославивших свое Отечество. И как мое «я» называется, душой или некой субстанцией, - мне это глубоко безразлично.

- А к Богу как относитесь? - допытывался Фирсов.

- К Богу я никак не отношусь, потому что у меня нет достоверных фактов как о его существовании, так и о том, что его нет. Понимаете, Михаил Петрович: раньше люди думали, что Земля плоская, и искренне верили в это, но наша планета всегда имела форму шара. Можно верить или не верить - что толку. Если он есть, так оттого, что я в него поверю или нет, ничего же не изменится. Мне кажется, ответ на этот вопрос каждый узнает, когда его дни подойдут к концу. Вот тогда и я решу, есть он или же его нет, а сейчас я к этому вопросу отношусь примерно так же, как к вопросу: Есть ли жизнь на Марсе?

- Интересная точка зрения. А я вот, признаюсь, не верю в Бога. А знаете почему? Потому что его нет, - с усмешкой сказал Фирсов.

- Значит, не будете, Иван Алексеевич, с «папиком» играть? - снова спросил Карташов.

- Нет.

- Жаль, - ответил Карташов.

- Зато я потом с ним сыграю. И у него уж я точно выиграю, - заверил всех присутствующих Фирсов.

- Желаю вам удачи, - напутствовал Захаров.

- Спасибо и благодарю вас за игру, командир, - сказал уже уходя, Фирсов.

- Пожалуйста, - ответил Захаров, взглянув на часы: заметив приближение времени его вахты, также поспешил вслед за Фирсовым покинуть кают-компанию.

Запись датирована 9 августа 1990 года

На четвертые сутки похода «Морской лев» был неподалеку от острова Гуам Мариинской гряды. За это время субмарина Захарова прошла более шести тысяч километров, оставив за кормой Курильские и Японские острова.

На поверхности стояло небесное великолепие, океан, спокойно дыша, переливался бликами света. Подняв перископ впервые за все время плавания, Захаров увидел на экране искусственное отображение действительности. В обычный окуляр поле зрения хоть и было меньше, но все же чувствовалась жизнь. Именно перископ для Захарова стал естественной связующей нитью с поверхностью - с реальным миром. Когда подводная лодка высывала его, то весь центральный пост наполнялся каким-то ароматом, похожим на глоток чистого, сразу после грозы, воздуха. Теперь Захаров был лишен этой крохотной возможности, оказавшись полностью изолированным от всего мира, который стал для него виртуальным. «Наверное, дует небольшой бриз, как хорошо было бы сейчас пойти на яхте», - подумал Захаров, и душа облизнулась, а он, тяжело вздохнув, посмотрел на часы. Была половина восьмого. «В Москве уже вечер, и у нас тоже, а на поверхности день только в самом разгаре. Мы словно в разных измерениях», - буркнул про себя Захаров.

- Да, в Москве уже вечер, у нас в Горьком тоже за вечерело, - слышались в наушниках слова Алферова.

Захаров давно удивлялся этому парадоксу: живешь по одному времени, а находишься совсем в другом.

- Бывало, в это время, как раз под вечер, пойдешь на Волгу: вода теплая, как топленое молоко, даже пар поднимается. Искупаешься, а вокруг такая тишина - прямо бездна какая-то. Хорошо. Только кое-где пароходы гудят, - мечтательно сказал Алферов.

- Так ты волжанин? - удивленно спросил Захаров, пытаясь зацепить разговор и развить интересующую его тему.

- Да, а что? - быстро осекся штурман, вспомнив об инструкции.

- Да нет, ничего, просто я тоже с Волги, в Рыбинске жил, - тут же пояснил причину своего вопроса Захаров, чтобы не напугать собеседника и сохранить разговор на запретную тему. Но штурман больше не отвечал. Захаров вывел на правый экран лицо Алферова: тот был чем-то занят.

- Чего примолк, Алексей Николаевич? - спросил Захаров.

- Да не знаю, надо еще раз сверить местоположение лодки по гирокомпасу, вдруг после всплытия отклонились, - ответил Алферов несколько растерянно.

- Это бывает, только вахта уже закончилась.

- Ну, и бог с ним, сейчас сверю и пойду, - ответил Алферов.

«Морской лев» еще некоторое время шел на перископной глубине, а затем нырнул на сто метров. На центральном посту была объявлена готовность номер три, при которой в мозговом центре субмарины остаются восемь человек. Захаров встал и посмотрел в сторону, где сидит Алферов. Тот что-то еще делал или изображал какую-то работу. Иван Алексеевич не стал его беспокоить и пошел к выходу. Выйдя с центрального поста, он остановился в коридоре, решив дождаться штурмана. Через несколько минут тот показался в проходе и, очевидно, не ожидая увидеть Захарова, остановился.

- Иван Алексеевич? - растерянно произнес он.

- А я вас жду, может, пойдём в кают-компанию, поговорим, мы ведь как-никак, почти земляки.

- Да я даже не знаю, я хотел пойти поужинать, - попробовал отказаться Алферов.

- Я тоже еще не ел - может, ужин прямо и закажем в кают-компанию? Там посидим, поговорим.

- Я даже не знаю, - в нерешительности сказал Алферов.

- Тогда пошли в кают-компанию, - не замечая нерешительности штурмана, сказал Захаров. Вдруг рядом появился Березин: - Григорий Олегович, вы на ужин не собираетесь, а то пошли с нами.

Березин остановился, посмотрел на Захарова:

- Никак нет, Иван Алексеевич, я уже ужинал.

- Очень жаль, - зная заранее, что Березин откажется, сказал Захаров, - ну, тогда мы пойдём вдвоем, - Захаров,

почти беря за руку Алферова, повел того в направлении кают-компании.

Кают-компания располагалась на уровень ниже и находилась как раз под офицерской столовой, служа комнатой отдыха для всего экипажа «Морского льва».

Первым в благоухающий рай зашел Захаров. Направившись к аудиосистеме, он включил ее, и весь отсек погрузился в сладкие мелодии инструментальной музыки. Алферов тем временем устроился неподалеку от аквариума. Захаров, придвинув кресло, сел напротив.

- Командир вызывает камбуз, - сказал Захаров в свой микрофон

- Ноль первый, камбуз на связи, - тут же ответили.

- Принесите ужин на двоих в кают-компанию.

- Сейчас будет.

- Все не могу привыкнуть к такой оперативности, - сказал Захаров Алферову, снимая наушники. - Сейчас обещали принести ужин.

- Хорошо, - все, что мог, выдал из себя Алферов.

- Что с вами, Алексей Николаевич? - заметив нервную дрожь на лице штурмана, спросил Захаров.

- Ничего, - встрепешившись, ответил Алферов.

- Как же ничего, если вы как на электрическом стуле? - сказал Захаров.

- Даже не знаю, наверное, есть хочется.

В кают-компанию постучали. Отворилась дверь, и вестовой принес на подносе тарелки с салатами, картофельным пюре с тушенкой и компот.

- Так, сейчас поужинаем, - потирая руки, сказал Захаров.

Алферов ел осторожно, не говоря ни слова. После трапезы, когда тарелки были убраны, Захаров откинулся на спинку и, посмотрев внимательно на штурмана, сказал:

- Так мы с вами, Алексей Николаевич, оказывается, оба волжане.

- Я только там родился и жил до школы, а потом меня родители увезли во Владивосток, там я и прожил всю свою жизнь.

- А я в Заозерске, до того как попасть сюда, жил.

- Иван Алексеевич, зачем вы меня спрашиваете про мою прошлую жизнь? Вы же знаете: существует инструкция, которая запрещает подобные разговоры.

- Нет, не знаю, а если и знаю, что с того? Я здесь командир. Понимаете? Я здесь главная инструкция! Вы кого-то боитесь?

- Да нет, ну... в общем-то, не знаю, как сказать... Мы, когда еще были на базе... и когда вы еще не прибыли... то как было. Все подчинялись Березину, а он - непосредственно Канарейкину. Потом вы приехали, Березин стих понемногу...

- Что значит «стих»? - прервав Алферова, спросил Захаров.

- Ну, как?! До вас, знаете, какая муштра шла: все по инструкции и по правилам. Здесь не стой, лишнего не говори, все так строго было. Это, когда уж вы приехали, полегче стало.

- Я, значит, вам добреньким показался?

- Ну, не добреньким, а видно было, что вы не из их системы.

- КГБ?

- Ну, да.

- А Канарейкин каким был?

- Да Канарейкин в наши дела особо не лез. Практически такой же, как с вами, это только Березин с вашим приездом изменился. Он как-то с Заленским однажды сцепился, да мы уж Павла Витальевича отговорили... сказали: не лезь, а то накапает генералу - он тебя слушать не будет и вышвырнет с базы.

- А чего вы так за эту службу на базе уцепились? Пусть вышвыривает, может, на другом месте лучше будет.

- На нарах, что ли, лучше будет? Ой, я вам этого не говорил, - пролепетал штурман.

- Про что?

- Ни про что, - ответил Алферов.

- Так, стоп. Я здесь командир, вы меня поняли? Мне что, Березина вызвать, чтобы он подтвердил это? Может быть, тогда будете говорить, не боясь?

- Не надо никого вызывать: сейчас вы здесь командир, а, когда придем на базу, неизвестно, кто будет командовать.

- Я же и буду. Я все никак не могу понять: чего вы так боитесь?

- Я ничего не боюсь. Просто хочу остаться живым, и если я буду соблюдать инструкции - значит, со мной все будет в порядке. А вы, извините меня, пожалуйста, хотите усложнить мне мою жизнь. Вам-то что, вы-то все равно не

пострадаете, а обо мне вы подумали, задавая свои вопросы? - почти шепотом сказал Алферов.

- Так, хорошо, пошли ко мне в каюту, там договорим, - сказал Захаров, вставая из кресла. Оба через несколько минут покинули убаюкивающие стены кают-компания и, пройдя коридорами, зашли в каюту Захарова.

- Зачем мы сюда пришли? - спросил Алферов. - Что от этого изменится?

- Я пришел спать, время уже позднее, а вы мне на ночь сказку расскажите, как один мальчик жил в Горьком и летом любил ходить по ночам купаться на реку Волгу.

- То, что я тогда проболтался на центральном посту, можете забыть. Я, может, все придумал.

- Нет, не придумали. Все, довольно воду лить - ее и так за бортом предостаточно. Нас здесь никто не услышит: то, что вы расскажете, останется между нами, и никакой Березин об этом не узнает.

- Зачем вам моя прошлая жизнь? Мне иногда кажется, что ее и не было никогда, а я все сам придумал.

- Мне не только ваша прошлая жизнь нужна. Мне нужно еще все то, что вы знаете про базу и про Березина. Я же должен знать, кому доверять, на кого рассчитывать, коснись что случится. Или вы такой же пособник, как Березин? Тогда можете идти.

- Я никакой не пособник, просто хочу, чтобы мою жену из тюрьмы выпустили и мы нормально жили с ней, как все люди.

- А что с вашей женой?

- Ничего.

- Опять будем в прятки играть?

- Нет. Что я могу вам рассказать? - и Алферов посмотрел на Захарова, словно ища в нем какой-то поддержки.

- Ну, не знаю. Начните все по порядку, а там, может, и само покатится.

- Я родился в Горьком, после десятилетки переехал жить во Владивосток к родителям. Там и на флот пошел служить. Потом в морском училище учился, по окончании его попал на ракетный катер, потом на эсминце служил... чего все-то перечислять. Не в этом суть.

- А в чем?

- Не хитри, командир: тебя вовсе не судьба моя интересует, а как я попал сюда.

- Все мы попадали одним способом - вертолетом.

- Это ты верно сказал. Но вот почему именно мы здесь, а не кто-то другой?

- Здесь собраны самые лучшие.

- Ни черта. Здесь одни уголовники собраны. И только ты мне не говори, что ты об этом не знаешь, - вдруг оживился штурман.

- Когда ты говорил про нары - я тогда стал догадываться. Только не может быть, чтоб я командовал кучкой уголовников.

- Не простых уголовников.

- То есть как?

- А так. Я, по-твоему, похож на уголовника?

- Не знаю. Ты что, хочешь сказать, что у уголовника есть определенное лицо?

- Да я ничего не хочу сказать, но только здесь не простые уголовники, это уж я так сказал. Ты вот, зря меня тогда прервал, ну, да ладно. Знаешь, мне много раз удавалось побывать в дальних походах, один раз даже земной шарик пришлось обогнуть. Хотя кто из моряков тогда не бывал в походах; в то ведь время солярку-то не берегли, в море часто выходили. Да чего я тебе рассказываю, ты и сам знаешь. Так вот, была у меня мечта: хотелось мне капитаном корабля стать... - и тут штурман почему-то замолчал.

- Ну и как - осуществил свою мечту? - задал свой вопрос Захаров в надежде разбудить того от молчания.

- Командиром-то? Стал, да не об этом разговор, - продолжая еще что-то обдумывать, сказал Алферов.

- А о чем?

- О моей жене. Я с ней познакомился, когда еще погоны капитан-лейтенанта носил. Помню, я тогда служил на противолодочном крейсере, за вашим братом, между прочим, охоту вели. Лихие времена были...

- И много поймали?

- Кого?

- Моего брата, - ехидно заметил Захаров, почувствовав себя и всех подводников в роли зайцев.

- Не беспокойся, много: в Тихом океане, знаешь, сколько засечек делали - и «Лос-Анджелес» преследовали, и наших гоняли.

- Ну, прямо гвардейцы, - подчеркнул Захаров.

- Да, гвардейцы, нас даже командующий ВМФ СССР однажды грамотой наградил. (Ну, не нас, конечно, а наш крейсер).

- А что с женой? - спросил Захаров.

- С женой ничего, с женой было все в порядке. Если бы ты видел, какой это добрый, чуткий, отзывчивый человек. После двух лет совместной жизни у нас родилась дочурка, назвали Сашенькой. Какое это чудное время было. А к рождению Аленки исполнилась моя мечта: меня назначили командиром ракетного катера. В те времена, казалось, нечего было и желать. В отпуск ездили всей семьей в Крым, ходили в походы, потом нам новую трехкомнатную квартиру дали, жили как в сказке. Все шло хорошо до одного дня, который изменил всю жизнь, разрушив нашу сказку. Бывает же так. Иногда думаешь: вот бы как-нибудь его проскочить, перепрыгнуть. Заснул, предположим, девятнадцатого, а проснулся двадцать первого, и все идет своим чередом, никто и не заметил, что в этот злосчастный день тебя и не было. Все-таки, как подумаю: не было бы этого случая - сейчас бы сидел дома, пил чай со своей Катериной, не знал бы тебя. Странная штука жизнь: так иногда вывернет, что хоть стой, хоть падай, и главное, откуда-то из-под земли, как на горках. Самое интересное, что и не видно ее, а она раз - и как будто ниоткуда выросла, и ты уже катишься по ней вниз головой и еще не успел до дна достать, а она тебя выносит уже на другую вершину, откуда открываются совершенно другой вид, другое небо, другие люди (хотя и знакомые тебе, но какие-то другие), и солнце уже не так светит. Разбился мир, вот и весь фокус.

- Мир не может разбиться, взамен его немедленно возникнет новый.

- Вот и возник...

- Что, не нравится?

- Да уж куда там, так и распирает грудь от крика радости.

- Так что случилось в этот день?

- Ничего веселого не произошло. Саша тогда во второй класс ходила, а Аленка - в садик. Катерина работала в интуристе экскурсоводом. Она знала английский и японский. В тот день Катерина была с туристами из Японии. Группа приезжала к нам во Владивосток на десять дней. Наступил

последний день, когда она должна была провести последнюю экскурсию и распрощаться. И вот один из туристов попросил ее съездить на кладбище, где захоронены японцы, погибшие в русско-японскую войну, и положить на одну из могил желтую розу, дав ей желто-красную ленточку, чтобы она ею обернула стебель. За это он ей подарил сто рублей, какого-то вина и коробку конфет, объяснив тем, что, мол, раньше не смог этого сделать, а она по доброте души, ничего не подозревая, взяла деньги, вино и конфеты и на следующий день поехала на кладбище. Только положила этот чертов цветок, как тут же, точно из-под земли, выросли кагэбэшники и взяли мою голубку под белые ручки и отвели ее прямо к следователю, а тот сказал ей, что она пособница японского шпиона, потом нашли деньги, конфеты, вино, которые он ей подарил. Естественно, удивлению не было конца: как, оказалось, та розочка, что она положила на могилу, был какой-то знак. Его хотели взять с поличным, но, видимо, он как-то пронюхал о слежке. В общем, суд приговорил жену к пяти годам лишения свободы, обвинив в пособничестве врагам Советского Союза. Когда узнали о случившемся у меня на службе, то тут же меня понизили в звании и перевели на берег заведовать военным складом, с формулировкой как неблагонадежного члена советского общества. У меня внутри все как-то оборвалось, несмотря на то что друзья утешали, говорили: подожди, разберутся и выпустят, сейчас как-никак гласность, перестройка. Это там, в Москве, может, и шла какая-то перестройка, а у нас здесь, на Дальнем Востоке, вывески поменяли, а все как было, так и осталось. Уж куда я только не ходил, кому только не писал - все напрасно. Самое обидное я услышал от отца (он у меня старый коммунист): сказал, что раз я женился на предательнице Родины - значит, знать меня он больше не желает. Вот уж верно говорят: иной раз чужой человек бывает ближе родного.

- Что, никто тебе даже не помог? А ее родители? - спросил Захаров.

- Ее родители живут в Новороссийске, я им даже не написал об этом: побоялся расстраивать. У нее отец инвалид второй группы, а мать сердечница. Представляешь, я напишу: не беспокойтесь, дорогие, вашу дочь посадили в тюрьму на пять лет. Они сразу в гроб оба лягут, - штурман немного помолчал, посмотрел в сторону, тяжело вздохнув, продолжил:

- Время шло, и чем дальше, тем больше не хватало Катерины, жизнь как-то теряла всякий смысл, а может, просто я сломался. Ходил как в воду опущенный, стал частенько попивать, младшая дочка, Аленка, стала жить с моими родителями, а Сашенька со мной; не знаю, как она меня терпела тогда. Однажды пришел на склад после хорошей выпивки, голова трещит по швам, руки трясутся, в горле пустыня Сахара, в общем, весь разбитый. Мне бы выходной взять или на больничный. Ну, и подходит ко мне молодой лейтенант: выдай, говорит, Алексей Николаевич, учебные взрыватели к торпедам, - а я, не разобрав дела (в голове-то треск стоит, хоть умри), не переспросил, дурак, взял да ему боевые дал. Его корабль должен был выйти в море, и вот мне и показалось, что они уже выходят, а он еще меня торопил. Потом убежал, даже не расписался, сказал, что потом черкнет, когда обратно принесет. Да хоть бы сам-то посмотрел бы, а через двадцать пять минут раздался взрыв - все, кто был на корабле (двадцать пять человек), - все погибли. Меня арестовали, а суд назначил смертную казнь.

Посадили в одиночку, стал дожидаться, когда пулю в затылок пустят: мне тогда уж все равно было, что жизнь, что смерть. Да и мало мне - погубил столько людей; короче, жить совсем не хотелось. Сидел долго, наверное, месяца два, а может, и три. Там-то один день похож на другой, бывает, пройдет два дня, а кажется - неделя. Думал, уж не забыли ли про меня, я уж охраннику говорю: пойди, скажи, может, забыли. А оказалось, так со всеми поступали - бумажная волокита: пока там подпишут, пока там утвердят, сколько времени пройдет. Даже не догадываются, что человек в одиночке мучается. Уж сразу бы вывели - и конец, а то ждешь смерти, когда она придет: сегодня, завтра? Нет, хуже. Вот так я и сидел, как в зале ожидания, прислушиваясь, не мой ли поезд к платформе подходит. Но в один прекрасный день дверь отворилась и вошел ко мне в камеру Леонид Сергеевич. Познакомившись со мной, он обрадовал меня тем, что добился для меня помилования. Я с удивлением на него смотрел. Но радоваться было рано - потом он мне объяснил: чтобы остаться живым, нужно поступить на службу в КГБ. Я, как услышал про КГБ, чуть тогда не взорвался от злости. Представляешь мое состояние: эти сволочи разрушили мою жизнь, отобрали у меня самое дорогое и теперь делают мне снисхождение и дают мне шанс. Когда он делал свое

предложение, от которого, по его словам, я не смогу отказаться, я подошел и плюнул ему прямо в лицо. Представляешь, Канарейкину плюнуть прямо в его откормленное рыло? Каково, а?

- Да, на тебя это не похоже, - сказал Захаров.

- Наверное, но мне это даром не прошло: когда я согласился и меня привезли на базу, то сразу посадили в одиночку. Потом пришел Березин и сказал: «Помнишь, как ты в лицо Канарейкину плюнул, - сейчас ты об этом пожалеешь». И давай меня лупить железным прутом, так взлупцевал, что будьте любезны. А потом еще сказал: «Скажи спасибо, что в рот вялого не заставил брат, понял?» Потом повернулся, смотрит на меня и говорит: «Ну, чего молчишь? Ты, я вижу, не понял», - и начал расстегивать ширинку, а я лежу со сломанными ребрами: не то что сказать чего-то - мне дыхнуть-то больно было. Вижу, подходит ко мне, я уж кое-как через силу прошипел «спасибо», только тогда он и ушел: не знаю, что бы было, если бы не смог тогда прохрипеть. Три месяца провалялся в госпитале, потом Канарейкин заходит с цветами. Представляешь, и говорит: «Ты, наверное, зло на меня держишь, так я тебе скажу сразу, чтоб ты немного поостыл: мы твою супругу решили немного задержать до истечения твоего испытательного срока. Я предлагаю тебе забыть старое, и если будешь хорошо на нас работать - тогда будешь жить припеваючи со своей супругой и дочками». А потом пояснил, что, как только отдел «Последний рубеж обороны» будет до конца сформирован, мы с женой поселимся в Петропавловске-Камчатском и я буду ходить как на обычную работу. Знает, хитрая лиса, за что можно задеть. Я для Катерины все сделаю, умру за нее. Спустя некоторое время начал прибывать народ, а когда всех собрали, начали обучать: офицеров - отдельно, рядовых - отдельно. Учили, как школьников в школе: объясняли все до мелочей, но потом и спрашивали все. Да, я не сказал: если кто будет отсеян за неуспеваемость (представляешь, за неуспеваемость - Канарейкин так прямо и сказал) - те вернутся обратно. Он тогда не сказал, что на нары. Знаешь, как все старались, ночами сидели, кто-то даже в обморок падал. В общем, натаскали так, что порой кажется, что только на подводных лодках и служил. Вот так, командир. Вот и весь мой сказ тебе, - неожиданно закончил Алферов.

Оба с минуту молчали, Захаров первый очнулся от раздумий и, поблагодарив штурмана, предупредил его, чтобы он никому об этом разговоре не говорил. Потом проводил Алферова, лег и глубоко задумавшись, еще раз анализируя услышанное.

Запись датирована 12 августа 1990 года

В голубом поле обширной тихоокеанской равнины шел на север американский эскадренный миноносец УРО DDG 994 типа «Kidd», излучавший из своего нароста на подводной части носа, называемой моряками бульбой, электромагнитные волны. Они расходились кругами вокруг него на многие десятки километров, словно волны от брошенного в воду камня. Где-то севернее ему навстречу шел, зарывшись в морской глубине, «Морской лев». Как только первые частицы флюидов, которые разбрасывал вокруг себя американский миноносец, достигли его чувствительного корпуса, на центральном посту «Морского льва» раздалась сирена, а вахтенный офицер объявил готовность номер два.

После рассказа штурмана Захаров несколько дней ходил задумчивый, а Алферов, встречая его, прятал глаза, избегая прямых взглядов. Все это время командира

«Морского льва» одолевало желание узнать что-нибудь про базу «Особый погребок». Ему так хотелось выпросить все у Березина, но всякий раз, собираясь предпринять попытку к разговору, отказывался в последний момент, чувствуя в себе неуверенность перед его уставной манерой поведения.

Тихий гул сирены застал Захарова в библиотеке. Спешно поднявшись, он почти бегом прибыл на центральный пост одним из первых. Не скрывая своего волнения, Захаров сел на свое место и первым делом вывел на левый монитор лицо акустика: тот внимательно вслушивался в звуки моря. На правом мониторе светились показатели обнаруженного эсминца - его направление, скорость движения и дистанция.

За время, проведенное в море, Захаров практически успел провести все необходимые ходовые испытания. Проверили максимальную скорость (она достигла тридцати девяти с половиной миль), работу механизмов на повышенных нагрузках, готовность пусковой системы, автоматическую систему управления кораблем и многие другие мелочи. Самым незабываемым для всех испытанием стало погружение на максимальную глубину. Захаров хоть и был закаленным морским волком, все же взволновался, когда «Морской лев» погрузился на две с половиной тысячи метров, где на каждый квадратный сантиметр давят двести пятьдесят килограммов воды. Ни одна боевая подводная лодка в мире не может находиться на такой глубине и выдержать чудовищное давление океана. И вот вроде бы все было уже проверено, осталась только система поглощения электромагнитных волн. И хотя ее и испытывали на холостом ходу, все же полной уверенности в ее работе у капитана «Морского льва» не было, так как полную проверку можно было осуществить, только реально приблизившись к какому-нибудь кораблю, который ведет целенаправленный поиск подводной лодки.

Два корабля разделяло чуть более сорока миль. Ознакомившись с оперативной обстановкой, Захаров обдумывал, как ему поступить: либо уклониться от прямой встречи, либо попытаться, снизив ход, остаться незамеченным, проверив тем самым уязвимость «Морского льва».

- Малый вперед, - тихим голосом скомандовал Захаров, словно опасаясь, что его услышат на эсминце.

- Есть малый вперед, - отозвалось в наушниках.

- Включить систему поглощения электромагнитных волн, - продолжал командовать Захаров.

- Сделано, командир.

И «Морской лев» плавно снизил ход до самого малого. Нить страха перед лукавым, который каждому шептал: «А вдруг он засечет, и что тогда?» - связала всех сидящих на центральном посту. Эсминец же неуклонно приближался к подлодке, но в его поведении пока не были заметны какие-то изменения, говорящие о том, что его гидроакустическая аппаратура сумела отыскать в толще воды двадцатипятиметровое тело «Морского льва». А между тем корпус субмарины поглощал либо рассеивал несметное количество электромагнитных частиц, не давая ни одной из них вернуться назад, к излучателю, чтобы сообщить о находке. Во всех отсеках была запрещена всякая радиосвязь и ограничили перемещение. Стосемидесятиметровый эсминец был в десяти милях от «Морского льва», когда место вахтенного офицера занял Березин. Захаров посмотрел на него, как тот садился в кресло. Лицо старпома ничего не сообщило ему о настроении его владельца, оно лишь качнулось вперед, давая понять, что приветствует командира. Захаров на знак его молчаливого приветствия ответил тем же, а сам испытал едкое отвращение.

- Направление триста двадцать восемь градусов, дистанция восемь миль, обнаружен противолодочный вертолет, ведет поиск в активном режиме, - доложил акустик.

Действительно, чуть левее лодки взлетевший с эсминца противолодочный вертолет SH-2F «Si Sprite» опустил на тресе гидролокационную станцию. «А если он над нами зависнет?» - пронеслось в голове у Захарова, и его сердце забилося, как у первоклашки, стоящего у доски.

- Ну как, Сережа, решил задачку, заданную на дом? - спросила Лидия Михайловна.

Сережа, как положено, приподнялся из-за парты и, раскрыв тетрадь, посмотрел в нее и тут же вспомнил, как вчера вечером он ее решал с мамой.

- Да, - тихо, почти шепотом ответил Сережа.

- Тогда иди к доске и напиши нам ее решение.

Сергея еще никогда не вызывали к доске, он только отвечал с места, где было ему гораздо уютнее. Но вот теперь ему необходимо было выйти и перед всем классом продемонстрировать свое умение решать математические задачи.

Когда Сергей проходил мимо парт своих школьных товарищей, с каждым шагом приближаясь к доске, в легких вырастали иголки, коловшие его изнутри, мешающие нормальному дыханию. Как только интервал поступления воздуха в легкие сбился, его руки, ноги и голову сжало: ему казалось, что он не только

теперь пошевелиться не сможет, но и о чем-либо подумать не сумеет. Все движение его умственной деятельности было остановлено, и он, едва помня себя, дошел до учительницы и замер прямо перед ней.

- Итак, в задаче сказано, - не обращая на него никакого внимания, начала читать Лидия Михайловна. - «На базе есть места для двухсот двадцати ящиков. Каждый день на плодоовощную базу грузовик привозит по пятнадцать ящиков». Спрашивается, сколько может еще ящиков принять база?

- Двести пять, - почти автоматом выдал Сергей.

- Правильно. А почему ты стоишь? - оторвавшись от учебника, посмотрела на него Лидия Михайловна. - Ты что, остолбенел? Бери мел и покажи всем нам ее решение.

Сергей, чувствуя колющий воздух внутри себя, через силу повернулся к черной доске. Взяв мел, он начал расписывать исходные данные, а затем и решение самой задачи. Когда он все сделал, то повернулся к классу с непонятной надеждой и мольбой.

- Все? - спросила Лидия Михайловна.

- Все, - чуть слышно ответил Сергей.

- Ответ не написал, - заметила учительница.

Сергей снова отвернулся к доске и написал быстро ответ.

- Все? – снова спросила Лидия Михайловна, открывая журнал.

- Все.

- Тогда садись. Четыре, - сказала Лидия Михайловна, занося оценку в журнал, затем снова взглянула на доску. - Сережа, - остановила его Лидия Михайловна, когда до родной парты осталось несколько шагов, - принеси дневник и поставь в конце ответа точку.

Судорога страха еще не отпустила окончательно, но все же хватка ее значительно ослабла. Выполнив все, что от него требовала учительница, Сергей наконец вернулся на свой стул, и, как только его тело коснулось спасительного дерева, в его ушах раздалось расслабляющее шипение уходящих куда-то в глубину клещей, сжимавших почти до боли грудь, а голова снова приобрела былую ясность мышления.

Из-за мониторов Захаров снова увидел лицо Березина.

- Товарищ командир, я обязан вас предупредить о том, что вы очень рискуете. Мы можем обнаружить себя раньше времени, - жестко сказал Березин.

- Я бы попросил вас, товарищ Березин, не комментировать мои решения, - ответил Захаров. Он чуть не взорвался от ярости, когда услышал эти слова.

- Есть, - последовал холодный и безразличный ответ Березина.

Его реакция постоянно удивляла Захарова, и этот раз не стал исключением, но Иван Алексеевич лишь усмехнулся в ответ. Между тем эсминец, прошедший недавно модернизацию, находился в точке наибольшего сближения с «Морским львом». В центральном посту все притихли, слышно было даже, как потрескивают работающие электронные системы, а на поверхности американский

корабль шел, ничего не замечая. Его вертолет, выполнив плановые замеры и не найдя ничего подозрительного, уже приземлился на взлетную площадку, размещавшуюся позади второй мачты, рядом с вертолетным ангаром.

Текли секунды, увлекая за собой минуты, увеличивающие расстояние расхождения между кораблем и субмариной. Когда дистанция между ними стала около пятидесяти миль, Захаров отметил успешное проведение испытания системы поглощения электромагнитных волн.

- Внимание экипажу, говорит командир: объявляю отбой боевой тревоги. Всем спасибо за службу, - сказал Захаров, вставая из своего кресла, поманив знаком руки к себе Березина. Тот, заметив приглашение, немедленно поднялся и пошел к Захарову.

Затем они оба покинули центральный пост. Алферов, сидевший неподалеку, выглядывая из-за перегородки, проводил их своим взглядом. Захаров шел, молча ведя Березина в библиотеку. Войдя первым, он уселся за оставленный им компьютер, указав Березину на ближайший стул. Некоторое время Захаров что-то печатал, потом резко развернулся и с ходу спросил:

- Григорий Олегович, на каком основании вы меня учите, как мне поступать в боевой ситуации?

- Никак нет, товарищ командир, я вас не учил. Я всего лишь обратил ваше внимание на мое мнение, - тут же встав, ответил Березин.

- Садитесь, садитесь, чего вы так встрепнулись?

Березин снова опустил на стул.

- Григорий Олегович, я попросил бы вас впредь не вмешиваться в дела, не касающиеся вашей компетенции. Хорошо? - сказал Захаров и посмотрел миролюбивым взглядом на своего помощника.

- Есть, - коротко ответил Березин.

- Послушайте, Григорий, почему вы со мной разговариваете в уставной форме? Меня это, если честно, раздражает.

- Это служебная привычка, Иван Алексеевич.

- Интересно, вы всегда такой? Даже с женщинами «никак нет», «так точно», а?..

- Не знаю... это не имеет отношения к нашей службе.

- Мне это очень интересно, скажите...

- Нет, про это я не буду с вами говорить...

- Почему?
- Потому что это сугубо личное дело.
- Хорошо, тогда, быть может, расскажете, сколько вы служите на Вячеслава Яковлевича?
- Очень долго...
- Ну, сколько?
- Не знаю, я не считал...
- Это не ответ, хотя бог с ним. Тогда, может, расскажете, как попали на остров? Как все или другим путем?
- Другим путем.
- Другим путем. Хорошо, - Захаров немного помолчал. - Вы понимаете, Григорий Олегович, я в подразделении «Последняя линия обороны» человек новый, многого не знаю. А когда человеку что-то приспичит и его одолевает страстное желание узнать какую-то информацию о чем-то, то он начинает искать. Начинает копать где ни попадя, кого-то спрашивая, а этот «кто-то» может сказать что-то не то, и это впоследствии может как-то повлиять на человека, одолеваемого любопытством. Так вот к чему я все это говорю. Вы, как человек из этой системы, наверняка больше всех знаете здесь про базу. Может вам все же стоит рассказать про нее мне?
- Смотря что? - спросил Березин, насторожившись.
- Ну, когда ее построили там... в общем, ее историю, да, и, конечно, с чем же связано ее строительство?
- Могу.
- Да, - Захаров не ожидал такого ответа, - тогда расскажите, а то Канарейкин почему-то скрывал эти сведения от меня. А мне так интересно, Григорий Олегович.
- Мне нужно вам один вопрос задать.
- Задавайте...
- Зачем вам нужно знать о базе?
- Ну, так, для общего развития, - пожав плечами, ответил Захаров. - Быть может, для того, чтобы закрыть очередной пробел в своем сознании. Сами посудите: если ты, к примеру, живешь в каком-то городе, то тебе и интересна его история. Вы согласны?
- В тысяча девятьсот семьдесят пятом году, - неожиданно для Захарова начал рассказ Березин, - Тихоокеанским флотом тогда командовал Маслов Владимир Петрович, началось строительство секретного объекта на

острове Медном. На земле еще снег лежал, а работа уже шла полным ходом. К ноябрю в соответствии с приказом каркас базы был уже готов. Оставалось совсем немного, мелочевка: внутренняя отделка, прокладка кабелей, установка оборудования и так далее. На зиму почему-то решили все работы законсервировать, а весной возобновить, чтобы к лету закончить. Но враг не дремлет, и в феврале в западных военных журналах появились фотографии с подробным описанием назначения строившейся на острове базы. После этой публикации, говорят, такой скандал был. Сведения в журналах совпадали с действительностью. Назначили внутреннее расследование, чтобы найти подонков, продавших иностранной разведке наши секреты. Так и не нашли: наверное, тот, кто продал, хорошие деньги получил и умело следы замел. Стройку не возобновили: не было смысла, враг все равно уже проинформирован. Коробку передали пограничникам под склад - они до сих пор на восточном побережье острова радиолокационную станцию держат. Ее достроили и землей засыпали, получился здоровенный холм. Этот объект так и назывался «холм», в семьдесят девятом году холмом заинтересовался КГБ. Подали несколько письменных просьб в разные инстанции, шепнули кое-кому на ушко, и бывший секретный объект перешел к нам.

- Тогда и началось строительство базы? - спросил Захаров.

- Нет. Сначала планировали создать разведдиверсионную школу. Хорошая идея была, но потом из-за каких-то проволочек дальше идеи не ушло. Так и забыли про холм, пока спустя... Сколько? Семь лет. В восемьдесят четвертом году Вячеслав Яковлевич вступил в должность начальника только что сформированного управления. Узнал о холме; сразу в его голове созрел план приспособить его под базу с целью в последующем создать современную подводную лодку. Вот так и начали потихоньку.

- А ты во флоте-то служил?

- Я только закончил морское училище, потом меня сразу пригласили работать в КГБ, - ответил Березин.

- Значит, и в море ни разу не выходил? - с усмешкой спросил Захаров.

- Выходил, - с некоторым смущением сказал Березин.

- В качестве пассажира? - продолжал издеваться Захаров.

- Извините, товарищ командир, но это не ваше дело.

- Ну ладно тебе, успокойся, это я так...

Повисла пауза. Захаров еще сидел с улыбкой, а Березин уставился в стену с гранитным выражением лица.

- Хорошо, давай поговорим об инструкциях, - предложил Захаров.

- Об этом я вам докладывать не буду, есть приказ Вячеслава Яковлевича до поры до времени вас в курс дела не вводить. Разрешите идти, товарищ капитан первого ранга? - Березин уже встал.

- Погодите, - остановил его Захаров.

- Что еще?

- Григорий Олегович, до меня дошла информация о вашей чудовищной жесткости. Это так? Вы действительно такой?

- Жесткий? Не знаю, - удивленно сказал Березин.

- До моего прибытия на остров вы командовали экипажем?

- Так точно.

- Послушайте, Березин, не старайтесь соперничать со мной, - терпение Захарова было на исходе. Сказав это, он стукнул по столу.

- Никак нет, товарищ капитан первого ранга. Вы выше меня по званию, - встав по стойке «смирно», отвечал Березин.

Захаров почувствовал свое превосходство и тут же, приподнялся и подошел к нему.

- Ничего не может произойти на моем корабле и не произойдет без моего ведома. Вы слышите?

- Так точно.

- И ваши сраные инструкции не будут работать здесь, пока я не узнаю о них. Вам ясно?

- У меня есть приказ вышестоящего руководства, и я его буду исполнять.

- Что? Здесь приказы отдаю я. Вам понятно?

- Я вам могу не подчиняться, когда разговор заходит об инструкциях. Я ответственен за их исполнение. У меня есть даже к вам письменный приказ от генерала Шкворина на этот случай.

- Какой письменный приказ? - неожиданно осекся Захаров: этим заявлением весь его порыв гнева был пущен, словно поезд, под откос.

- Он у меня в моей каюте. Принести?
- Не надо. И как же мы с вами будем дальше работать?
- Как раньше.
- Я не люблю, когда в боевой обстановке ко мне лезут с разного рода советами или подсказками. Впредь попрошу больше этого не делать, - сказав это, он отошел от Березина.
- Есть. Разрешите идти, товарищ командир?
- Идите, но помните: если вы меня заранее не проинформируете о действии ваших инструкций, они работать на моей лодке, не будут, несмотря на ваши вшивые бумаги. Последнее слово за мной, помните это, товарищ Березин.

Березин, ничего не ответив, ушел, оставив командира в одиночестве. Просидев еще с час после ухода Березина перед компьютером, Захаров думал о том, кто еще на лодке, кроме старпома, мог прислуживать Шкворину.

Запись датирована 13 августа 1990 года

На следующий день (если так можно назвать пространство, в котором никогда не меняется уровень света) Захаров, ознакомившись с оперативной обстановкой, решил продолжить знакомство со старшим офицерским составом, выбрав на этот раз себе в собеседники Заленского. Покинув центральный пост, он направился в ракетный отсек. Там у выносного пульта управления ракетной стрельбой Захаров увидел копающегося мичмана, а рядом с ним стоящего Заленского.

- С добрым утром, Павел Витальевич, - приветственно сказал Захаров, протягивая руку Заленскому.

- Здравия желаю, товарищ командир, - ответил Заленский, пожав руку Захарова. - Так, ладно, пока занимайся, а я потом вернусь и проверю.

- Чем это вы занимаетесь, Павел Витальевич?

- Да вот проверяем аварийный выброс ракет. На базе всё руки не доходили, так, перед тем как будем в квадрате, нужно все же и это проверить. Мелочь, конечно...

- Павел Витальевич, мне необходимо с вами кое-что обсудить, - сказал Захаров.

- Что, есть тема?

- В общем-то, да. Пойдемте ко мне в каюту.

- Я сейчас, - сказал Заленский и зашел за одну из шахт.

- Горит?

- Да, - ответил мичман.

- Оставь пока так. Иди в централку и проверь с «папиком» электронику, - сказал Заленский, выйдя обратно из-за шахты. - Так, пока все. Куда пойдём?

- Ко мне в каюту, если ты не против.

- Пошли, - согласился Заленский, и оба, развернувшись, пошли в обратном направлении.

Достигнув каюты, Захаров открыл дверь и, пропустив Заленского вперед, зашел за ним, закрыв дверь на замок. Заленский быстро юркнув за стол, сев на единственно стоящий здесь стул. Захарову пришлось довольствоваться кроватью, это было непривычно для него, так как стул был выше кровати, и Захаров поэтому чувствовал себя в роли подчиненного. Из-за этого он какое-то время не решался начинать разговор, а долго ерзал, осматриваясь по сторонам. Заленский же смотрел на него с удивлением, не понимая, что случилось с командиром.

- Я когда во флоте служил, у нас немного не такие кубрики были, - поправляя одеяло, сказал Захаров.

- Там все не так было, как здесь, - согласился Заленский.

- Да, - сказал Захаров, продолжая приглаживать одеяло.

- Иван, что с тобой? Ты для чего меня позвал? - наблюдая непонятную суету командира, спросил Заленский.

- Ну, не внутреннее же устройство обсуждать, - поняв свое дурацкое положение, ответил Захаров.

- Я тоже так думаю.

- Павел Витальевич, я позвал вас сюда, чтобы вернуться к тому разговору... помните, когда я всех, и вас в том числе, попросил рассказать о себе?

- Да, помню. А мы разве не на «ты»? - уточнил Заленский.

- На «ты».

- Что тебе тогда Канарейкин сказал?

- Он мне ничего интересного не сказал, только посоветовал не лезть в это своим носом. Но это уже неважно. Я до тебя разговаривал с Березиным... Павел, ты ничего не слышал об инструкциях? - вдруг спросил Захаров.

- О каких инструкциях? У нас же этих инструкций, предписаний, указаний тьма-тьмушая.

- Я не о технических, а о человеческих, - попробовал объяснить Захаров.

- Ты имеешь в виду инструкции сохранения управления «Морского льва» - это?

- Да я даже не знаю, какие я имею в виду. Я только знаю, что поход может продлиться около года. Столько времени нахождения в замкнутом пространстве выдержит далеко не каждый. С кем-то может начаться клаустрофобия, а кто-то и вообще может с ума сойти. Мне лишь известно, что на этот случай существуют какие-то некие инструкции. За них отвечает Березин, понимаешь, а я про них практически ничего не знаю. Я вчера с ним говорил, хотел, чтобы он мне о них рассказал, но он ни в какую. Тебе что-нибудь известно об этом?

- Ах, ты вот про что. Еще один порок коммунизма.

- Какой порок? Как ты можешь такое говорить?

- А ты что, преданный член Коммунистической партии?

- Да, я коммунист и горжусь этим.

- Тогда разговора не получится.

- Почему?

- Потому что я не поборник идей марксизма-ленинизма. Скажу более того: я ненавижу эту идеологию.

Захаров был ошарашен. Он даже не знал, что сказать.

- Как ты такое можешь говорить? Я даже не понимаю, как тебя сюда вообще назначили?

- Так же, как и тебя... Не беспокойся - не по идейным соображениям.

- Нет, я пошел исключительно по зову сердца.

- А перед этим, случайно, никого не угробил?

- Это не имеет значения.

- Имеет. Давай не будем, Иван, друг другу сказки рассказывать: я думаю, что мы здесь не для этого с тобой сидим.

- Ну, для этого или не для этого - это не так важно. Что с инструкциями? Вы можете что-то мне о них сказать или нет?

- Мы же вроде на «ты».

- Да, я просто забыл. Так ты что-нибудь знаешь?

- Я знаю обратную сторону коммунистического строя: люди нужны, пока они что-то могут делать. Когда они уже ничего не могут, то их выбрасывают, как отработанный материал.

- Перестань позорить чистые идеалы.

- Я что, разговариваю с глухим? Ты, перед тем как сюда попасть, газеты читал?

- Читал.

- Какие?

- «Правду», «Известия».

- Понятно. А про сталинские изуверства не читал? Как, например, канал Волгодон рыли, там на каждый километр восемьдесят душ положено. На дворе перестройка, а ты светлые идеалы коммунизма проповедуешь.

- Думаешь, при царях такого не было? - парировал Захаров. - Ленинград, бывший Санкт-Петербург, - Петруха его на костях выстроил. А уж у Ивана Грозного руки по самое некуда в крови. У нас вся Россия на человеческих смертях стояла. Здесь всегда человеческая жизнь ни в грош не ставилась. Так что давай не будем.

- Не зря на Красной площади главное кладбище устроили как символ этой земли: мертвый камень ценней всего живого.

- И давно ты таким антикоммунистом стал?

- Давно, с детства. Я родился во Владимире, мы с тобой почти земляки, так что не обижайся на меня. Когда мне стукнуло семь годков, пошел, как все, в школу. Наверное, с этого и начались все мои дальнейшие несчастья. Первый класс я закончил без особых приключений. Зато во втором меня поджидала большая неожиданность. В первый раз я столкнулся с мощной государственной идеологией. Поэтому сегодня я ею сыт по холку.

Нас тогда принимали в октябрята. Мне эта затея, помню, так не понравилась, что учителя даже не знали, что со мной делать. С самого детства, как я начал себя помнить, моим увлечением было собирание значков, и больше всего мне нравилось их все прицеплять на грудь и носить. Может, из-за этого мне и вырасти хотелось поскорей, чтобы больше значков носить. Мать мне постоянно покупала новые, и старые приходилось снимать, вешая их на ковер над кроватью.

Так вот, когда я пошел в школу, мама сказала, что значки лучше снять: мол, со значками в школу не ходят. Я рос послушным ребенком и скрепя сердце снял, оставив парочку. Когда нас принимали в октябрята, мне повесили на левую грудь дурацкую звездочку - пионер, который мне прикрепил ее, перед этим сказал: чтобы я другие значки перевесил. Во мне зародился такой протест, что я спросил, почему это я ради какой-то звездочки должен перевесить свои самые любимые значки? А он мне ответил, что, мол, на

этой звездочке изображен дядя Ленин. А мне какое дело - Ленин или еще кто-то... В общем, невзлюбил я кудрявого Ленина. Сто раз я выкидывал этот значок в мусорное ведро, но родители мне покупали новый, который я с той же последовательностью «терял». Через год нас всех поголовно приняли в пионеры. Сначала я был рад этому событию (звездочку носить больше не надо было), но когда нам старшая пионервожатая рассказала о первых пионерах в послереволюционные годы и я узнал, что за этой пионерией стоит вождь мирового пролетариата, - тут моя радость прошла. Ненависть к человеку, сменившему кудряшки на лысину, у меня прямо вспыхнула сама собой. Все в нашем классе, помню, радовались, когда им повязали красные галстуки, только одного меня покрыл траур производимого надо мной насилия. На следующий день я и вправду пришел без галстука, демонстрируя бунт. Наша классная - Анастасия Филипповна, эксцентричная женщина, - сразу встретила меня вопросом: «где твой галстук, Заленский?» А я ей сказал, что не хочу быть пионером. Ты бы видел ее лицо: она словно лягушку проглотила. Сначала помолчала немного, а потом как заорет: «Что?!» - и потащила меня к директору. Ну, тот был, выражаясь словами Пушкина, самых честных правил, прочитал мне лекцию о том, как я не уважаю людей, которые отдали за мое счастливое детство свои жизни. Пропустив мимо ушей все нравоучения, я покорно признал свою ошибку, после этого меня послали домой за пионерской тряпкой.

Но не прошло и недели, как я снова явился в школу без красной удавки, и тогда Анастасия Филипповна выгнала меня из класса, сказав, чтобы без родителей я в школе больше не показывался. Дома мне, конечно, влетело по первое число, но казусы с пионерским галстуком все равно продолжались и в четвертом, и в пятом классах. Новая классная руководительница Наталья Георгиевна и все остальные учителя, которые преподавали нам общеобразовательные предметы, дружно боролись с моим нежеланием носить атрибут пионерской организации. Методы борьбы использовались самые разные - от запугивания до прямых угроз исключения меня из школы. Но все было бесполезно, на моей стороне был главный козырь: я учился на «отлично», хотя впоследствии мне все учителя стали искусственно занижать оценки.

Это меня еще больше взбесило, и я стал учиться с двойным усердием, с одержимым рвением познания предмета, я даже выходил за рамки школьной программы. Только все мои старания не были достойно оценены: учителя мне говорили, чтобы я не выбивался из школьных учебников, и с той же настойчивостью, с какой я учил заданные предметы, ставили мне четверки. Когда я перешел в шестой класс, я весь год проносил галстук, ни разу не забыл его дома. Все учителя были поражены моему изменению, а я, улыбаясь им, говорил, что за лето многое понял и теперь очень хочу быть пионером. Оценки в одночасье стали ставиться незаниженные, и все потекло в спокойном русле, словно и не было ничего.

- Так стоило ли упираться, если, в конце концов, тебе все равно пришлось его надеть? - спросил Захаров.

- Стоило. Заканчивая пятый класс, я уже знал, что в седьмом классе галстук носить не нужно и все, кому исполнилось четырнадцать лет, вступали в комсомол, но туда уже никого за уши не тянули. Хочешь - вступай, хочешь - нет. Вот тогда-то я и задумал выпустить свой гнев разом в конце года - так сказать, устроить прощание с пионерией. Когда настал последний день, все шло своим чередом: один урок сменял другой, завершал учебный день классный час, где наша классная подводила итог прошедшего учебного года, зачитывая нам годовые оценки. Когда очередь дошла до меня, я поднялся со стула, Наталья Григорьевна бросила на меня беглый взгляд и уткнулась обратно в журнал, собираясь огласить мне результат моего усердия, который я и так знал заранее. Не успев даже назвать первый предмет, она вынуждена была снова посмотреть на меня: поводом послужил неосознанный крик моей соседки - она увидела, как я снимаю галстук и достаю спички, и из ее горла вылез писк ржавого колеса. Когда классная поняла, в чем дело, галстук уже вспыхнул, а я торжественно сказал: «Прощай, пионерия». Что тут было...

- Из школы не исключили? - спросил Захаров, улыбаясь и одновременно восторгаясь дерзостью рассказчика.

- Хотели, только оценки уже поставлены, и поведение у меня было прилежное: как с этим исключать?

- Ты так и не вступил ни в комсомол, ни в партию?

- Нет, не вступил. Может, вступил бы и сейчас не сидел бы здесь.

- Неужели ты из-за этого сюда попал? - удивленно спросил Захаров.

- Не совсем. Хочешь, чтобы я рассказал тебе и про это, но инструкцией запрещено. Знаешь об этом?

- Знаю, ну и что. Если я не буду знать о вас, как мне вам доверять? Мне же нужно четко знать, на кого рассчитывать в трудный момент.

- Как, на Березина не рассчитываешь, а, командир?

- Ты же знаешь: он из КГБ.

- А на какой трудный момент?

- На случай действия инструкций. Черт знает, каковы они.

- Черт не знает, а вот Карташов знает.

- Откуда?

- Ну...

- А ты знаешь?

- Так, краем уха.

- Хорошо, про инструкции ты мне не расскажешь, а как попал сюда, расскажешь?

- А что, кто-то уже успел расколоться?

- Давай не будем об этом. Это дело добровольное, и все, кто мне что-то рассказывает о себе, умирает во мне.

- Ты как поп говоришь. Я, мол, ваши грехи забываю, вы не мне рассказываете, а Всевышнему. Ну, да ладно, слушай, чего там. Я и сюда-то попал из-за Компартии. Служил на Балтийском флоте, на атакующей атомной подводной лодке типа «Дельта». Назначили к нам командиром Веденева Александра Вениаминовича - ярый приверженец идеалов коммунизма, любил всегда цитировать Ленина. И замполит Григорьев был такой же, так что неудивительно, что они оба спелись и стали одержимы одной идеей: чтобы весь экипаж нашей подводной лодки стал, так сказать, коммунистическим. Вот и началось: все, кто был на лодке из офицеров, и новобранцы рядового состава, которые к нам поступали, через месяц-два подавали заявления о вступлении в партию. У нас, сам знаешь: если ты не партийный, то далеко по служебной лестнице не поднимешься. О моем противостоянии с компартией в детстве тебе уже известно. Вот и представь себе: этот Веденев начал ко мне приставать - давай, дескать, Заленский, не позорь офицерский состав, вступай в партию. А я все отшучиваюсь: успею еще, говорю, куда торопиться-то. Так он ко мне с полгода приставал,

проходу не давали с замполитом. Потом, поняв, что с меня как с гуся вода, он вызвал меня и сказал: «Либо ты сейчас напишешь заявление о своем вступлении в партию, либо ни о каком повышении в звании можешь и не мечтать». А я ему: «Посмотрим» - и ушел. Прошло месяца два, он ко мне больше ни разу не приставал со своим дурацким вопросом: «Когда в партию вступишь?»

Однажды возвращаемся из похода, а из штаба пришел пакет, где говорится, что мне присвоили очередное звание и перевод на другую лодку. Мы стояли на пирсе, ко мне подходит Веденеев с Григорьевым и говорит: «Ты помнишь, что я тебе обещал?» «Ну и что?» - говорю. «А то: никакого повышения ты не получишь, мне нужно тебя отрекомендовать, характеристику написать. Так вот, я такую тебе характеристику напишу, что не только на другую лодку тебя не возьмут, а даже на речной буксир постесняются взять». И улыбается мне наглой улыбкой. Представляешь, у меня внутри все перевернулось. Ну, думаю, и сволочь, вот подлец, а он потом добавил: «Впрочем, еще не поздно - пиши заявление, и забудем все наши идеологические расхождения, вот и замполит со мной не зря тут стоит, у тебя есть, Заленский, последняя возможность...» - он еще не успел договорить, как терпение мое лопнуло и я взял его за грудки. Он-то поменьше меня был. Я его приподнял и давай трясти, а сам ору ему в лицо: «Какую возможность? Какую возможность?» - какое-то бешенство меня тогда охватило, я себя едва помнил от злости. Веденеев весь побелел от страха, а Григорьев сначала оторопел от неожиданности, а потом как заорет что есть мочи: «Товарищ Заленский, что вы себе позволяете?» Я повернулся, говорю «ничего», а сам изо всей силы как оттолкнул Веденеева - тот (как, я не знаю) улетел. Недалеко лестница была каменная - так вот, уж как так получилось, но он об нее головой ударился и себе шею сломал и покатился вниз. В общем, не жилец оказался. После этого случая я сюда и попал.

- Не понимаю, как ты с такими идеологическими расхождениями был назначен на должность заместителя командира нападения и обороны «Морского льва»?

- Странный ты, Иван: это толпе нужна идеология, чтобы под нее закамуфлировать желаемые цели руководства страны. Здесь, слава богу, собраны личности, для которых

самым важным является цель, а уж в какую обертку она будет завернута - это неважно. Понимаешь меня?

- Не совсем, - смущенно ответил Захаров и сразу попытался выдать версию: - То есть ты хочешь сказать, что я здесь не на службе Родине, а для того, чтобы осуществить свою корысть?

- Конечно, тебе же ставили условие: либо суд с известным исходом, либо служба. Или я ошибаюсь, и ты, кадровый офицер Военно-морского флота, сюда попал иным путем?

- Каким иным путем?

- Ну, предположим, как Березин.

- Березин работает на КГБ, а я, как ты изволил выразиться, кадровый офицер.

- А что, кадровый офицер не может работать на КГБ?

- Не знаю, наверное, может. Я, очевидно, другой смысл вкладываю в это словосочетание.

- Вот именно. А ты вообще интересный человек, Иван: мы все тут попали к черту на рога, а ты думаешь, что тут все благим делом заняты. Неужели ты в великий мираж коммунизма верил, когда на флоте служил?

- Скажем так: я понимал это несколько иносказательно. Но что тут плохого, когда в стране живут равные среди равных. Или, например, страна живет по принципу экипажа подводной лодки, когда от каждого отсека зависит судьба всего корабля. Что здесь плохого?

- Ты определенно идеалист, - улыбаясь, ответил Заленский. - Хорошо, тогда как ты относишься к перестройке?

- Положительно. Не забывай: именно партия нашла в себе силы и начала перестройку своих рядов, так как почувствовала, что идет колоссальный отрыв от ленинского учения. Мы ведь до сих пор жили не по-ленински, а по-сталински. И те изуверства, которые творил Сталин, - это, конечно, неслыханный позор для партии, и здесь я с тобой согласен.

- Ты хочешь сказать, что партия только из-за отрыва от ленинского учения начала всю эту катавасию?

- Ну, не только, но и это тоже был не последний аргумент, когда ее затевали.

- А ты не считаешь, что все это фикция с ленинизмом?

- Почему?

- Потому что вся это коммунистическая идея равенства и братства - великий обман. Потому что государство не может держаться на НКВД, НКГБ, КГБ... Оно держится на национальной идее, в сердцевине которой стоят жизнь и благополучие отдельного ее гражданина.

- Павел Витальевич, давай закончим эти политические разговоры: они нас все равно ни к чему не приведут. Мы с вами люди военные и должны выполнять приказ вышестоящего командования, и нам негоже обсуждать, какой политический строй - обман, а какой - нет. Родина у нас одна.

- Но тебе-то не нравится присутствие кагэбэшника Березина среди нас?

- Я бы так не сказал - скорее, я испытываю к нему недоверие.

- Что, раньше люди из КГБ в твоей жизни не появлялись?

- Да нет, почему, бывали в качестве наблюдателей, - с улыбкой ответил Захаров.

- Тогда почему к Березину испытываешь недоверие?

- Потому что он здесь второй человек и в один прекрасный момент может возглавить командование лодкой. Представляешь, к чему это может привести?

- Конечно. Березин, по-моему, только командовать и умеет, а больше ничего.

- Вот так. Поэтому разговор нужно вести не о политической ситуации в стране, а о выполнении поставленной задачи и о благополучном возвращении из похода. Вот это меня, Павел, и заботит больше всего. На тебя я могу рассчитывать?

- Конечно, - заверил Заленский. - Если что, отключим рубильник, и гори оно все синим пламенем, терять-то все равно нечего.

- Тогда я тебя буду иметь в виду, потому что число моих сторонников, скажу честно, не так велико. Ну, на этом, пожалуй, и закончим. Нет необходимости мне говорить тебе, что этот разговор остается строго между нами?

- Конечно.

- Тогда у меня все, Павел Витальевич.

Они распрощались и, выйдя из каюты, пошли в разные стороны. Захаров прекрасно знал, что Березин уже в курсе всех его собеседований а-ля тет-а-тет с офицерами.

Запись датирована 13 августа 1990 года

Возвратившись после обеда к себе в каюту, Захаров прилег на кровать, чтобы поспать немного перед ночной вахтой. Неожиданно кто-то постучал мелкой дробью в дверь.

- Да-да, войдите, - пригласил Захаров.

Дверь тихонечко открылась, и он увидел стоящего на пороге Фирсова.

- Это я, Иван Алексеевич. К вам можно?

- Да, заходите.

И Фирсов, войдя и закрыв дверь, прошел в каюту, сев на стул, остановив попутно знаком своей руки Захарова, чтобы тот не вставал.

- Лежите, лежите, Иван Алексеевич. Я так, ненадолго. У вас вахта ночью, решили выспаться?

- Да, думал подремать немного. Но я все же встану, - сказал Захаров, переводя себя в вертикальное положение.

- Я тут разговаривал с Заленским, и он мне посоветовал к вам заглянуть. Вы не знаете зачем? - спросил Фирсов.

- Заглянуть ко мне?.. Интересно... - пожимая плечами, сказал Захаров.

- Очевидно, это шутка была, а я вас напрасно потревожил. Извините меня, Иван Алексеевич, - сказал Фирсов, собираясь уходить.

- Да нет, не уходите, раз уж пришли, оставайтесь, - сказал, останавливая его, Захаров.

- Чего так просто сидеть-то - только вам мешать, пойду лучше с «папиком» в шахматы сыграю. Может, у него выиграю.

- А мы не просто так посидим, Михаил Петрович. Заленский правильно сделал, что вам посоветовал зайти ко мне: у меня к вам есть одно дело, только обещайте язык за зубами держать.

- Какое дело? - насторожился Фирсов.

- Я позже расскажу, а сейчас я хочу вас спросить о Березине. Вам что-нибудь о нем известно?

- Что именно?

- Ну, откуда он родом, где служил, до того как попасть на базу?

- Нет, этого я не знаю.

- Жаль.

- Командир, а вы могли бы убить человека, несмотря на то что верите в Бога? - спросил Фирсов.

- Я вам этого не говорил - что верю в Бога.

- Но вы же и не отрицаете его существование.

- У меня просто нет фактов, чтобы как отрицать его существование, так и признавать его присутствие в нашей жизни.

- Хорошо, хорошо, но вот человека вы бы смогли убить?

- А мы что, разве не убивать идем в Персидский залив?

- Я не про это. Там все намного проще: нажал кнопку - и готово, сотня трупов. А я говорю, чтобы глаза в глаза. Понимаете?

- Не знаю, никогда не думал об этом. А вам зачем...

- Мне? Да так, просто однажды подумалось, а я даже и не знаю, как себе ответить на этот вопрос, - задумчиво сказал Фирсов.

- Скажите, Михаил Петрович, вам что-нибудь про инструкцию известно?

- Про какую инструкцию - не про ту ли, о которой печется Березин?

- Да, про нее.

- Зачем она вам, командир? Заботитесь о будущем? Страхуетесь на всякий случай?

- Можно и так сказать.

- Зачем? Вы же конкретный человек. Нужно жить настоящим, а не ждать чего-то там в будущем. Я вот, например, сегодняшней секундой живу.

- Но и о будущем тоже неплохо бы позаботиться.

- Зачем? Если оно никогда не наступит.

- То есть как?

- А так. Что такое будущее - туман, миф, который вы сами себе придумали, - вот ваше будущее. В вас, очевидно, сидит страх перед этой инструкцией, и вы под предлогом будущего начали копать, чтобы разузнать о ней в надежде, что, когда вы о ней узнаете, то он пройдет. Не пройдет.

- А вы психолог.

- Да бросьте, я никакой не психолог. У вас какая-нибудь кличка была? Ну, в детстве, или когда на флоте служили, или, может, в училище?

- Нет, не было, а зачем вам?

- А у меня была. Меня на флоте все стукачком называли.

- Почему? Доносили на кого-то?

- Да, доносил - на начальство, - сказал Фирсов и в первый раз улыбнулся.

- И что же вы доносили?

- А я вас обманул насчет того, что мне Заленский посоветовал зайти к вам, - не ответив на вопрос Захарова, сказал Фирсов.

- Я знаю, - ответил спокойно Захаров.

- Откуда?

- Заленский не мог вам этого сказать, потому что он знает, что, если я с кем-то захочу пообщаться в тесном кругу, я сам его приглашу.

- Знаете, зачем я пришел?

- Зачем?

- Да просто захотелось тоже с вами посекретничать. Что я, хуже Березина или Заленского, что ли?

- С Березиным я не секретничал.
- Ну, тогда с Алферовым - какая разница.
- Это уже не имеет значения. Ну, и о чем вы хотели со мной посеCRETничать? - спросил Захаров.
- Они вам про свое прошлое рассказывали?
- Я не могу вам на это ответить, - сказал серьезно Захаров.
- Да можете и не отвечать, я и так все знаю.
- Ну, так если все знаете - чего тогда спрашиваете?
- А может, я проверяю, прежде чем вам о себе рассказать. Вам же интересно?
- Вы, наверное, тоже кого-то угробили. Хотите покаяться?
- Нет, не особо: я просто думал, что вам и моя история интересна.
- Интересна, но не более, чем кого-то из нашего экипажа.
- А хотите послушать?
- Если у вас есть желание рассказать, тогда сделайте милость, - ответил Захаров.
- Нет, я вам хочу рассказать не потому, что у меня есть желание или же мне невтерпещ высказаться. Нет, совсем даже нет: мне мое прошлое дорого, и просто так, ради чьего-то праздного любопытства, рассказывать о себе я не хочу. Я расскажу вам о своем прошлом только ради одного - чтобы вы подумали, до чего может довести человека его любопытство и желание, чтобы все окружающие его люди жили без порока.
- Вы хотите мне поучительную историю рассказать? - спросил Захаров.
- Да, если вам так нравится это называть, то называйте поучительной историей, только помните, что за этой историей стоит человеческая жизнь. Моя жизнь, понимаете?
- Ну, разумеется, понимаю, - сказал Захаров, глядя прямо в глаза Фирсова, которые уставились на него, пытаюсь вызвать к себе какое-то сочувствие.
- Родом я из Калининградской области, из маленькой деревушки, где еще остались коренные жители...
- Это вы про немцев говорите? - уточнил Захаров.
- Да, не только немцы, но и литовцы, поляки. У меня бабка по отцовской линии была немка, от нее, что ли, мне досталась педантичная придирчивость, не знаю. Со школы я,

наверное, как и вы, Иван Алексеевич, мечтал стать морским офицером.

- Да, а как вы догадались?

- По вам видно: у меня вообще, глядя на вас, складывается впечатление, что вы моряк в десятом колене. Нет?

- Да я, в общем-то, своей родословной настолько не знаю - у меня дядя моряк, - с улыбкой ответил Захаров.

- У нас многие историю своих корней не знают, это не страшно. Иногда ее и знать не нужно: взглянешь на человека - и становится ясно, из холопов или из господ. Так и здесь. Ну вот, кроме педантичной придирчивости во мне еще и патриотическое воспитание присутствует. Закончив все положенные советским гражданам учебные заведения, я стал преданным членом... слово-то какое, - улыбнувшись, остановился Фирсов.

- Ну, и чего вы замолчали?

- Да нет, ничего. В общем, стал военно-морским офицером-подводником со всеми вытекающими отсюда последствиями. По распределению попал служить на Черноморский флот, на дизельную подводную лодку. Она как раз из капитального ремонта выходила. Вот мне и поручили осмотреть ее ходовую часть и доложить о его выполнении. Ну, я и давай шарить по всему хвосту, нашел кучу мелких недоделок, составил целый список. Но самое главное, что меня поразило, - это то, что уровень шумов был занижен на несколько пунктов от предусмотренного проектом.

- Извините, что прерываю, Михаил Петрович: а у нас как с этим показателем - не завышен?

- Вы хотите сказать, не занижен ли?

- Да, не занижен ли?

- Нет, не беспокойтесь, на базе Канарейкин все так устроил, что за любую недоделку голову снесут. Ну, вот, доложил я, значит, обо всем командиру и услышал от него: «Это не беда, на всех лодках существуют такие несоответствия. Главное, чтобы он не превышал установленный ГОСТом зазор расхождений, а насчет мелких недоделок - так будет чем экипажу заняться, пока у пирса стоим». Живущие во мне немецкая педантичность и придирчивость не могли согласиться с его словами, и я сообщил об этом командиру дивизиона. Он мне только улыбнулся и сказал: «Молод ты еще, Фирсов, вот послужишь

годок-другой, хлебнешь океанской водички - тогда поговорим». Я не успокоился и написал в штаб флота самому командующему, где изложил все свои мысли по этой проблеме. Через месяц меня вдруг ни с того ни с сего переводят. Вас, кстати, часто переводили с лодки на лодку?

- Да нет, - слушая внимательно рассказ Фирсова, ответил Захаров.

- Нечасто. Счастливчик вы, Иван Алексеевич. Так вот, ответа на мой меседж так и не было. Потом спустя месяц меня снова перевели: командир на меня там чего-то написал. В общем, с тех пор стали меня пинать с одной лодки на другую, а я все писал и писал о технических неполадках, с которыми сталкивался после заводских ремонтов. Только потом я узнал, что ко мне за это прилипло прозвище «стукачок». В ответ, кстати, на мои жалобы ни гу-гу. А у вас как, Иван Алексеевич, с этим обстояли дела?

- С чем? - переспросил Захаров.

- С несоответствием между проектными требованиями и реальными показателями.

- Да у нас не такие уж и большие расхождения-то были.

- Бороться пробовали?

- У меня, к сожалению, нет вашей педантичности. Да и некогда, дело нужно было делать. Вон за два года только успеваешь подготовить экипаж, как он через год весь сыпаться начинает. Демобилизуются, а взамен им снова приходят желторотики.

- Да, с этим и у нас были проблемы. Однажды вызывает меня лично Калинин (это наш командующий Черноморским флотом) и говорит, что у него состоялся телефонный разговор с начальником политуправления ВМФ СССР, где ему пришлось ответить на несколько нелицеприятных вопросов. А потом он меня спрашивает: «Уж не ты ли, сердечный друг Фирсов, шибко поспособствовал, чтобы меня пропесочили из Москвы?» Я испугался немного и говорю: «Может, и я». Вам на ковре стоять приходилось?

- На каком ковре? - спросил Захаров.

- На том ковре, что перед столом начальника лежит.

- Конечно, не перед командующим флота, но приходилось, и даже не раз, - ответил Захаров.

- Тогда вы меня поймете, что со мной творилось. Так вот, после своего язвительного вопроса он, представляете, запел соловьем. «Понимаю, понимаю - молодость, горячее

желание послужить Отечеству. Хочется проявить свою выучку и личную инициативу. Не оставаться в стороне перед назревшей проблемой всеобщей жизни флота... сам когда-то был таким, неутомимым искателем справедливости. Это как диатез - бывает только у детей: тебе не кажется, что ты уже вырос? Нет? Послушать вас, так можно подумать, что у нас весь Черноморский флот небоеспособен и даже лодки, не проходившие еще и десяти лет, - и те уже нужно списывать на металлолом». И вот в таком духе парил он меня целый час, а в заключение своей назидательной отцовской речи дал мне понять, что если я еще буду совать свой нос дальше, чем ему это будет уготовано, то мне крепко не поздоровится. Лучше бы я его послушал. Да где там - нас же гордость всех одолевает, поэтому ушел я от него с чувством уязвленного самолюбия. Иван Алексеевич, а вы как к советам относитесь?

- Смотря к чьим?

- Ну, начальства, вот как со мной вышло.

- Нет, со мной это бесполезно: если мне в голову что-то втемяшилось, то все - никакой начальник меня не остановит.

- Я так и знал.

- Что?

- Вы такой же упертый, как и я, - ответил с улыбкой Фирсов. - Вот и я в следующий свой отпуск отправился снова в Москву. Добился через знакомых личной аудиенции с главкомом ВМФ СССР, адмиралом флота Чернятиным Владимиром Николаевичем, где и представил его взору все мое «собрание сочинений» за последний период. Полистав немного и бегло прочитав два-три листа, он о чем-то задумался, несколько раз повторив про себя: «Как это, как это?» Потом, оторвавшись от моих бумажек, он строго спросил меня: «Вы твердо уверены в подлинности изложенных здесь фактов нарушений?» А я ему прямо глаза в глаза и отвечаю: «Так точно, товарищ адмирал флота. Уверен».

- И что же дальше было? - спросил Захаров.

- Я вернулся на базу и, не показывая виду, тихо и молча дальше стал служить, а спустя неделю узнаю, что к нам приезжает главком Чернятин и с ним комиссия генерального штаба. То-то все засуетились: ну, там, все в порядок приводить начали, газон красить, помойку песком засыпать - в общем, марафет везде наводить. Когда приехала комиссия, она нашла подтверждение большинство

изложенных мною фактов технических нарушений. Мне присвоили внеочередное звание, а многим нашим адмиралам не повезло: кого-то разжаловали, кого-то на пенсию отправили, даже на самого Калинина взыскание наложили и отстранили от командования флотом. Я потом узнал: его перевели куда-то в другое место. Когда проверка закончилась и все страсти улеглись - тогда-то для меня настали не самые лучшие времена. От меня все буквально начали шарахаться, в общем, я стал изгоем. А наш новый командир дивизиона чуть ли мне не в друзья лез. Боялся, наверное, чтобы я и на него не настучал. Да, совсем забыл: все технические несоответствия так и остались неисправленными. Тогда я спросил себя: «И зачем я весь этот сыр-бор затеял?» После этого плюнул на все и стал служить дальше. Но кто-то на меня обиду затаил, до сих пор не могу понять, кто это сделал.

- Что? - спросил Захаров.

- Да кто меня тогда подставил?

- Где?

- Ремонтировали мы однажды систему охлаждения реактора, второй контур. Ну, должны были перекрыть ее и пустить по короткой воду из реактора. Но почему-то не сделали (я в соседнем отсеке был). Трубу отвинтили, а из нее как хлынет кипяток, ну, и пятеро сварились заживо. Самое интересное, что приборы показывали, что воды-то нет. Вот так, Иван Алексеевич. Может, иногда и нужно послушать чужих-то советов, чтобы беды не было?

- Это вы на что намекаете? - спросил Захаров.

- Ни на что. Я говорю только об одном: лучше спокойно выполнять возложенные обязательства, чем всюду совать свой нос, а потом из-за этого люди страдают. Самое главное, что воз-то и поныне там. Понимаете? Как в моем случае. И где здесь смысл? Нет его.

- Это вы мне про инструкцию намекаете?

- Я не намекаю, а говорю вам вот уже целый час открытым текстом, Иван Алексеевич.

- Зачем?

- Не хочу, чтобы Березин заменил вас.

- Почему он меня должен заменить? Кто меня может отстранить от командования?

- Он может.

- Откуда вы знаете?

- Мне ли не знать? Вам не говорили, что он на базе вытворял, пока вас не было?

- Нет, не говорили, но я так, краем уха, что-то слышал, - ответил, уже вставая, Захаров.

- Этот черт предан в доску Шкворину, и у него есть бумага, которая позволит вас отстранить от командования в любой момент. Я этого не хочу.

- Вы не доверяете Березину?

- Да не то чтобы не доверяю - я его ненавижу.

- За что?

- Есть за что. Я не хочу об этом рассказывать: может, когда-нибудь, когда время затянет раны, - тогда расскажу, а сейчас не хочу.

- Я в принципе и не настаиваю, это ваше личное дело. Как и мое - следовать мне вашим советам или нет.

- О, время - время летит с бешеной скоростью. Ну все, Иван Алексеевич, мне на вахту нужно бежать, - сказал Фирсов.

Через секунду его уже не было, а Захаров еще больше прежнего был озадачен беседой с Фирсовым. «Кто он? Действительно ли хочет мне помочь или ведет свою игру? Ну-ну, давай, скоро море-то смоем ваш грим и обнажит все истинные лица, и мы тогда посмотрим. Нужно только подождать...» - сказал сам себе Захаров и улегся обратно в кровать.

Запись датирована 24 августа 1990 года

Спустившись чуть ли не к подножию планеты, «Морской лев» обогнул австралийский материк, словно флажок, обозначающий поворот. Изменив после этого свое направление на сто восемьдесят градусов, пересекая по диагонали индийский прямоугольник, подводная лодка Захарова вошла двадцать четвертого августа в воды Аравийского моря, выполнив тем самым точно в срок задание, которое содержал в себе плотный желтый конверт, врученный Захарову Шквориным перед отходом «Морского льва» в поход.

На плоском экране центрального дисплея Захаров наблюдал, как его субмарина медленно входит в квадрат выхода на связь с «Центром». Воды Аравийского моря, легкие и прозрачные, ласково лизали объектив камеры «Sony», с помощью которой изображение передавалось на центральный экран. Они существенно отличались от своих собратьев Берингова моря, тяжело ударяющихся о каменистые берега Камчатского полуострова.

Сам квадрат связи был площадью не более пятидесяти миль и располагался на самом юге Аравийского моря, примерно посередине между оманским и индийским побережьем. Мимо него проходило множество торговых

путей, из-за этого движение в этой части моря было настолько оживленным, что Захаров решил удвоить вахту гидроакустиков. Он был еще не совсем уверен в профессиональной выучке своих подчиненных и поэтому решил понапрасну не рисковать. В правом углу монитора шевелились цифры, отсчитывающие время выхода на связь. Их можно было и не выводить на экран, так как центральный компьютер обязательно заранее оповестит весь экипаж о начале сеанса связи, но Захаров еще не приучил себя полностью доверять машине «Морского льва», пусть даже она и самая совершенная в мире. Для него уже было достижение то, что он доверил свою субмарину компьютеру, включив автоматическое управление.

- Внимание экипажу, говорит центральный компьютер: «Морской лев» в квадрате связи, - раздался у каждого, кто находился в центральном посту, мужской голос, похожий на диктора программы «Время» советского телевидения.

- Скорость пять узлов, глубина сто метров... - автоматом сорвалось у командира «Морского льва», но компьютер все то же самое уже повторял, не останавливаясь, и Захаров, опомнившись, замолчал, предоставив машине выполнить свою задачу.

- ...центру связи подготовиться к сеансу связи. Благодарю капитана Захарова за готовность заменить меня на случай моей неисправности.

Захаров этого не ожидал и, усмехнувшись, подумал: «А ты меня заменишь в случае моей неисправности?» Тем временем «Морской лев» шел на глубине восьмисот метров и теперь, задрав нос на двадцать пять градусов, устремился к поверхности.

Захаров переключился на акустиков.

- Внимание, говорит командир: вызываю акустиков. Доложите, что на горизонте?

- Говорит акустик: пеленг сто двадцать, скорость шестнадцать, дистанция сорок, обнаружен танкер. Пеленг ноль-два...

- Не перечисляй все, - прервал его Захаров, - сколько всего объектов в зоне обнаружения?

- Пять, - ответил акустик.

- Хорошо, - сказал Захаров.

- Лодка удифферентована на глубине сто метров, - сообщил компьютер.

- Выпустить кабель-антенну сверхнизких частот, начинаем работать в режиме приема-передачи информации, - скомандовал Захаров. Он знал, что эту команду без него никто не отдаст, и ему доставило большое удовольствие сделать это самому, так как голос «папы» уже чаще его звучал в эфире и Захарова это немного раздражало.

Сменив глубину, но не сменив курс, «Морской лев» продолжал двигаться на север. Позади его рубки справа по борту открылся люк, из которого длиной чуть больше шестисот метров благодаря нулевой плавучести тонкой змеей потянулся к поверхности кабельный шлейф антенны.

Сигнал передавался каждые десять минут в течение часа с двадцати двух до двадцати трех часов по московскому времени. На левом мониторе перед Захаровым мигал курсор, ожидавший поступления информации. Как только невидимые частицы коснулись гигантского волоса, поднявшегося на поверхность, и, спустившись по нему, проникли в мозг «Морского льва», пройдя шифровальные устройства, благодаря чему они обрели видимость, - тут же заставили мигавший курсор двигаться вправо, толкая того, чтобы он расчищал место для их появления.

24 августа 1990 года

22:04 по Москве

Директива № 01

Кому: капитану первого ранга Захарову И. А.

- 1. Прибыть в точку (18°05' с. ш., 58°30' в. д.) 26 августа в 23.00.**
- 2. Встретиться с двумя иракскими подводными лодками (осуществить связь на втором защищенном режиме канала связи).**
- 3. Выполнять слежение за воздушной обстановкой, обеспечив двум иракским единицам подводного флота безопасную зарядку аккумуляторов.**
- 4. Выйти в район патрулирования (восточное побережье Аравийского п-ва) с целью уничтожения транспорта переброски военной техники противника. Из оружия допускается применение только торпеды.**
- 5. Действовать только совместно с иракским подводным флотом, выполняя все их команды.**

6. Обеспечить скрытное пребывание в районе патрулирования.

7. Сроки выхода на связь остаются неизменны.

Прочитав текст сообщения, Захаров пошел к большому электронному планшету. Взяв электронный карандаш, он отметил точку, указанную в директиве. К нему подошел Алферов.

- На, почитай, - и Захаров протянул ему только что распечатанный текст радиограммы.

- Это недалеко от нас, мы можем не спеша дойти к точке встречи, - сказал штурман.

Захаров тем временем проложил курс «Морского льва». В углу планшета появились цифры: расстояние между двумя точками и время прибытия в конечную точку при средней скорости.

- Все внимание! - скомандовал Захаров. - Убрать кабель-антенну сверхнизких частот, глубина погружения пятьдесят метров, курс триста тридцать, скорость пятнадцать узлов.

- Товарищ Березин, - сказал Захаров, - зафиксируйте: «Морской лев» переходит в режим выполнения боевого задания.

- Есть, - ответил старпом, сидевший на месте вахтенного офицера.

Подводная лодка уже выходила на новый курс, когда Захаров покинул центральный пост, дав попутно уже на выходе команду на сбор всем старшим офицерам в кают-компанию через полчаса, а сам пошел в свою каюту и там, достав свой ноутбук, вызвал карту Аравийского моря, увеличив ее, он стал изучать место будущей охоты. Время пролетело очень быстро, Захаров даже не успел рассмотреть и половины того, что хотел.

- Иван Алексеевич, все собрались, - вдруг раздался голос штурмана.

- Хорошо, я сейчас иду, - ответил он и, взяв под мышку ноутбук, отправился в кают-компанию.

В кают-компанию все пять офицеров, разместившись на диванах, ожидали командира. Иван вошел, и все разом, как по команде, встали.

- Садитесь, товарищи офицеры, - начал он по-деловому. - Начинаем оперативное совещание. Итак, из центра поступила директива, - Захаров поставил принесенный с

собой ноутбук на журнальный столик. На его экране по-прежнему высвечивалась карта Аравийского моря. - Нам предписывается следовать к восточному побережью (Захаров показывал на карте карандашом), вот здесь нам необходимо встретиться с двумя подводными лодками иракского военно-морского флота, с ними совместно совершить нападение на первый повстречавшийся нам американский конвой. Из нашего арсенала оружия, которым можно будет воспользоваться, разрешение получено только на применение торпед.

Итак, товарищи, с этого момента экипаж «Морского льва» переходит на боевой режим работы. Это первое наше боевое задание, и мы должны выполнить его с честью, не обнаружив себя. Также на нас возлагается задача слежения за воздушной обстановкой во время зарядки батарей иракских подводных лодок. Очень надеюсь на вас, товарищи офицеры, что вы меня не подведете. Товарищ Алферов, доложите, когда лодка будет в точке встречи с иракскими подводниками.

- «Морской лев» будет в точке встречи 25 августа в восемнадцать тридцать. Переход займет двадцать часов.

- Значит, - продолжил Захаров, - у нас будут еще лишние сутки. Я намерен потратить их на подготовку экипажа к выполнению боевого задания.

- Кто будет возглавлять это интернациональное соединение? - спросил Заленский.

- Никто командовать не будет - все будут действовать в составе одной группы, а выбор поиска, естественно, за иракскими товарищами, - ответил Захаров.

- То есть специальных операций не предвидится: увидели, подошли, атаковали...

- Да, - ответил Захаров, - во всяком случае, в директиве об этом ни слова, может быть, у наших иракских товарищей и будет какой-то план, хотя я не думаю...

- Интересно, какие у них подводные лодки: на угле, что ли, они работают. Так их дым будет виден за десятки миль, тут даже и мы не поможем, - сказал Карташов.

- Из оружия позволяется использовать только торпеды? - спросил Заленский.

- Да, только торпеды, чтобы мы раньше времени не обнаружили себя. Конечно, вероятность успеха атаки резко снижается, но что делать, - сказал Захаров. - Товарищ

Заленский, я попрошу вас провести несколько учений торпедных атак с личным составом, чтобы к боевой ситуации все подошли уверенно - так сказать, полностью чувствовали технику без дрожи в коленках.

- Есть, - ответил Заленский.

- Также прошу за это время провести осмотр наиболее важных технических узлов, быть может, сделать повторную диагностику технического состояния лодки.

- Мы этим весь переход занимались, но лишний раз, конечно, не повредит, - сказал Фирсов, понимая, что эти слова относятся к нему.

- Несмотря на то, что ракеты мы не будем использовать, тем не менее хорошо бы также проверить и их готовность. Сергей Александрович, - Захаров обратился к Карташову, - хорошо бы проверить электронную аппаратуру. Я, конечно, понимаю, что это физически невозможно за такой срок, и все же попытайтесь проверить хотя бы ту ее часть, которая будет непосредственно задействована в бою. (Карташов молча качнул головой в знак понимания.) Алексей Николаевич, внимательно изучите район боевых действий, чтобы нам сразу иметь под рукой несколько вариантов пути ухода от возможного преследования. Проведите также тактические учения со своими подчиненными по выходу «Морского льва» в торпедную атаку.

- Будет сделано, Иван Алексеевич, - с серьезным видом ответил Алферов.

- Хорошо, теперь у нас остался Григорий Олегович, - Захаров оглядел всех присутствующих, заметив, что все смотрят на него, продолжил: - Сейчас наступает особенное, я бы даже сказал, очень ответственное для нас всех время, когда от каждого, от матроса до командира, потребуется проявить все свои лучшие качества и умение. От этого, как я понимаю, будет зависеть напрямую судьба всего «Морского льва». Чтобы максимально эффективно использовать все возможности каждого члена экипажа - для этого во всех отсеках должна царить спокойная атмосфера взаимного доверия. Поэтому, чтобы устранить все недомолвки, я предлагаю товарищу Березину рассказать об инструкции, выполнение которой возложено на него, иначе она как дамоклов меч висит над нашими головушками, мешая полноценно использовать весь наш потенциал.

Березин, услышав это, не смог скрыть своего раздражения, а на его лице почему-то выступила растерянность. Все офицеры смотрели на старпома, ожидая реакции с его стороны, но тот словно окаменел. Заметив, что его слова не возымели должного продолжения, Захаров встал и подошел к аквариуму, наблюдая за отстранено плавающими рыбками, продолжил:

- Мне бы очень не хотелось, чтобы меня, подобно этой рыбке, отсадили в другую посудину, не спросив на то моего желания.

- Товарищ командир, - не вытерпел Березин, - вы злоупотребляете своим служебным положением и толкаете меня на преступление...

- На какое же? - удивленно спросил Захаров.

- Вы требуете от меня нарушения приказа генерал-лейтенанта Шкворина.

- Я, вас, Григорий Олегович, никуда не толкаю и ничего не требую. Вы сами вольны выбирать... Я ни в коем случае не настаиваю, я всего лишь говорю о том, что в целях повышения эффективности выполнения поставленной боевой задачи необходимо четкое взаимодействие всех уровней командования между собой, и, конечно, особенно (я подчеркиваю - особенно) должна быть обеспечена слаженная работа между собравшимися здесь офицерами. Вот о чем идет речь. И если они будут всё доподлинно знать об инструкции, которая, не надо скрывать, может причинить каждому здесь сидящему неизвестно что. А самое главное - об этом же нельзя говорить. Эта инструкция столько страху на всех напустила, что буквально парализует человека, как только о ней заходит речь. Согласитесь, в таких условиях очень тяжело выкладываться на всю катушку, к чему-то стремиться... а дело-то между тем, может, и выеденного яйца не стоит.

- Я ничего не знаю, у меня есть приказ. Я знаю только одно: я должен действовать в соответствии с приказом, вот так.

- Разрешите идти? - сказал Фирсов, вставая с дивана, не вытерпев производимого Захаровым давления на старпома.

- Михаил Петрович, совещание еще не закончено, - остановил его входивший во вкус Захаров.

Фирсов, тяжело вздыхая, вновь сел на диван. Все остальные приняли еще более серьезный вид и взгляд свой

направили кто куда: в пол, на стены, на свои руки - лишь бы не видеть Захарова и Березина. Быть рядом и в то же время быть где-то далеко от них.

- Итак, Григорий Олегович, вы сказали, что у вас есть приказ генерал-лейтенанта Шкворина и вы готовы следовать ему. Так? - Захаров по-прежнему стоял у аквариума, но уже повернулся к Березину, выстрелив в него своим проникновенным взглядом, а тот сидел неподвижно, словно был чем-то страшно напуган.

- Да, - коротко ответил Березин.

- Понятно, - сказал Захаров, затем, немного помолчав, словно раздумывая о чем-то, продолжил: - Ну, хорошо, хорошо, Григорий Олегович, не хотите рассказывать - не рассказывайте, но вы же, в конце концов, можете обрисовать в общих чертах, черт вас возьми, что из себя представляет эта инструкция, чтобы снять страх у людей. Вы, наконец, можете оставить за скобками какие-то детали, допустим, даже самые важные. Например, вы же можете нам сказать о ее направленности, методологии выполнения, о средствах, которыми вы намерены воспользоваться, - Захарову казалось, что еще немного, еще чуть-чуть - и заветный приз окажется в его руках, нужно только сделать последнее усилие.

- Осторожно, не погни совсем, а то потом разгибать придется.

- Нет-нет. Я легонько.

И правая рука еще крепче сжала ручки плоскогубцев, в которых было зажато кольцо. Силясь замкнуть оба его конца, пальцы руки, превратившиеся в одно мгновение в мощные тиски, покраснели и немного раздулись.

- Чуть-чуть бы согнуть, и тогда остальной промежуток можно было бы заварить. Упертое, собака, никак не поддается, - силясь из последних сил, сказал мужик, сжимавший в своих руках инструмент.

- Давай, давай, еще немного. Ну, поднажми, - подбадривал его другой.

- Да ни в какую. Э-э-эх. Фу, черт. Во зараза, - вздохнул мужик и еще раз попытался совладать с кольцом.

- Брось его. Насрать. Возьми другое, - сказал его приятель.

- Нет. А что если молоточком постучать? - выдвинул идею мужик, державший плоскогубцы.

- Давай-ка я попробую, а то ты еще сломаешь, чего доброго, - и его приятель взял с полки молоток, - держи крепче, я ударю.

- Смотри, по рукам не попади, - предупредил его мужик с плоскогубцами.

- Да не бойся ты. Ну, держишь?

- Да.

Раздался звон от соприкосновения бойка молотка с кольцом.

- Во, смотри, облицовка слетела. Ну-ка, - и мужик с молотком взял кольцо в руки.

- Нет, его не согнешь, оно из кованого железа сделано. Можно сломать, но согнуть... Нет, не согнешь.

- Ну и хрен с ним, брось его в ведро, - сказал мужик, по-прежнему державший плоскогубцы.

- Панацея от неврастения на подводной лодке - только смерть, - смотря в стену, неожиданно произнес Заленский.

- Григорий Олегович, вы допускаете смертельный исход в действиях инструкции? - спросил Захаров.

- Я ничего не буду говорить, - упорствовал старпом.

- Как это так? Это приказ, товарищ Березин, и вы должны всем сказать: да или нет? Мы не в песочнице сидим, еще раз черт вас возьми, а на подводной лодке, и в целях выполнения поставленной перед экипажем «Морского льва» боевой задачи я могу вас отстранить от должности старпома.

- Отстраняйте, но от выполнения инструкции никто не имеет права меня отстранить. И заодно подумай, командир, о том, что ты скажешь Шкворину, когда он узнает об этом допросе, который ты здесь устроил перед всеми.

- Хорошо, но и вы заодно подумайте, как вам вернуться из этого похода живым. Если вы плохо понимаете, куда вы попали, то я вам скажу: одного попадания торпеды, ракеты в любую часть лодки хватит, чтобы ей и всем нам наступил конец. Это может произойти в том числе и из-за действия на «Морском льве» вашей инструкции. Подумайте о том, что скажет генерал-лейтенант Шкворин, когда узнает, что из-за вашего упрямства страна потеряла подводную лодку стоимостью шесть миллиардов долларов. Я уже не говорю о выполнении поставленной задачи.

- Вы мне угрожаете?

- Не больше, чем вы мне. Так что, будем говорить или нет? Я предлагаю вам очень неплохой вариант: вы нам все рассказываете, а мы все здесь присутствующие обещаем, что ни Шкворин, ни Канарейкин ничего не узнают о вашем нарушении приказа. Как вам мое предложение? - Захаров смотрел на него глазами спортсмена, стоящего на пьедестале, ожидающего, что вот-вот ему вручат по праву заслуженный им приз.

- Чт-о-о!!! - заорал неожиданно Березин, все аж вздрогнули. - Измена!!! Что это вы мне здесь предлагаете за договор?

- Спокойно, Григорий Олегович, спокойно... - попробовал успокоить его Фирсов.

- Чт-о-о!!! А ну, равняйся, смирно!!! - зычно скомандовал Березин. - Это что еще такое, совсем ошалели, что ли? А вам, товарищ Захаров, наверное, надоело

командовать подводной лодкой. Что это вы за заговор тут плетете, или на нарах давно не сидел, паскуда? Так я тебе это устрою. Второй вызывает команду охраны, - сказал Березин в микрофон.

- Что это значит? - спросил немного растерянно Захаров.

- Ничего. Я тебя отстраняю от командования и сейчас принесу приказ, - и тут Березин только вознамерился повернуться, чтобы выйти, как неожиданно получил удар кулаком в правую щеку от Фирсова, мгновенно рухнув как подкошенный.

- На помощь, на помощь! - заорал писклявым голосом Березин, лежа на полу.

Тогда Фирсов присел к нему и, взяв того за волосы на макушке, несколько раз ударил об пол, пока тот не потерял сознание.

Из-за двери раздался стук, затем она открылась рывком, и в кают-компанию вошел высокий старшина, а за его спиной в проходе были видны еще несколько человек.

- Товарищ командир, команда охраны «Морского льва» по приказу ноль второго прибыла, - доложил он.

- Очень хорошо, старшина, - сказал Захаров (в это время все уже встали, загородив собой лежащего на полу Березина). - Вам известно, что экипаж «Морского льва» переходит на боевой режим работы?

- Так точно.

- Вот мы и решили проверить вашу готовность, старшина. Я доволен результатом, ничего не скажешь - оперативно сработано, можете быть свободны.

- Служу Советскому Союзу, - ответил старшина и, закрыв дверь, ушел.

- Эти орлы, наверное, так же верно служат Березину, как он сам Шкворину, - сказал Захаров, указывая за спину, на дверь, большим пальцем сжатой в кулак руки.

- Конечно, - подтвердил Фирсов.

- Что вы сделали, Михаил Петрович! Теперь мы все попадем в заговорщики, - сказал Алферов.

- А я вообще не понимаю, чего вы, Иван Алексеевич, так пристали к нему с этой инструкцией, - сказал Заленский.

- Да, плохо дело, - сказал Карташов. - Если уж так нужно было, спросили бы меня - я бы вам кое-чего рассказал

об инструкции, а теперь что делать, когда он придет в сознание?

- Ничего страшного не произошло, сейчас вызовем врача, - спокойно сказал Фирсов. - Внимание, ноль третий вызывает лейтенанта Курехина.

- Курехин на связи, - отозвалось у всех в наушниках.

- Николай Игоревич, зайдите, пожалуйста, в кают-компанию: у нас тут Григорию Олеговичу плохо стало.

- Сейчас буду, - ответил Курехин.

- Так, товарищи офицеры, давайте-ка пока старпома положим на диван, - сказал Захаров.

Все обступили лежащее на полу тело Березина. На счет «три» они подняли и, слегка подбросив, уложили его на диван. От небольшой встряски тот на мгновение пришел в себя; беспорядочно бормоча, он попытался встать, но это у него не получилось, и он снова упал на диван.

- Григорий Олегович, лежите спокойно, сейчас подойдет доктор, - сказал Фирсов, расстегивая ему ворот.

В дверь вновь постучали.

- Да-да, войдите, - пригласил Захаров.

- Что случилось, Иван Алексеевич? - спросил Курехин. Он буквально влетел в кают-компанию и внезапно остановившись возле мирно лежащего Березина.

- Да ничего не случилось. Смешно даже рассказывать: Григорий Олегович говорил, говорил, а потом повернулся и хотел сделать шаг, но запнулся за что-то и упал. И вот видите... - показывая на голову Березина, сказал Захаров, - шишка уже, наверное, вскочила. Интересно даже: он, когда падал, умудрился еще и охрану лодки вызвать.

- Так, значит, небольшое сотрясение все же есть, - сказал себе под нос Курехин. Взяв старпома за руку, принялся отсчитывать пульс, а другой рукой, копаясь в принесенной им сумочке, искал аппарат для измерения кровяного давления, - Григорий Олегович, вас тошнит?

- Так точно, - тяжело протянул Березин.

- Ну, что ж, полежите пока у нас в медотделении... так, давление в норме, - сказал Курехин, подсчитав пульс.

- Товарищи офицеры, совещание закончено, все свободны, - сказал Захаров.

Вновь вызванная команда охраны лодки в сопровождении Курехина и Захарова отнесла Березина в

медотсек. Уложив его на постель, Захаров знаком показал Курехину, что хочет остаться со старпомом один на один.

- Как самочувствие, Григорий Олегович? - начал с вопроса Захаров.

- Голова болит, - коротко ответил Березин, повернувшись на бок.

- Это пройдет. У меня к вам вопрос...

- Если про инструкцию, то даже и не пытайся: все равно ничего говорить не буду, - прервал на полуслове Березин.

- Забудем про инструкцию. Я о другом...

- Тогда о чем?

- Зачем вам понадобилось вызывать охрану?

- Чтобы вас отстранить от командования.

- Интересно, - сказал задумчиво Захаров. - Я бы даже сказал любопытно. И чего бы вы этим добились? Кстати, вы и сейчас можете это сделать, - Захаров снял с головы свои миниатюрные наушники и протянул Березину. - Только кто возглавит лодку, подумайте об этом. Вы же, как я понимаю, номинальный старпом, опыта у вас никакого, и в это звание вас возвели, чтобы быть вторым человеком на лодке после меня. Ведь так? В случае чего (не дай бог, конечно), сразу меня отстраните, только, смотрите, не переусердствуйте, Григорий Олегович.

- Я не стану этого делать, - ответил Березин, отводя руку Захарова с наушниками.

- Почему? Вы же хотели.

- Хотел, но теперь делать этого не стану.

- Почему? - вновь допытывался Захаров.

- Зачем срывать операцию, мы с тобой потом за все рассчитаемся, - отстранено сказал Березин, трогая свою челюсть.

- Это угроза?

- Нет, это ответ на ваш вопрос.

- Значит, кто-то из нас один не должен вернуться из похода?

- Почему? Здесь твоя власть, командир, и мне придется жить по твоим правилам, а, когда придем на базу, будем жить по моим.

- Я по твоим правилам никогда жить не буду.

- Куда ты денешься, командир: и не таких ломали.

- То-то тебя так боятся все офицеры: видимо, уже хлебнули той жизни.

- Хлебнули и знают, кто в доме хозяин. Когда ты только прибыл, я хотел и тебе инструктаж провести, да Канарейкин отговорил. Теперь, вижу, зря не провел, тогда бы ты был немного поспокойней, а то вон какой смелый, - Березин еще раз потрогал свою челюсть.

- А я думал, что ты исправный служака.

- Я не служака и шестеркой никогда не был.

- Что же ты передо мной так козырял? Понравиться хотел?

- Волновался сильно.

- Зато теперь осмелел, как я вижу.

- Ты начал войну.

- А я всегда начинаю, и не только войну; я никогда не сижу и не жду.

- Войну нужно головой начинать, а не руками. Смотри, как бы тебе без нее не остаться, командир.

- О чем это ты?

- О том, чем все это может кончиться для тебя, командир.

- Поживем - увидим.

- Кто посмотрит, а кто и почувствует на своей шкуре.

- Ты опять мне угрожаешь? - Захарова уже начал раздражать Березин.

- Нет, даже и не пытаюсь.

- Ладно, поговорим о другом. Ты очень отрываешься от коллектива, и это плохо. Постарайся влиться и со всеми наладить взаимодействие.

- Я не для этого сюда назначен.

- А для чего - быть моей тенью, что ли?

Березин усмехнулся, потрогал себя за волосы, посмотрел на Захарова.

- Что-то вроде того.

- Тогда не мешай, понял? - как можно серьезнее сказал Захаров.

- Так точно, здесь же игра идет по вашим правилам, командир, - с улыбкой ответил Березин.

Захаров впервые увидел, как улыбается старпом, и он почувствовал отравляющую его организм тошноту. Теперь уже и ему захотелось ударить Березина, но тут дверь открылась, и из-за нее выглянула голова Курехина.

- Прошу прощения, Иван Алексеевич, но Григорию Олеговичу нужно бы отдохнуть.

- Хорошо, хорошо, ухожу, - сказал Захаров, - ну, что ж, поправляйся, тень, и, смотри, больше не падай.

- Постараюсь, - не снимая язвительной улыбки, ответил Березин.

Захаров вышел, надевая наушники, и в них он тут же услышал голос Заленского:

- Замкомандира обороны и нападения вызывает ноль первого.

- Ноль первый на связи, - ответил Захаров.

- Товарищ командир, я составил план завтрашних учений - может, зайдете, посмотрите?

Захаров посмотрел на часы: было уже за полночь. Сориентировался во времени, и тут на него напала зевота, голова сразу увеличила свой вес, поднялась ее плотность, и стало как-то тяжело. Сон непрошеным гостем уже стучался в его тело.

- Павел Витальевич, давай лучше с утра, а то сейчас уже поздно и я устал.

- Хорошо, так и сделаем.

- Ну, вот и ладно.

Все это время Захаров говорил на ходу, и к моменту окончания разговора он уже был в своей каюте. Без дальнейших промедлений он разделся и, зарывшись в одеяло, встретил долгожданного гостя.

Запись датирована 26 августа 1990 года

Условное утро наступило так же неожиданно, как и условная ночь. Захаров открыл глаза, посмотрел в потолок, а в мозгу стенографической лентой промелькнули события вчерашнего дня. Быстро собравшись, он вышел из своей каюты, а вчерашний разговор с Березиным все никак не оставлял его сознание. Больше всего расстраивало то обстоятельство, что весь высший офицерский состав лодки стал свидетелем унижительных действий по отношению к Березину. А последний с ним разговор, состоявшийся в медотсеке, породил вопрос: почему тот ни одним словом не обмолвился о Фирсове? Подходя к кают-компанию на завтрак, Захаров еще раз попробовал отмахнуться от назойливых мыслей, чтобы перед своими подчиненными предстать бодрым и свежим.

В особых случаях, когда все старшие офицеры собирались вместе во время завтрака, обеда или ужина, они шли не в офицерскую столовую, как обычно, а в кают-компанию. На это время она превращалась в столовую: сверху опускался стол, а из пола выросло некое подобие стоек с откидными спинками. Все уже были в сборе, когда Захаров переступил порог кают-компания. Его появление не произвело того эффекта, которого он ожидал от своих подчиненных. Напротив, весь процесс приема пищи шел достаточно спокойно и никаких подозрительно пытливых

взглядов в его сторону никто не метал. Никаких особенных знаков, говорящих о внутримозговой деятельности его подчиненных как остаточном явлении вчерашних событий, отложившихся в душе неизгладимым отпечатком. Все были заняты исключительно подготовкой к встрече с иракскими подводниками. После завтрака к Захарову подошел Заленский.

- Иван Алексеевич, вот план сегодняшних учений, - и он протянул бумагу с расписанием.

- Да, сегодня нужно подготовиться, чтобы быть во всеоружии, - обрадовавшись этому, словно ребенок, сказал Захаров, забирая бумагу из рук Заленского. А в нем самом происходила окончательная перенастройка направления эмоционального состояния души совершенно на другой диапазон.

Учения предполагали с течением времени обнаружение все возрастающего числа морских и воздушных объектов. Все контуры центрального поста должны были осуществлять четкую работу во взаимодействии друг с другом, обеспечив таким образом своевременное обнаружение в полуавтоматическом режиме и уничтожение всех объектов, угрожавших жизни «Морского льва». Ознакомившись с планом учений, Захаров одобрил его и отдал бумагу со словами предостережения о возможной перегрузке экипажа перед началом боевой операции. Заленский принял замечания к сведению и пообещал, что, если в работе его подчиненных начнутся систематические сбои, он немедленно прекратит учения. После этого разговора они вместе отправились на центральный пост, где Заленский занял место командира для руководства процессом учений, а Захаров решил посмотреть, как протекает работа в каждом контуре. Поочередно переходя из одного в другой, он все больше и больше убеждался, что на его лодке собраны действительно высококлассные профессионалы.

В голову как-то сама собой пришла мысль: в тюрьмах Советского Союза, наверное, сидят почти все лучшие люди страны. Но трагическую сторону этой мысленной находки он почему-то не почувствовал, у него даже не возникло вопроса: а почему так происходит? Привычка принимать все, как оно есть, и не обсуждать твердо держала свои позиции. Вот и сейчас раз у него не возникло ни малейшего сомнения на этот счет - даже более того: он абсолютно себя не ассоциируя

с лучшими людьми страны находящимися в тюрьмах, по-прежнему считал, что он на службе, а не в заключении, хотя и понимая где-то глубоко внутри себя, что это далеко не так.

Вода наступала незаметно, она подползала, подобно змее, подбирающейся к своей жертве. У наблюдавшего за ее незаметным движением, за ровно и неспешно скользившим по земле телом возникал вопрос: каким образом? Ведь у нее же ног нет. Травинки, словно малые дети, скрывались под ней, вытягивая вверх свои ручки, сигнализируя о приближающейся беде.

Матвей вышел на крыльцо своей избы и, потягиваясь ото сна, посмотрел в сторону деревни, откуда показались люди. На повозках ехало несколько семей.

- Чего, Семеныч, уезжаешь? - узнав среди них своего знакомого и не дожидаясь, когда тот подойдет поближе, крикнул ему Матвей.

- Уезжаю, и ты уезжай, а не то и твою избу затопит. Места здесь топкие, негоже более здесь оставаться, давно пора была съехать отсюда.

- Нет, не затопит, - отвечал Матвей. - А ты куда ныне? На времянку к братану или навсегда?

- Да порешили более уж не возвращаться. Жона правильно во прошлом-то году стрекотала: «Уезжать, уезжать отседового надобно». И вправду баба права была. Места здесь пропасть, каждый год ссыт и ссыт, во, прорва, - сказал Семеныч, дергая за поводья лошадь.

- Да, с позапрошлого-то году как бережок-то поклонился реке, так та и насела на него, словно баба избалованная.

- А ты, Матвей, чего не едешь? Смотри, когда петух прокукарекает, поздно будет.

- А почто мне съезжать-то? Этот сруб еще мой дед ставил. С умом ставил, на пригорок взгромоздил, видать, еще тогда прочухал о воде-то. Это ваши хаты в низине устроены - до них воде добраться, как кошке в курятник забраться, а до моей ей ни в жизнь не видать. Во прошлом-то году вы все наверх подались, а я здесь один куковал. Вода доползла вон до сех и встала, а потом впопятну отошла. И сейчас так же будет.

- Зазря так говоришь, Матвей. Ты не видел, че у Бракунинских делается? У них такое бедалажье случилось: в одну ночь без избы остались, такого в прошлом-то году не было.

- Так они, дурачье, у самой водоносицы живут, ешо бы они не потопли.

- Нет, как ни говори, в эту весну всем худо будет. Уезжать, Матвей, надо, зря ты на печи-то сидишь, думаешь, что тебя вода-то стороной обойдет? Не обойдет, попомни мое слово.

- Будя, будя лапотать-то понапрасну, а то еще и вправду беду накличешь.

- Ну, будь здоров тогда, Матвей, уж теперича не знаю, когда и свидимся, - сказал Семеныч и, тронув лошадь, поехал далее. А Матвей, почувствовав сырость в ноге, скорей заспешил обратно в дом.

Отсутствие глубинной мудрости, смелости и свободы мысли, побуждающее задавать себе любые вопросы и через нахождение ответов на них осознавать всю полноту сложившейся ситуации, в которой он оказался, не позволяло этого сделать. Плюс неимение той мужественности, необходимой для взгляда на, быть может, иногда и неприятно пугающий результат искомого ответа, делало свое дело,

оставляя Захарова в плену им же самим созданных предохранительных иллюзий.

К пятнадцати часам учение закончилось, подтвердив высокую боеготовность лодки и ее экипажа. Была объявлена готовность номер три, и у людей появились три часа для отдыха перед началом выполнения первой настоящей боевой задачи.

Ровно в восемнадцать часов снова объявили готовность номер один. «Морской лев» уже довольно долго находился в зоне действия американских ВМС, и Захаров все это время был в центральном посту, наблюдая за оперативной обстановкой.

- Всем внимание: лодка в точке встречи, - известил всех Алферов.

- Самый малый вперед, всплываем на перископную глубину, - отреагировал Захаров. - Внимание контуру ПВО: немедленно доложить о воздушной обстановке в районе нахождения.

- Есть доложить о воздушной обстановке, - ответили из контура ПВО.

Эта команда означала, что, прежде чем будет поднят перископ, из воды вынырнет выдвижная антенна РЛС и, только после того как Захаров убедится в том, что поблизости нет никаких воздушных объектов, он отдаст приказ о его подъеме.

Спустя некоторое время из контура ПВО пришло подтверждение о воздушной безопасности в районе нахождения «Морского льва» и Захаров поднял перископ. Большой экран в центральном посту тут же окрасился в смесь светло-зеленых и светло-синих тонов Аравийского моря. В зоне видимости ничего нельзя было разглядеть, кроме иллюзорного соития в глубине экрана неба и воды.

- Акустик, что на горизонте? - спросил Захаров.

- Горизонт чист, - ответил акустик.

Иракские подводники должны находиться в точке встречи уже пятнадцать минут, но их по каким-то причинам не было здесь. Захаров терпеть не мог, когда кто-то опаздывает. Взглянув на часы, он почесал подбородок и сказал сам себе: «Может, возникли трудности с прохождением Ормузского пролива?» И в следующую секунду скомандовал:

- Штурман, рисуй овал: по нему будем ходить, пока их не дождемся.

- Есть, - ответил Алферов.

Лодка медленно дрейфовала по замкнутому маршруту, обозначенному Алферовым на карте. Монотонно поступали доклады о появляющихся и исчезающих на горизонте торговых кораблях. Захаров, подождав немного, объявил готовность номер два и через полчаса пошел ужинать.

Ожидание двух иракских подводных лодок затянулось и продлилось около двух часов. Захаров успел поужинать и вернуться на свое рабочее место. Он уже начал думать о выходе на связь с «Центром» с целью уточнения дальнейших действий, как неожиданно услышал голос акустика:

- Внимание, пеленг тридцать восемь, обнаружены два подводных объекта, предположительно дизельные подводные лодки, направление сто семьдесят четыре, дистанция шестьдесят миль, скорость тринадцать узлов.

- Всем внимание, говорит командир: подготовиться к выходу на связь, - моментально оживился Захаров.

Между тем два темных силуэта, идущих на стометровой глубине, приближались к «Морскому льву». Захаров понимал, что они не видят их, иначе бы уже давно всплыли под перископ для выхода на связь. Из воды вынырнула антенна высокой частоты в ожидании приема прозрачных радиосигналов, посредством которых люди, находящиеся в разных замкнутых пространствах, сумеют договориться о совместных действиях.

Достигнув точки встречи, обе иракские подводные лодки, как по команде, синхронно всплыли на перископную глубину и высунули свои щупальца. Извинившись за опоздание, иракские подводники сообщили о районе действия, но прежде с их стороны прозвучала просьба, обращенная к капитану «Морского льва», - внимательно проследить за воздушной обстановкой в то время, когда они будут вынуждены, для зарядки аккумуляторов, находиться у поверхности моря. Для этого они использовали выдвигающуюся из прочного корпуса трубу (шнорхель) диаметром около пятидесяти сантиметров, через которую подавался внутрь подводной лодки воздух. Без него невозможна работа дизеля, обеспечивающего зарядку аккумуляторов. Захаров дал согласие, и для своевременного обнаружения самолетов было выпущено несколько

радиолокационных буев. И еще около шести часов три подводные лодки друг за дружкой ходили по нарисованному Алферовым овалу.

Был уже час ночи и Захаров чувствовал, как невидимая дымка сна окутывает его глаза. Чтобы не утонуть в ней, он постоянно пил кофе, и едва иракские подводники сообщили о конце процесса зарядки аккумуляторов, как он, переговорив с Заленским и оставив того за старшего, покинул центральный пост. А три подводные лодки тем временем направились к восточному побережью Аравийского полуострова.

Под самое утро Захаров был разбужен глухим воем сирены. Информационные слои медленно накладывались друг на друга, образуя единое информационное поле, являющееся составной частью любого человеческого сознания. Когда вся информационная база была сформирована и Захаров смог наконец-то придать своим действиям осознанный характер, он, немедленно собравшись, вышел в коридор. И тут голос Заленского, ударившись о слуховую перепонку, отразился в его голове.

- Иван Алексеевич, обнаружен американский крейсер УРО класса «Belknap», ведет охоту за танкером.

- Ну и что? Нас заметили? - спросил Захаров: его мозг еще не мог расшифровать весь смысл сказанного Заленским. Он на мгновение остановился, очевидно, вся его энергия ушла в вопросы.

- Нет, похоже, мы пока не обнаружены, но вот наши иракские «друзья», увеличивая скорость, идут на сближение с ним.

- С кем?

- С американским крейсером.

- Что-о? - от услышанного нервные клетки головного мозга Захарова испытали короткий скачок напряжения, последствием которого стало возбуждение всей его сущности, и, поскольку капитан не нашел ответа, объясняющего безумные действия иракских подводников, на его лице, как на индикаторе, отображающем его внутреннее состояние, появилось удивление.

Ускорив шаг, Захаров в считанные секунды оказался на своем привычном месте. Мониторы уже светились колким мерцанием. Центральный отображал оперативную обстановку вокруг «Морского льва».

На сферической поверхности планеты происходило удивительное событие, позволяющее сохранить жизнь во всей ее многообразной полноте, в какой она и дошла до наших дней: море рождало вселенское светило нового дня. Всему живому были видны еще только его волосики, но уже в их свете можно было различить силуэты двух кораблей.

Американский крейсер УРО класса «Belknap» (бортовой номер CG-34) «Biddle» стремительно догонял иракский нефтеналивной танкер, который на полной скорости пытался от него уйти. Заметив, что их судно преследует американский корабль, две иракские подводные лодки, идущие с юга, повернули на север и, прибавив ход, начали выходить в торпедную атаку. «Морской лев» же остался верен полученному приказу - нападать на транспортные суда американского флота и тем самым попытаться нарушить переброску войск. Поэтому, не изменяя частоту вращения своего винта, он шел на северо-запад. Несмотря на то что подводные лодки имели количественное превосходство, американский крейсер по своему вооружению и радиоэлектронной аппаратуре имел перед ними несравнимое преимущество. Двадцатимиллиметровая носовая артиллерийская установка крейсера громогласно и убедительно приказала иракскому танкеру остановиться. Капитан танкера, видимо, понимая всю бесперспективность дальнейшего бегства, незамедлительно подчинился приказу. На корме крейсера стоял вертолет, куда уже садилась досмотровая команда из морских пехотинцев, когда его акустик передал сообщение об обнаружении двух подводных лодок. Расстояние было еще слишком велико, чтобы начинать боевые действия, и крейсер, не сбавляя хода, начал выполнять поворот, чтобы, развернувшись, выйти в атаку, не дожидаясь нападения из глубины, а его экипаж уже вел интенсивную работу подготовке нанесения упреждающего удара по противнику. Иракские подводные лодки, забыв всякую предосторожность, также на всех парах шли на сближение. дистанция между ними сокращалась с каждой секундой. Захаров недолго смог оставаться безучастным к разыгрывающейся на его глазах драме с предсказуемым исходом. Осознавая, что в этой схватке победителем выйдет американский крейсер, он отдал приказ увеличить ход с тем, чтобы быть рядом на случай, если потребуется его помощь.

Крейсер продолжал идти навстречу приближающимся к нему иракским субмаринам. Он уже не скрывал своих намерений и вел поиск в активном режиме обнаружения, а с его борта поднялся в родную стихию противолодочный вертолет SH-2F «Si Sprite» для окончательного определения местоположения и идентификации подводных лодок.

Как только расстояние с крейсером уменьшилось до десяти миль, обе лодки замедлили ход. Было очевидно, что выходить в атаку, когда корабль движется прямым курсом на атакующие подводные лодки, невозможно. Инстинкт самосохранения, хоть и с опозданием, все же одержал победу в буйных иракских головах. Лодки поворачивали назад с тем, чтобы раствориться в глубине Аравийского моря, но вертолет уже прибыл в район их местонахождения и на кабель-тросе опускал гидроакустическую антенну.

«Морской лев», имея превосходство в скорости и скрытности плавания перед иракскими подводными лодками, обогнав их, занял перпендикулярную позицию относительно крейсера, готовившегося нанести смертельный удар по спешно уходившим от него подводным лодкам. Два буя РЛС уже были выпущены из чрева «Морского льва» и мирно качались где-то посередине между двух агрессивно настроенных сторон. Оператор РЛС «Морского льва» уже докладывал первые данные, полученные с помощью нейронной связи, как с крейсера произвели залп двух противолодочных ракет «ASROC».

- Внимание, говорит оператор РЛС: из голубятни вылетели две птички, скорость тысяча узлов.

Действительно, из пусковой установки, расположенной на носу крейсера, вышли две ракеты длиной чуть больше четырех с половиной метров. Мощный огненный поток, вырвавшийся из их хвоста в противоположном направлении, довольно резко придал огромную скорость ракетам, и те начали свое движение по баллистической траектории в район нахождения иракских подводных лодок.

Рассчитать время пуска мини-торпед, которые должны будут перехватить запущенную с крейсера смерть, Захаров поручил бортовому компьютеру. Спустя секунду в правом верхнем углу включился обратный отсчет времени их пуска. Противолодочные ракеты еще находились в воздухе, когда запрограммированный таймер выключения маршевого двигателя, служащий одновременно определителем времени

и расстояния полета ракет, сработал и две хвостовые части синхронно отпали, хаотично упав в море, превратив ракеты в две торпеды, плавно опускающиеся вниз на парашютах. Именно в этот момент на центральном посту «Морского льва» раздался монотонный писк, сигнализирувавший о пуске мини-торпед-перехватчиков.

Захаров в очередной раз только успел раскрыть рот, как «папик» доложил о том, что две торпеды, выпущенные из первого и второго торпедных аппаратов, уже в воде. Он только успевал отслеживать всю ситуацию на своих трех мониторах. Командир «Морского льва» ощущал себя вне игры, несмотря на то что был вроде бы центром принятия всех решений. События протекали быстро, и если бы ситуация резко изменилась и возникла бы какая-то опасность, угрожающая «Морскому льву», Захарову казалось, что он даже не сможет ничем помочь своему кораблю. Он чувствовал совершенно беспомощным перед действием центрального компьютера, ощущая себя не в роли командира, от которого все и вся зависит на подводной лодке, а в роли пассажира, который должен только хлопать глазами и удивляться всему происходящему.

- Уважаемые отдыхающие, впервые в нашем парке сегодня работает аттракцион «Американские горки», - раздался голос женщины из динамика.

Сереза с отцом уже купили билеты и ждали, когда седовласый старик, стоящий на входе, даст добро на посадку. И вот поезд опустел, вахтер снова окинул весь состав своим взглядом и, убедившись, что никого не осталось от прошлого заезда, снял с крючка цепочку, преграждавшую путь новым желающим прокатиться на чудо-поезде. Сереза, не дожидаясь, когда старик оторвет контроль у билетов, юркнул под его рукой. Заняв место в самом первом вагончике, он тут же спросил у папы:

- Папа, папа, а где же руль?
- Зачем тебе он?
- А как же мы поворачивать будем? Мы же тогда разобьемся на повороте.
- Поезд идет по рельсам, поэтому он никуда сам собой не свернет.
- Но скорость-то нужно сбавлять на поворотах, а то вылетим и никакие рельсы не помогут. Где здесь педали? - не унимался Сереза.

- Не волнуйся, он скорость сам сбавляет, ты только сиди, крепко держись и получай удовольствие, - ответил отец.

И тут весь состав с Серезей и его папой тронулся. Взбираясь на горку и стремительно падая с нее, переворачиваясь и двигаясь по замкнутой петле, он летел стремительно вперед, сыпля в лица своих пассажиров прохладный воздух. Мальчик, широко раскрыв глаза и рот, созерцал и переживал все происходившее с ним. Он с замиранием сердца переносил все падения и стремительные взлеты. Когда же закончилась поездка, мальчик, выходя из поезда, разочарованно сказал отцу, что ему не понравились эти «американские горки». Отец его спрашивает: «Почему?»

- Сиди, как дурак, и смотри - интерес какой, - отвечает с серьезным видом Сергей. - Пойдем лучше кататься на машинках: там хоть скорость и не такая, но все же я там сам буду управлять, а не кто-то со стороны.

На левом мониторе отображались передающиеся в цифровом режиме дублирующие показатели двух работающих в активном режиме поиска в головных частях мини-торпед узконаправленных гидроакустических станций. Два оператора, работающие в противокорабельном контуре, пристально следили за рамкой, состоящей из оси X и Y. В них должны были появиться торпеды, идущие на уничтожение иракских подводных лодок. Задача операторов состояла в корректировке (при необходимости) наведения торпед на конечную цель. После приводнения американские малогабаритные торпеды «Мк 46» также начали вести поиск своих целей. Но к этому времени система наведения пущенных им наперехват мини-торпед с «Морского льва» уже произвела их захват, а окончательное наведение на сверхмалые цели, осуществленное с помощью лазерного радара, обеспечило благополучный исход авантюрного порыва иракских подводников. Море очень бурно отреагировало на высвобождение мощной энергии из заключенных в четырех металлических корпусах самодвижущихся цилиндров. Многочисленные руки, словно взывая о помощи, поднялись на несколько десятков метров вверх, а воздух стал проводником яростной радости свободы невидимого джинна. Акустик, находившийся на американском крейсере, был очень удивлен, когда заметил, как две засечки появились из темноты его экрана, стремительно уничтожив посланный вдогонку иракским подводникам смертельный привет с крейсера УРО «Biddle».

Запись датирована 26 августа 1990 года

Две иракские дизельные подводные лодки уходили на юг, пока полностью не разрядили свои аккумуляторы, настолько сильно подействовала на них атака американского крейсера. Свое чудесное спасение они приписывали Аллаху, нисколько не догадываясь о том, что этим они обязаны моряками «Морского льва». Быть может, Аллах как-то и воздействовал на Захарова, потому что изначально у него не было ни малейшего желания вмешиваться в ситуацию. Ему в принципе не нравилась вся эта международная операция. Командиру «Морского льва» было бы гораздо удобней действовать в одиночку, нежели совместно с людьми, с которыми он не только незнаком, но даже не являлся их соотечественником. Помощь иракскому народу для него не цель, при выполнении которой проявилась бы его личная заинтересованность. У Захарова просто был приказ, и его

отношение к нему такое же, как к любому другому приказу, которых у него до этого были десятки. Не имея никакой прочной основы под ногами, всегда трудно отправляться в дальнюю дорогу с человеком, к которому ты никак не привязан.

Исчерпав всю энергию из аккумуляторов, две дизельные иракские субмарины поднялись к поверхности и, высунув трубу, начали жадно сосать через нее кислород, чтобы обеспечить им дыхание дизелей и экипажа. А тот в свою очередь не только сообщал лодке ход, но и с его помощью генератор вырабатывал электроэнергию, насыщая ею оскудевшие аккумуляторы. Команде «Морского льва» вновь пришлось взяться за монотонную работу обеспечения безопасности плавания у поверхности Аравийского моря.

Процедура зарядки аккумуляторов снова продлилась очень долго и заняла около восьми часов. Захаров, чтобы не терять времени зря, отправился к Карташову, который находился на своем боевом посту и чем-то был занят, напряженно смотря в экран компьютера.

- Добрый день, - сказал Захаров, подойдя вплотную к Карташову.

- Да, - пространно ответил тот.

- Что «да»?

- Что? - оторвавшись от экрана, переспросил Карташов и повернулся к Захарову.

- Я говорю: добрый день, Сергей Александрович.

- Да, день добрый, - ответил Карташов и бросил снова беглый взгляд на экран.

- Вы чем-то заняты?

- Да как вам сказать: и да, и нет.

- А если поподробней?

- Поподробней - пожалуйста: драйвер программы локализации неисправностей в компьютерной сети шестого отсека куда-то пропал, а еще у нескольких электронных карт не соответствуют координаты с реальными. Ну, как вам?

- Очень хорошо. И что намерены делать?

- С первым все понятно - выпишем у «папика», а вот со вторым придется повозиться. Если нарушения систематизированы, то вычислим ошибку и поручим исправить «папику». А вот если там полный раскардаш - тогда все, приехали, придется делать все вручную. И для

этого мне потребуются оба младших штурмана, и работы нам хватит как минимум часов на тридцать шесть.

- Я как раз и хотел с вами поговорить насчет «папика».

- Пожалуйста. Что вас интересует?

- Мне, Сергей Александрович, интересно, почему приказ на запуск торпед отдал наш центральный компьютер, а не я.

- Это для нас проблема?

- Да нет, но все же мне кажется, что моя роль как командира «Морского льва» нивелируется.

- Да нет же. Вы, Иван Алексеевич, преувеличиваете способности нашего «папика». Он скромный.

- Почему вы так говорите?

- Да потому. Посмотрите вокруг, Иван Алексеевич: мы стоим на пороге двадцать первого века, человек (это уже становится очевидным) не может поспевать за развитием боевой ситуацией, а машине это по плечу. Так почему же не возложить на нее эту обязанность? Если вы чего-то опасаетесь, то зря. Мы при возникновении необходимости можем заблокировать всю систему автоматизированного наведения, только я не стал этого делать. Потому что я видел, что нашему «папику» эта задача - как дважды два четыре.

- Не знаю, не знаю... и все же мне это не нравится. Я очень вас прошу: решение, в каком объеме применять автоматизированную систему старта и дальнейшего наведения оружия «Морского льва», буду принимать я, а не вы.

- Пожалуйста, просто я боялся, что из-за недостатка у вас навыков в управлении огнем мы опоздаем прийти на выручку нашим иракским друзьям.

- Ну, вот и договорились, - сказал Захаров.

- Конечно, - Карташов невозмутимо посмотрел на него.

- Любите, чтобы последнее слово оставалось за вами?

- Мне по чину положено. Иначе что я тогда за командир, если я ничего не могу контролировать на своем корабле?

- Но век же машин наступает, и человеку все трудней составлять им конкуренцию.

- А вы, похоже, уже с ней, - Захаров показал на экран компьютера, - больше не играете в догонялки?

- Я? Нет. А зачем? Гораздо интересней контролировать весь процесс со стороны, а соревнуются пусть дураки. Потому что это все равно что плевать против ветра.

- Выходит, я дурак, а вы умник, сидящий на трибуне и смеющийся надо мной?

- Я такого не говорил.

- Ну, как же: вы только что сказали, что пусть соревнуются дураки, а я в сторонке посижу.

- Но я вас не имел в виду.

- Но я же пытаюсь с ним соревноваться. Так? - Захаров снова показал на компьютер.

- Вы пытаетесь меня в чем-то уличить? Ни к чему это, Иван Алексеевич.

- Что?

- Да все.

- Я вас не понимаю, Сергей.

- Я говорю о том, что, как бы мы ни пытались что-то сделать, все равно будет так, как они хотят. Мы здесь марионетки, и от нас ничего не зависит. Поэтому лучше, командир, сидеть и не рыпаться, то есть сидеть и наблюдать со стороны и по возможности контролировать ситуацию, но только со стороны. И не лезть напролом, стуча кулаком: я вам покажу, кто здесь хозяин! Понимаешь меня?

- Не совсем. Вы это о чем?

- Я все о том же, - и Карташов, нажав пару клавиш, показал на экран. На нем светились слова: **Категория секретности «Д». Инструкция. Только для лиц, имеющих доступ к уровню секретности «Д».**

- Вот это да: вы просто читаете мои мысли, Сергей...

- Их и читать не нужно - вы весь как на ладони.

- Что значит «весь как на ладони»?

- Вы, командир, настолько одержимы идеей узнать любой ценой об этой инструкции, что даже ничего вокруг не замечаете - на языке разведчиков такое поведение характеризуется как потеря бдительности. Если и дальше будете так действовать, то не только себя, но и ребят погубите. Дело, конечно, ваше командир. Вам решать. Только я вас прошу: если не о себе, то хоть о других подумайте.

- А я как раз о вас в первую очередь, и думаю. Закрой пока это, - сказал Захаров, показав на экран, - давай лучше познакомимся. Я тут ко всем пристаю с биографией. Вот теперь хочу к тебе с этим же пристать.

- О себе рассказать? - переспросил Карташов.
- Да, расскажите о себе.
- Здесь говорить не буду.
- А где?
- К вам пойдем.
- Хорошо.

Оба встали и пошли в каюту командира. Проходя узкими коридорами, Захаров вспомнил о Березине, решив его как-нибудь снова повидать. Взяв это соображение себе на заметку, он решил, что, как только появится свободная минута, то непременно заглянет в лазарет. Увлеченный этими размышлениями, он освободил себя от налета всех предисловий с Карташовым и происшедших недавно боевых действий, в ходе которых машина ущемила его самолюбие. Войдя в свою каюту, Захаров уже был полностью готов отдаться во власть рассказа Карташова. Но, как только Карташов присел на кровать, он тут же рассмеялся.

- Почему вы смеетесь? - спросил, недоумевая, Захаров.

- Да мы здесь уединились, как два гомика для любовных утех. Как представляю, что вы здесь попеременно с каждым из нас секретничаете, так потом не удивлюсь, что по лодке поползут слухи о вашей нетрадиционной половой ориентации.

- Вам кто-то уже об этом говорил? - спросил настороженно Захаров.

- Да еще нет, но, когда скажут, я уже буду к этому готов.

Карташов продолжал смеяться.

- Вы только представьте: всех проверяли, ну, там, тесты и все такое прочее... До похода все были с нормальной ориентацией, а тут лодка возвращается из похода, а весь экипаж голубой. Ха-ха-ха... Просто на лодку попал один петух, которого не смогли вычислить наши доблестные органы. А знаете почему? Потому что органы не половые, а государственные. Ха-ха-ха. Засунули шестьдесят здоровых мужиков в консервную банку, замариновали и отправили, а женщинами не обеспечили, хотя бы резиновыми, как спецсредством для облегчения... Ну, вы меня понимаете... Ха-ха-ха.

- Как же ты без этого на базе жил? - еще не совсем понимая, что происходит с Карташовым, спросил Захаров сам для себя не замечая что перешел с ним на «ты».

- Я не знаю, как рядовые, а у нас до вашего приезда были еженедельные свидания с проститутками что ли, не знаю... Так сказать, для удовлетворения своего аппетита. Вы лучше расскажите, как у вас там, на флоте, без женщин люди живут. Я слышал, что в компот бром мешают, чтобы доблестные матросы утренним столбняком не мучились... Ха-ха-ха. Это правда?

- Насколько я знаю, это слухи, и не более, - все еще не понимая состояния Карташова, ответил с улыбкой Захаров.

- Так как же вы там служите без успокоительного... Ха-ха-ха. Я... Я... представляю, когда бравые... Ха-ха-ха, - тут Карташов так зашелся смехом, что даже не смог дальше говорить. Смех буквально овладел всем его речевым аппаратом. - ...берегитесь, девки... Ха-ха-ха. В бой идут... голодные парни с бычьим... Ха-ха-ха... аппетитом... Ха-ха-ха.

- Сергей, успокойся, - Захаров понял, наконец, что у того истерика, и попробовал привести его в нормальное состояние.

- Что? Ха-ха-ха. Меня... Ха-ха-ха.

- У тебя истерика, Сергей, это бывает от большого напряжения.

- Ага... Ха-ха-ха, у меня, знаете, какое там напряжение... Ха-ха-ха, иногда кажется: вот-вот взорвусь... Ха-ха-ха.

- Я вызову Курехина, - сказал Захаров и взял лежащие на столе наушники.

- Не надо, командир... Ха-ха-ха, я сейчас успокоюсь... Ха-ха-ха, - барахтаясь в море смеха, взмолился Карташов.

- Ты что, на флоте никогда не служил? - спросил Захаров.

- Откуда, ха-ха-ха, я из гражданских. Ой, тяжело-то как... - ответил Карташов, держась за живот и одновременно пытаясь вернуть себе контроль над собой.

- Тогда почему у тебя звание капитана третьего ранга?

- Почему? Почему? Потому что... Ха-ха-ха... положено, чтобы человек, занимающий эту должность, которую я занимаю, был военным. Ой, я не могу больше, а, а, ой, боже мой!

Со стороны Захарова последовало молчание.

- Вы вот своих трех звезд сколько добивались? - продолжил Карташов, когда окончательно пришел в себя. -

Сколько рисковали? А я эти звездочки каждый месяц экстерном получал.

- Абсурд, как это может быть?

- А так. Вы никогда не задумывались, что в нашем государстве, помимо общей очереди, в которой ты стоял, есть черный ход - зайдя туда, можно получить все, что хочешь, и без всяких проволочек? Оптом.

- У нас везде эти черные ходы существуют: вон зайди в магазин - на прилавках ничего, а зайди с черного хода - получишь дефицит, если, конечно, тебя там знают. Только мне никогда этим пользоваться не приходилось. Но чтобы здесь - это новость, это же не конфетки какие-нибудь... - растерянно сказал Захаров.

- В том-то и дело...

- А ты-то как смог? У тебя что, мохнатая рука там есть?

- Нет никакой мохнатой руки. Среди наших доблестных военных не нашлось лучшего компьютерщика, чем я. Вот и все. Им нужно было, чтобы моя задница сидела на этом месте и разбиралась здесь, что к чему. А ради этого они не только звание капитана третьего ранга присвоят, чтобы, так сказать, соблюсти все формальности, которые в нашем государстве прежде всего, важнее даже нас, людей... Так вот, ради этого они не только мне это звание дадут, - он показал на свои погоны, - а, если будет предписание, и генерала присвоят, понимаешь? - Теперь и Карташев перешел с Захаровым на «ты».

- А как они на тебя вышли?

- Как, как?! Я в Англии прокололся, вот как.

- Где?

- В Англии, вот где. Что, такой страны никогда не слышал?..

- Почему, слышал, только как ты туда попал: все же капстрана как-никак?

- У меня отец в МИДе работал, и не коридоры мыл, понимаешь?

- Да, - смутно догадываясь, ответил Захаров.

- Учился я на факультете информатики и вычислительной техники, получил профессию программиста. У меня любовь к математике и к радиотехнике еще с синих костюмов, а где это можно было совместить - только на этом факультете. Я с детства понял одну очень важную вещь: все в

этой жизни можно вычислить, лишь только случай принадлежит Богу.

- Какому Богу? Его же нет, - возразил Захаров.

- Зато коммунизм есть, только мы что-то до сих пор его построить не можем. Я тебе сейчас, конечно, на примитивном уровне докажу. Вот смотри, убежденный материалист: если следовать твоей логике, то людям, кажется, должно все быть под силу. Так?

- Конечно: в космос полетели, атомную энергию открыли.

- Только вот маленькую вещь сделать не смогли и никогда не сможем. Знаешь что? При всей нашей развитой математике (а я, поверь, на ней все зубы сточил до десен) мы никогда не найдем формулу случая. Есть теория вероятности, она кое-что, конечно, объясняет, но только лишь кое-что. Понимаешь? Но вот формулы случая как нет, так и никогда и не будет, потому что случай принадлежит Богу.

- Ну, не знаю. Что такое случай?! Просто так получилось - и все, а ты вокруг этого пустяка целую философию развел.

- Из пустяка начинается мир. Как хочешь, я тебя в этом не буду переубеждать. Расскажу лучше про себя. Глянув однажды на возможности советской вычислительной техники, я понял, что здесь мне не развернуться: на Западе тогда уже повсюду были компьютеры, а у нас, кроме здоровенных железных цифровых гробов, ничего не было. Я взял папу за «волосатую» грудь (руки, чтобы уехать туда, мало) и говорю: хочу за границу. Уж не знаю, каким путем, но он меня туда с небольшими проволочками отправил. Сначала во Францию, а потом я сам в Англию перебрался. Тяжеловато, конечно, было, но где русский не приспособится?! Вот и я сначала скрипя зубами на молочных продуктах жил, работал зазывалой в ресторане, наше-то образование там не котируется. Перебиваясь, кое-как скопил на компьютер: если бы мой папашка узнал, как я там жил, наверное, с ума бы сошел. Сказал бы: «Ах, ах, Сереженька, как же так можно, без первого?» Ну да это уже в далеком прошлом.

В свободное от работы время я начал заниматься разработкой новых программ и усовершенствованием старых. Мало-помалу моя работа заинтересовала некоторых людей, представляю, какие они на посреднической деятельности

денежки заработали... Ну да ладно: я никого тогда не знал, и меня никто не знал, а там за все нужно платить. Люди на западе, на ровном месте такие деньги зашибают, какие тебе и не снилось даже. Вот так. Со временем постепенно завязывались какие-то знакомства, и как-то однажды мне предложили работу программиста в одной серьезной фирме. Благосостояние мое после этого поправилось, стал снимать хорошую квартиру, купил машину, открыл небольшой счет в банке, не поверишь, даже жениться собирался. Но вот наступает момент... вот он, случай, когда вся жизнь меняется...

- В один прекрасный день. Я это уже слышал, - сказал Захаров.

- Да, именно в один прекрасный день, а точнее, какой-то миг, который переворачивает все с ног на голову. Поэтому я и говорю о случае, о миге, о мизере каком-то, а по вселенским масштабам это вообще ничто. Именно в нем и проявляется участие Бога в нашей жизни, только мы этого не замечаем. Что такое миг? Секунда, а может, и меньше... Поразительно, если подумать о том, что он может оказать серьезное влияние и повернуть весь твой огромный жизненный поток вспять, порой нарушая все мыслимые и немыслимые законы.

- Ты священником там не хотел стать? - спросил Захаров.

- А тебя, я вижу, эта ситуация, в которой мы сейчас находимся, ничему не научила. Неужели тебе безразлично, что с тобой будет в будущем?

- Нет, не безразлично, но мы отвлеклись.

- А я думаю, что не отвлеклись - или тебя только интересуют мои сухие биографические данные? Знаешь, когда тебя из камеры выводят, охранника ничего не интересует, кроме твоей фамилии и по какой статье осужден. Может, и тебе интересно, только когда и за что?

- Перестань, Сергей, я не охранник, а ты не заключенный, времени у нас мало, вот и все.

- Да? А ты уверен, что мы здесь не заключенные? Вот только вызванная Березиным команда охраны что-то не похожа на простых матросов. Тебе это не кажется?

- Здесь много что не похоже на то, что мы привыкли видеть там, и тем не менее мы на службе, а не в заключении.

- Ты очень сильно заблуждаешься. Посмотрел бы ты на то, что творилось на базе до твоего прибытия. Тогда бы ты не так заговорил.

- Я уже слышал об этом.

- Слышал... - Карташов немного помолчал и продолжил: - Ну, тогда как знаешь. Так вот. В один прекрасный день (будь он проклят, этот день) я узнал о том, что у нашей компании есть выход в компьютерную сеть НАТО. Меня так обуряла идея проникнуть в нее, и самое интересное - я даже толком не знал, зачем мне это нужно. Какое-то неутолимое было желание посмотреть их секреты, но самое главное, что мне хотелось выяснить, - так это то, сумеет ли русский ум взломать их буржуазную защиту или нет. Никогда раньше не был взломщиком и вот решил попробовать. На Западе этим в основном подростки занимаются, это такое у них развлечение, хотя есть, конечно, люди, которые здоровенные деньги зашибают на этом. Ну, да не об этом речь.

Целый год я ломал голову, все позабыл и всех бросил. Даже чуть работу не потерял, но вовремя одумался и вроде как оставил эту затею. Но спустя какое-то время на одной вечеринке я разговорился об этом с одним приезжим русским, и он мне сказал, что если бы у меня получилось проникнуть в компьютерную сеть НАТО и скачать кое-какие сведения, я бы мог очень хорошо заработать. Я ему тогда ничего не обещал, сказал, что попробую и, если получится, позвоню. Пришел домой немного пьяненький и сел за компьютер, а у меня правило: никогда в пьяном виде не сидеть за компьютером и за рулем. А тут сел, даже не знаю зачем - так, посмотреть. И как сел, желание, которое было: сможет ли русский ум найти ключ к западной загадке (это как левша английскую блоху подковал), - моментально выпорхнуло. И так мне захотелось стать русским левшой, что просидел до пяти утра и все же вскрыл этот сундучок с секретом. Радости не было предела. Я позвонил этому приятелю, и главное, ведь не из-за денег, а так - поделиться радостью. Он назначил мне встречу, хвалил меня и называл компьютерным гением, казалось, что он рад за меня, так же как и я за себя, но, но... Не тут-то было: ему просто нужна была информация, вот и все. Как я тогда не понимал своих противоправных действий, даже не знаю. В общем, наладили связь, и ему в течение месяца я предоставлял некоторые

сведения по его запросам. И надо было такому случиться (до сих пор себя корю за это - язык-то без костей): взял и проболтался у себя на работе одному сослуживцу. Тот, правда, ничего мне не сказал, но, видимо, он оказался очень сознательным гражданином, и в одно утро ко мне явились два субчика из английской контрразведки Ми-5. Вот так, - Карташов замолчал.

- А как тебя в Союз вернули?

- В Союз вернуться папа помог в 1985 году, у него после моего случая инфаркт был. Мне пришлось рассказать, какие документы мною были скопированы. Еще повезло, что с «русским эмигрантом» я только начал работать и он, чтобы меня проверить, сначала простенькую информацию заказывал и до самых главных документов я еще не успел добраться. Меня спасло то, что я о нем ничего не говорил, поэтому в суде квалифицировали мои действия как мелкое хулиганство, а не шпионскую деятельность. Когда в Союз приехал, папу «ушли» на пенсию, а меня начали проверять, не агент ли я английской разведки. Сам, наверное, знаешь, как относятся к приезжим оттуда. Потом последовало какое-то липовое обвинение, и мне грозило около пятнадцати лет - тогда-то ко мне Шкворин и пришел с предложением поработать на КГБ. Зная, какой у нас суд, я не сомневался, что если откажусь, то пойду по этапу на полную катушку. Вот так я и попал на базу в 1988 году, - Карташов вытащил сигарету и, закурив, включил вытяжку дыма - кондиционер сработал автоматически.

- Может, поговорим об инструкции?

- А что о ней говорить-то... - сказал Карташов и, пододвинув ноутбук. Развернув жидкокристаллический экран к Захарову, на нем красовались слова траурного цвета: **«Категория секретности «Д». ИНСТРУКЦИЯ. Только для лиц, имеющих доступ к уровню секретности «Д».**

- Вот, смотри, здесь все, что тебе интересно, только не пытайся ее скопировать: ни отдельные фрагменты, ни всю полностью, - предупредил Карташов.

- Почему?

- Потому что здесь есть секрет и «папик» ее заблокирует, а потом еще об этом узнает и Березин. Только у него есть доступ к ней, - показывая на экран, объяснил Карташов. - Я долго бился над кодом, чтобы ее вскрыть. А вот

времени на код, разрешающий печать или копировку, у меня пока нет. Так что поосторожней здесь. Ну, я пошел?

- Да, конечно, иди, - врезавшись глазами в жидкокристаллический экран, вдруг спохватившись, сказал Захаров.

Оставшись наедине с инструкцией, с которой он уже давно мечтал ознакомиться, Захаров тут же потерялся во времени. Как и все документы, она была написана сухим административно-деловым стилем. Поначалу у него бегали мурашки по коже, когда он читал о том, как следует поступать с людьми в тех или иных внештатных ситуациях. Казалось, что все действия, изложенные в инструкции со свойственным этому стилю цинизмом, не относятся к живым людям, а разговор идет о каких-то бездушных машинах. Тут же на ум пришел бортовой компьютер «Морского льва» - «папик». «Даже у него есть аналог человеческого чувства юмора, а, следовательно, и к нему нужно относиться с определенной долей человеческой теплоты», - подумал Захаров.

Начальные параграфы инструкции не привлекли внимания, они были похожи на уставную форму взаимоотношений между офицерским и рядовым составом подводной лодки при возникновении различного рода внештатных ситуаций. Захаров искал указания к действиям в случае возникновения не просто внештатной ситуации, а нечто большего, когда на субмарине происходят процессы, связанные с нарушением психики у отдельных членов экипажа. Его очень сильно интересовала именно эта тема и то, какой выход из нее предполагает инструкция. Когда он добрался до него, то увидел, что этому вопросу был посвящен целый раздел. Вся ответственность за выполнение возлагалась на Березина. Захаров потрогал за свой подбородок, сказав: «То-то ты так нервничал». На старпома также возлагалась ответственность за сохранение в тайне всего текста инструкции, а командиру лишь полагалось знать о ее существовании. Березин наделялся всеми полномочиями, он даже мог в чрезвычайной ситуации отстранить командира корабля без согласования со старшим офицерским составом. Это обстоятельство произвело на Захарова сильное впечатление, и в его голове возник вопрос: кто написал эту чертову инструкцию? Посидев еще немного, добавил: «Руки бы оборвал тому, кто это написал».

В инструкции подробно описывались действия Березина при возникновении у членов экипажа неврозоз, шизофрении и других психопатических отклонений. Определение диагноза возлагалось на Курехина - корабельного врача. Затем больной помещался в медотсек при условии, что это была легкая форма заболевания, «...не влекущая угрозы жизни подводной лодке и ее экипажа». По окончании курса лечения пациент проходит тест на пригодность к дальнейшей службе и установление окончательного диагноза. В случае, если тест не пройден, назначалось повторное лечение, но по ускоренному методу, а затем и повторное тестирование. Если же вторичная попытка не увенчается успехом, тогда так называемому больному вводится смертельная доза яда.

Единственные, на кого не распространялось это правило - отправиться на тот свет по приказанию компьютера, были Захаров и Березин. Они имели иммунитет неприкосновенности на все время похода. Даже при тяжелых формах заболевания, когда других членов экипажа сразу же предписывалось умерщвлять, им сохранялась жизнь. Также в инструкции разъяснялся еще один немаловажный факт: «Если же медотсек будет переполнен, то из него необходимо удалить по усмотрению врача или ответственного за выполнение инструкции наиболее бесперспективного больного...»

Захаров только успел прочесть последние слова, как на экране появилась табличка: «Введите контрольный код и личный номер пользователя». Это обстоятельство поставило его в тупик. «Все, приехали», - очнувшись, сказал, самому себе Захаров и, взяв со стола ноутбук, пошел скорее к Карташову. Тот сидел на центральном посту, ковыряясь в какой-то программе.

- Смотри, что у меня вылезло, - сказал Захаров, подойдя к нему.

- Что вылезло? - вздрогнув от неожиданности переспросил Карташов.

- Запрос на контрольный код.

- Выходи отсюда скорей, - неожиданно во все горло закричал Карташов. Захаров лихорадочно нажал на отмену. В появившейся новой табличке, которая просила подтвердить желание пользователя выйти, Захаров нажал на виртуальную клавишу «Да» и захлопнул ноутбук, не дожидаясь, когда его

компьютер корректно покинет базу данных бортового компьютера.

- Всем внимание, - раздалось по громкой связи, - пользователь некорректно покинул базу данных центрального компьютера. Остальным пользователям, работающим с центральной базой бортового компьютера, прекратить работу, закрыть все программы и приложения и дождаться, когда бортовой компьютер произведет перезагрузку центральной базы данных.

На центральном посту все вокруг повыглядывали из-за своих рабочих мест, спрашивая своим взглядом: «Что случилось?» Только Карташов с Захаровым не смотрели по сторонам, а, наоборот, еще больше склонили головы, словно нашкодившие ученики на уроке.

- Это сделал ты, - прошептал Карташов.

- Ну и что - превратили подводную лодку в незнамо что, - с оттенком растерянности ответил шепотом Захаров. - Ты чего так заорал, словно тебя режут?

- У тебя почему-то сработала защита, но я не знаю почему. Ты не пытался скопировать текст?

- Нет, я сидел и читал, а она выпрыгнула.

- Не знаю тогда почему... нас могли засечь, поэтому я и закричал. Вдруг «папик» разгадал бы мой вирус и вычислил, с какого компьютера послан запрос на секретную инструкцию?

- Я думаю, ничего страшного не произошло, - сказал Захаров. Ему все же была непонятна такая чересчур эмоциональная реакция Карташова.

- Будем надеяться, - ответил Карташов, поворачиваясь к экрану своего компьютера, а Захаров пошел к Березину.

Запись датирована 29 августа 1990 года

Покинув центральный пост, Захаров пошел в медотсек, где надеялся увидеть Березина и узнать о его самочувствии и заодно выяснить по возможности дальнейшие намерения Березина, по поводу происшедшего недавно конфликта. Зайдя в лазарет, он сначала встретил Курехина: тот что-то записывал в тетрадку.

- Здравствуйте, Николай Игоревич, - сказал Захаров.

- Здравия желаю, товарищ командир, - вставая, отдал честь Курехин.

- К нашему больному можно?

- Да, пожалуйста. Он как раз от скуки страдает.

Захаров прошел дальше, открыл следующую дверь, за которой и находился лазарет на восемь человек. Поскольку больных не было, Березин сидел один на кровати, держа на коленях ноутбук. Захаров сразу же бросил взгляд не на старпома, а на экран компьютера. Несмотря на то что он был повернут в сторону Захарову все же удалось увидеть, что на нем светился текст зловещей инструкции. Этот факт так поразил Захарова, что он даже отошел на полшага назад, снова оказавшись в проходе. Березин спустя только секунду заметил его появление, сразу отодвинул ноутбук, окончательно скрыв экран от посторонних глаз.

- Здравствуйте Григорий Олегович, - сглотнув слюну, как-то произнес командир.

- Здравствуйте, - последовал короткий ответ Березина.

- Как ваше самочувствие? - спросил Захаров, одновременно подходя к сидящему Березину, ощущая, как понемногу к нему возвращается уверенность.

- Нормально. Курехин-то не доложил что ли?

- Да нет, он там чем-то занят. Я уж не стал его отвлекать, - Захаров сел на противоположную кровать, а его глаза снова цеплялись за край экрана ноутбука. Ему теперь уже был виден целый угол. Березин это сразу заметил.

- Мне нужно закончить одно дело, - сказал старпом и не дожидаясь ответа, резким движением повернул ноутбук к себе, что-то начал печатать.

Захаров тут же сделал отстраненный вид, словно думал о чем-то другом. На самом же деле он, оглядывая стены, искоса внимательно следил за Березиным, и не столько за его руками, сколько за его мимикой, хотя оно практически ничего не отображало, кроме глубокой сосредоточенности.

Наконец, закончив манипуляцию пальцами и закрыв ноутбук, старпом удовлетворенно посмотрел на Захарова.

- Надеюсь, я вам не помешал?

- Нет. Не помешали. У меня тут возникла одна мысль, как только вы вошли, и я, боясь ее потерять, поторопился записать.

- Ведете дневник? - спросил Захаров.

- Да нет, так... просто фиксирую кое-что.

- Интересно. А вам что, неизвестно, что на лодке запрещено вести какие-либо записи, или инструкция, о которой вы предпочитаете умалчивать, разрешает вам это делать?

Последние слова Захарова встревожили Березина, но он удержался от того, чтобы его реакция на прозвучавший острый вопрос полностью проявила себя.

- Да это даже и не записи... - начал оправдываться Березин, а Захаров почувствовал запах превосходства.

- Тогда что это?

- Неважно, - в одну секунду отрезал старпом.

- Так, Григорий Олегович, - поменяв высоту обстрела, а заодно и тактику, сказал Захаров, - насколько я понимаю, мы здесь не на отдыхе находимся, а на службе Комитета Государственной Безопасности. И вы, как человек, отвечающий за строгое соблюдение секретности на нашей подводной лодке, первый же его нарушаете.

- Да ладно, командир, хорош гуся включать. Ты так можешь разговаривать с ними, - Березин показал на дверь, - а со мной давай по-простому. Тебе нары корячатся, как только придем на базу. Я здесь записывал твой неуставник с подчиненными. Поэтому, если пришел прощения просить, - проси; если нет - тогда иди и делай, что от тебя требуется. Может, подвиг совершишь - тебя и простят.

- Как вы со мной разговариваете, товарищ Березин? - Захаров даже встал, чтобы его слова имели больший вес.

- А как еще с тобой разговаривать?..

- А ну, встать, щенок, когда с тобой говорит старший по званию!!!

- Чего?

- Ничего... - и Захаров, схватил его за шиворот, стащив на пол.

Березин попробовал сопротивляться, но сильные руки командира, заполненные до краев свинцовой яростью,

намертво вцепились в него. Беспомощно отмахиваясь, словно от мух, старпом оставался валяться на полу. Захаров наклонился к нему и сказал:

- Еще раз такое услышу - голову в очко засуну и заставлю пить воду из гальюна. Понял меня?

- Понял, - прохрипел в ответ Березин, а Захаров почувствовал запах спиртного.

- Ты что, пьян, Березин? - сменив тон и немного ослабив хватку, удивленно спросил Захаров

- Нет, чуть-чуть только выпил.

Дверь открылась, и на пороге показался испуганный Курехин.

- Что у вас здесь происходит?

- Ничего, - сменив злость на улыбку, удивленно ответил Захаров, - Григорий Олегович опять упал. Хотел показать мне, что уже здоров, а сам шлепнулся, как только встал с постели. Ну, давай, вставай, - взяв Березина за руку, сказал Захаров, - хватит валяться.

- Я сам, - жестко сказал Березин.

- Григорий Олегович, с вами все в порядке? - спросил Курехин.

- Я в порядке.

- Помощь не требуется? - не сводя глаз с Захарова, вопрошал Курехин.

- Нет, ничего не нужно, Николай Игоревич, идите к себе, - сказал Захаров.

- Ладно тогда, - сказал Курехин и ушел.

В лазарете воцарилось молчание. Березин уселся на свою кровать, а Захаров по-прежнему стоял около него.

- Так какие записи ты там делал, - продолжил допрос командир и тут же отказался от этой попытки: - Впрочем, это неважно.

Березин ничего не ответив, сидел, опустив голову.

- Внимание! - раздалось в наушниках Захарова, - иракские подводные лодки закончили зарядку батарей. Всем офицерам и матросам занять свои боевые места согласно штатному расписанию готовности номер два.

- Так, все, у меня больше времени нет, я пошел, а ты больше не пей. Выполним задание, поговорим.

- О чем? - подняв голову, тяжело спросил Березин.

- О тебе и обо мне и как дальше жить будем. Вот о чем. Ну, все, я ушел.

Действительно, круговое хождение «Морского льва» было завершено: сигналом послужило исчезновение с поверхности моря двух шнорхелей. После этого подводные лодки снова связались друг с другом, заново согласовав план совместных действий. Теперь всей операцией командовал Захаров. Чтобы больше не нарушать дальнейший ход начинающейся охоты за американскими транспортными кораблями, иракским подводникам запрещалось самостоятельно выходить в атаку. До того момента, пока субмарина Захарова первой не нападет на проходящий мимо их конвой, никому не разрешалось предпринимать какие бы то ни было действия, которые смогут привести к их раннему обнаружению противником. Приняв новые условия, три подводные лодки отправились в Оманский залив. Теперь ответственность за выполнение приказа из «Центра» по нарушению американских морских перевозок полностью лежала на «Морском льве» и его командире.

Переход в намеченный район патрулирования занял около двух дней. Захаров так и не посетил Березина: он был полностью сосредоточен на выполнении предстоящей операции.

Уже на подходе к району патрулирования группа подводных лодок встречала на своем пути препятствия в виде постоянно появлявшихся на горизонте крейсеров, эсминцев или фрегатов многонациональных сил. По всей лодке тут же объявлялась готовность номер один, и «Морскому льву» приходилось срочно менять свой курс, уходя в сторону от них, чтобы избежать нежелательного сближения со встречными кораблями.

Перед самым входом в Оманский залив вся группа чуть сбавила ход и, словно не решаясь в него входить, легла в дрейф на северо-востоке. А в это время с юго-запада, приближаясь к ним, двигался американский конвой, состоящий из семи кораблей. Он вышел с атолла Диего-Гарсия, лежащего в полутора тысячах километрах южнее Мальдивских островов. Караван в составе танкодесантного корабля CAYUGUA (LST-1186) типа «Newport», десантно-грузового транспорта DURHAM (LKA-114) типа «Charleston», десантно-вертолетного корабля-дока OGDEN (LPD-5) типа «Austin», десантного вертолетоносца OKINAWA (LPH-3) типа «Iwo Jima», десантно-транспортного корабля-дока FORT McHENRY (LSD-43) типа «Whidbey Island», госпитального

судна MERCY (Т-АН 19) типа «Мерсу» (охранял этот десантный конвой американский фрегат S. B. ROBERTS (FFG-58) типа «Oliver Hazard Perry») шел в столицу Объединенных Арабских Эмиратов - Абу-Даби.

Это была уже вторая волна американской десантной операции по высадке частей «быстрого реагирования» на Аравийский полуостров. По ранее разработанному плану группа кораблей должна была войти в Персидский залив 5 сентября 1990 года.

- Внимание!!! Говорит акустик, - раздался в наушниках Захарова звонкий голос капитан-лейтенанта Санаева, командира гидроакустической группы. Прервав спокойный ритм работы центрального поста, он стал той искоркой, из которой, как говорят, возгорается пламя высокой активности всех остальных боевых постов «Морского льва». - Обнаружена группа кораблей из семи единиц. Пеленг сорок четыре, скорость пятнадцать узлов, курс три-четыре-три, дистанция тридцать пять миль. Один из кораблей ведет поиск в активном режиме.

- Ну, вот и праздник пришел, - пробурчал себе под нос Захаров. - Всем внимание!!! Всем постам объявляю боевую тревогу, - после этого Захаров пошел к планшету, где уже стоял штурман. Включил монитор, дублирующий показания шумопеленгатора - в его ухе зашипели давно забытые им звуки моря. А по всей лодке прозрачная белизна освещения сменилась на густо-красный цвет, и в наушниках каждого члена экипажа раздалось бибиканье сирены.

Алферов уже зафиксировал на электронном планшете координаты обнаруженных кораблей и провел их будущий курс. Когда Захаров подошел к нему и посмотрел соотношение лодки и движущихся ей навстречу кораблей, то принял решение атаковать, сказав: «Эту гирлянду мы не можем пропустить - ей обязательно найдется место на нашей елке».

- Акустической группе (говорит ноль первый) вести постоянное наблюдение за группой кораблей, идущей с юго-запада, докладывать о малейшем изменении их курса. Все боевые системы оружия привести в полную боевую готовность. Автоматизированную систему применения оружия не включать. Внимание, торпедный отсек: подготовить третий и четвертый торпедные аппараты к стрельбе. Внимание штурманской группе: выходим на боевой

курс, - Алферов уже шептал командиру цифры «ноль тридцать два».

- Ноль тридцать два, - повторил за ним Захаров. В такой же манере по всей лодке уже дублировались его приказы. А Захаров, развернувшись, пошел через весь центральный пост обратно на свое место, попутно запрашивая у акустиков идентификацию кораблей конвойной группы.

«Морской лев» и две иракские подводные лодки начали выполнять поворот, выходя на боевой курс сближения с идущими практически им в хвост десантными кораблями. Как только Захаров сел в свое место, на центральном экране его компьютера отображались фотографии и тактико-технические характеристики кораблей, на которых «Морской лев» начинал охоту.

- Внимание, посту противовоздушной обороны произвести выпуск четырех радиолокационных буев, - скомандовал Захаров, как только при беглом просмотре состава кораблей конвоя заметил фрегат ВМС США типа «Oliver Hazard Perry».

Несмотря на то что фрегат не был в достаточной мере оснащен противолодочным оружием, на его борту находились два противолодочных вертолета, способных при поддержке гидроакустических систем немедленно вылететь в район обнаружения подводной лодки и сбросить на нее глубинные бомбы или торпеды.

Из предполагаемых жертв Захаров выбрал самую крупную - десантный вертолетоносец водоизмещением в 18300 тонн, длиной сто восемьдесят метров. На его борту находились пять вертолетов огневой поддержки CH-46E «Si Night» и семь десантных вертолетов с двумя (спереди и сзади) винтами CH-53D; кроме этого на вертолетоносце были размещены 1750 десантников.

«Морской лев» всплыл под перископ, и на двухметровом экране благодаря великолепной оптике камеры «Sony» на нитке горизонта уже были видны силуэты приближающихся кораблей.

Ближе всех к лодке Захарова был фрегат «Oliver Hazard Perry». Он находился между колонной кораблей и охотившимися за ними субмаринами. То отставая, то забегавая вперед, фрегат вел поиск как в пассивном, так и в активном гидроакустических режимах. Но для «Морского льва» это было не помехой, так как весь его сто двадцати

пятиметровый корпус, подобно губке, впитывал электромагнитные частицы, не давая тем вернуться обратно с сообщением о нахождении в этом районе подводной лодки. У иракских же подводников положение дел было несколько иным: их дизельные лодки пока находились в радиолокационной тени. Но, как долго это продлится, никому было неизвестно. Естественно, они могли отказаться от атаки, переждав на безопасном расстоянии, но, очевидно, не желая отставать от Захарова, они также стремились преуспеть в нападении на конвой американского агрессора.

Корабли шли в два ряда со скоростью пятнадцать узлов, а «охотники», опустившись на глубину пятьдесят метров, притаившись, почти оставаясь на месте, ожидали момента залпа. Первыми шли десантно-транспортный корабль-док «Whidbey Island» и танкодесантный корабль «Newport». В середине, ближе к «Морскому льву», располагался заветный вертолетоносец «Iwo Jima», в паре с ним шел десантно-вертолетный корабль-док «Austin». Следом за ними не спеша двигались десантно-грузовой транспорт «Charleston» и госпитальное судно «Mercy». Расстояние между лодкой и конвоем с каждой секундой сокращалось, и, когда оно достигло пятнадцати километров, а угол между ними приближался к девяноста градусам, штурман зашевелился.

- Даю отчет времени, - скомандовал Алферов.

- Внимание, торпедный отсек, - словно проснувшись, отреагировал Захаров, - третий, четвертый аппараты - товсь! - Захаров следил за отчетом времени.

- Пять, четыре, три, два, один... - раздавался в тишине, разрывающей барабанные перепонки у всех людей, находящихся в центральном посту «Морского льва», голос-молот Алферова.

- Маркер.

- Третий, четвертый аппараты - залп, - зычно, разрезая пространство центрального поста, прозвучала команда Захарова на пуск торпед.

Лодка два раза вздрогнула от плевка торпедами.

- Докладывает пост управления торпедной стрельбой: птички на воле, скорость движения пятьдесят пять узлов, наведение посигнальное через РЛС-буйки.

На правом экране, в правом верхнем его углу, снова высветились красные цифры, отсчитывающие, как и в прошлый раз, время назад, показывая, сколько еще осталось

до встречи торпед с вертолетоносцем «Iwo Jima». В сознании Захарова мелькнуло: «Вот она, божественная власть над временем и пространством. Сейчас только я знаю, сколько им осталось до конца. И только я, только я могу повернуть вспять смертельную угрозу». Упоительное чувство незримой власти овладело им. Он мирно наблюдал, как течет назад, меняя каждую цифру на экране, счетчик времени. А внутри его с каждой уходящей секундой росли наслаждение и радость.

На поверхности Аравийского моря происходило все наоборот: как только подводные лодки выпустили торпеды (каждая по две), акустики на фрегате моментально их заметили. Немедленно было передано сообщение о помощи основной группировке кораблей, находившихся в пятидесяти милях от них.

Прозвучала боевая тревога - корабли, идущие в конвое, начали рассредоточиваться, увеличивая скорость, а с посадочной площадки фрегата, расположенной на корме, немедленно, со скоростью двести сорок километров в час помчался к месту предполагаемого нахождения подводных лодок противолодочный вертолет SH-2F «Si Sprite». Второй такой же вертолет в спешном порядке вывозили из ангара, готовя его к полету. А шесть торпед неумолимо шли им навстречу на двадцатиметровой глубине, не оставляя на поверхности никаких видимых следов своего движения. Чтобы хоть как-то защитить десантные корабли, фрегат из шестиствольной 127-миллиметровой пусковой установки лихорадочно расстреливал запас ложных целей-имитаторов - в надежде что торпеды, оснащенные активной или пассивной системой наведения, клюнут на эту хитрость и вместо настоящей цели поразят ложную. Также, чтобы сбить их с толку, фрегат включил систему радиоэлектронной борьбы, которая должна забить радар торпеды, и, та, израсходовав все свое топливо на поиск цели, упадет на дно.

Действительно, благодаря запущенным фрегатом ложным целям удалось сбить с губельного пути одну торпеду, которая взорвалась в пятидесяти метрах от фрегата, окатив огромной волной. Пять человек из его команды выпали за борт, и вместо того чтобы преследовать врага, американский корабль стал на ходу спускать шлюпку, предпринимая меры по спасению людей, упавших в море.

Еще две торпеды взорвались уже перед кораблями конвоя, спешно уходившими на север. В центральном посту «Морского льва» акустик сообщил о первом промахе.

- Говорит акустик: торпеда номер три взорвалась, цель не поражена, торпеда номер пять взорвалась, цель не поражена.

Эти доклады радости Захарову не принесли: первая серьезная атака фактически была провалена.

- Говорит контур противовоздушной обороны: к нам приближается противолодочный вертолет.

- Скорость десять узлов, курс один-восемь-ноль, - не выдавая волнения, скомандовал Захаров, включив на левом мониторе карту района плавания, где каждую секунду Алферов отмечал все пути движущихся объектов.

Оставшиеся три торпеды (две запущенные с «Морского льва», а третья - с иракской подводной лодки) достигли своей цели. Каким образом удалось последней все-таки прорваться сквозь целую тучу ложных целей (так как у нее была пассивная система наведения и ориентировалась она только на шумы), найти и поразить сто семидесяти трехметровый десантно-вертолетный корабль-док «Austin», осталось загадкой. Она угодила ему прямо в корму, раздался глухой, проникающий во все полости взрыв, весь корпус под посадочной палубой оказался оторван. Корабль мгновенно лишился хода, а его нос задрался под углом тридцать градусов. Быстро оседая назад, он начал тонуть. Уходящие на север корабли тут же замедлили свой ход и начали разворачиваться к нему, спеша на помощь, как неожиданно около них раздалась еще два взрыва.

Это торпеды «Морского льва», управляемые посигнально через буйки РЛС, беспрепятственно миновав все выставленные фрегатом помехи, нашли свою цель - десантный вертолетоносец «Iwo Jima». Два чудовищных по силе взрыва раздалась по всей округе, заглушив собой на миг все другие звуки. Торпеды попали в самую середину корабля, вонзившись в правый борт, на котором находилась единственная надстройка, вся же остальная палуба представляла собой посадочную полосу для вертолетов. Вертолетоносец сначала качнуло на левый борт, будто бы огромная сила хотела его опрокинуть, но крен не достиг и двадцати пяти градусов, как спустя уже секунду-другую он начал крениться в противоположную сторону. В его правом

борту зияли две гигантские дыры, через которые уже начала поступать вода, а ее красный недруг уже обнаружил себя и жадно начал пожирать внутренние помещения вертолетоносца. Повсюду вокруг двух кораблей плавали обломки их корпусов, а черная гарь, поднимаясь к девственно белым облакам, вносила новый штрих в палитру солнечного дня.

- Внимание, Говорит акустик: торпеды попали в цель, цель поражена.

- Вот это мне нравится, - облокачиваясь на спинку кресла, произнес Захаров. «Морской лев» не спеша разворачивался на юго-запад, покидая поле боя.

- Внимание, говорит контур противовоздушной обороны: в районе десяти часов американский вертолет ведет поиск в активном режиме, - сообщил акустик.

В этом месте как раз и находились две иракские подводные лодки. Захаров встревожился и посмотрел еще раз на карту: оказалось, что вертолет завис как раз между ними. Это был тот самый вертолет, который взлетел с фрегата, как только на корабле запеленговали пуск торпед. Он уже сделал два зависания и уже знал месторасположение иракских субмарин, но, перед тем как приступить к бомбометанию, решил сделать последний контрольный замер. Захарову уже сообщали об этом, но он был настолько увлечен поражением вертолетоносца, что забыл об уязвимости своих партнеров. В это же время к ним приближался второй вертолет, а фрегат шел на полной мощности, сбивая волны Аравийского моря с их спокойного ритма, - так же надеялся поучаствовать в охоте на подводную лодку.

- Всем внимание! Курс два-девять-ноль, глубина пятьдесят метров, приготовиться к атаке двух воздушных целей, - скомандовал Захаров, снова решив прийти на выручку иракским подводникам, попутно глянув снова на карту.

Фрегат и вертолет неуклонно приближались к «Морскому льву», еще немного - и они войдут в зону атаки. Тем временем первый вертолет уже закончил контрольный замер и, поднявшись на высоту двадцати метров, сбросил на парашюте две торпеды и две глубинные бомбы. Два взрыва раздались буквально сразу, спустя еще несколько секунд торпеды нашли и вторую подводную лодку, и на поверхность

моря взрывная волна вынесла обломки обеих субмарин, свидетельствовавшие о гибели их экипажа.

До «Морского льва» также докатились четыре глухих взрыва, качнув его корпус. Захаров сжал кулаки от злости, сказав: «Ну, все, теперь ты от меня живым не уйдешь, сволочь».

- Всплываем под перископ (я хочу этой падле в глаза посмотреть), скорость пять узлов. Быстрей, быстрей, - повысил он голос.

- Говорит контур противовоздушной обороны: ракеты к запуску готовы.

- Внимание, контур противовоздушной обороны: открыть крышки десятой, одиннадцатой шахты...

- Есть открыть крышки десятой, одиннадцатой шахты...

- Капитан, нам же запрещено применять ракетное оружие, - попробовал остановить его Заленский.

- Чихал я на то, что запрещено. Видишь, наших ребят взорвали - что, я не имею права отомстить? Вниманию контуру противовоздушной обороны: ракеты, пуск!!!

Лодка два раза едва заметно дернулась вниз. Тем временем первый противолодочный вертолет, который уничтожил иракские субмарины, докладывал о своей успешной атаке торпедами и глубинными бомбами, готовясь вылететь в район нахождения «Морского льва», как на горизонте из-под воды поднялись две едва различимые точки. Одна из них пошла навстречу летевшему на всех парах второму вертолету, а другая - к вертолету, который только что уничтожил иракские подводные лодки. С фрегата немедленно передали о двух летящих смертях (оба вертолета немедленно снизили высоту полета), и произвели запуск четырех зенитно-управляемых ракет «Standard-1MR», но расстояние было слишком велико, чтобы они успели наперехват. И тщетно оба вертолета развернулись обратно к фрегату, надеясь на его защиту (а тот почему-то неожиданно застопорил ход, испугавшись новых сюрпризов).

«Морской лев» уже всплыл под перископ, и Захаров вышел к большому экрану. Благодаря мощной оптике он наблюдал, как сначала одна ракета поразила вертолет, оставив от того только два облака гари, отчего Захаров закричал:

- Есть, есть!!! Вот так, получили, козлы! Это вам не с иракцами воевать. Переключить на большой экран картинку,

получаемую с обтекателя ракеты, я теперь хочу этим ублюдкам посмотреть в глаза, - со стороны было отчетливо видно, как им овладевает безумное чувство наслаждения смертью.

Вторая ракета также спустя несколько секунд догнала убегающий второй вертолет. Изображение транслировалось буквально до последней секунды, и было видно за стеклом кабины обезумевшее от страха предсмертное лицо пилота.

- Всем внимание! - скомандовал Захаров. - Курс три-три-пять, - командир «Морского льва» вновь задумал приблизиться к поврежденным торпедами кораблям. «Они думали, что все уже кончилось, - ну так я им сейчас еще раз напомню о себе», - сказал он сам себе. Захаров все больше и больше входил в раж, а его безумие требовало еще более острых ощущений.

- Внимание, говорит акустик: пеленг ноль пятнадцать, три скоростные цели, возможно, торпеды; скорость сорок пять узлов, дистанция приблизительно две мили.

Фрегат, ощущая свою беспомощность перед современной подводной лодкой, в отчаянии, разрядил торпедные аппараты правого борта.

- Он еще и огрызается. Шел бы поскорей восвояси, а то как бы плохо не было, - сказал Захаров. - Внимание, торпедный отсек: первый, пятый, шестой противоторпедами - к запуску товсь...

- Есть товсь, - ответили с поста торпедной стрельбой.

- Пли!!! - и тут же добавил: - Увеличить скорость до десяти узлов, выбросить имитаторы, включить радиогидроакустическое подавление.

Три торпеды, запущенные с фрегата, не пройдя и половину пути, были перехвачены мини-торпедами, посланными с «Морского льва».

- Ну, что теперь делать будешь? - по-прежнему стоя у двухметрового экрана, Захаров спрашивал как бы у капитана фрегата, когда сообщили о ликвидации угрозы «Морскому льву». Тем временем субмарина уже приблизилась к поврежденному вертолетоносцу. С его борта взлетали уцелевшие от взрыва вертолеты, эвакуируя на госпитальное судно «Мерсу» находившихся в живых семьсот пятьдесят морских десантников. Пять вертолетов СН-46Е только-только поднялись в воздух.

- Вот эта компания нам подходит, - сказал Захаров, рассматривая только что замеченные им вертолеты. - Внимание, продолжаем работу. Скорость пять узлов, открыть крышки пятой, шестой, седьмой, пятнадцатой, шестнадцатой шахт. Сейчас повеселимся!!! - подбадривая себя, сказал Захаров.

- Крышки открыты, - доложили из контура противовоздушной обороны.

- Пли!

Пять ракет с интервалом в три секунды покинули борт «Морского льва». Теперь они были пущены с учетом противоракетной обороны фрегата, который, повернув назад, шел на полной скорости к терпящим бедствие кораблям. Ракеты прошли половину пути под водой и только после этого всплыли к поверхности. Хвостовая часть отсоединилась, и, подбросив их на несколько метров над водой, включились маршевые двигатели. Пять ракет понеслись навстречу пяти вертолетам. Фрегат снова заметил движение под водой и начал было запускать ложные мишени-ловушки, включая радиогидроакустическое подавление, приняв происходящее за вторую торпедную атаку на уцелевшие корабли конвоя, но, когда ракеты взмыли в воздух, его капитан совсем растерялся и довольно поздно произвел запуск зенитных управляемых ракет. Пять вертолетов уже заходили на посадку, когда пять ракет все с тем же интервалом поочередно поразили один за другим винтокрылые машины. Пять огненных вспышек смешали войсковое железо с человеческими телами, не оставив почти никаких следов. Пять черных облачков поднялись вверх, выбросив на поверхность моря в виде осадков скудные металлические остатки вертолетов.

- Вот это охота! - почти по-детски радовался Захаров, наблюдая за действиями своих подчиненных на большом экране.

- Внимание, говорит акустик: пеленг три-три-ноль, обнаружена группа кораблей, скорость тридцать пять узлов, дистанция сорок миль.

- А вот и «скорая помощь» пожаловала. Думаете, я и с вами не справлюсь? Да нет проблем, - что-то внутри так и подмывало Захарова пойти им навстречу и ввязаться в бой.

- Капитан, - тихо обратился Заленский.

- Что? - и командир тут же опомнился, а его заглохший на время атаки внутренний голос зашептал: «Все, повеселились, и хватит». - Да ладно, а то бы я и с вами разобрался, - словно от чего-то отмахиваясь, сказал себе под нос Захаров. - Штурман, ложимся на обратный курс, контуру противовоздушной обороны возвратить назад буйки РЛС. Все, всем спасибо за хорошую работу, - уже совершенно другим тоном, сказал Захаров, покидая центральный пост, совершенно позабыв про погибших иракских подводников.